

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

**ТРАНСФОРМАЦИЯ
РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
СИСТЕМЫ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ
И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ:
СИБИРСКАЯ СПЕЦИФИКА**

Сборник научных статей

Новосибирск
2014

УДК 332.27(571.1/.5)
ББК 63.3(25)61–33
Т 654

*Сборник статей утвержден к печати
Ученым советом Института истории СО РАН*

Издание подготовлено и осуществлено при финансовой поддержке программы Президиума РАН № IX.85.2.33.2.1 «Трансформация российской политической системы в период революции и гражданской войны 1917–1920 гг.: сибирская специфика»

Научный редактор

д-р ист. наук В.И. Шишкин

Ответственный секретарь

канд. ист. наук В.В. Журавлев

Рецензенты:

д-р ист. наук В.А. Исупов

д-р ист. наук В.А. Ильиных

канд. ист. наук В.А. Прошин

Т 654

Трансформация российской политической системы в период революции и гражданской войны: сибирская специфика. Сборник научных статей / Научный редактор В.И. Шишкин. Новосибирск: Параллель, 2014. 221 с. ISBN 978-5-98901-150-6

Статьи сборника ориентированы на то, чтобы ликвидировать существующие в историографии пробелы и проанализировать изменения, которые происходили в сибирском сегменте российской политической системы во время революции и гражданской войны. В них рассматриваются комитеты общественной безопасности, народные собрания в Томской губернии, создание и деятельность Западно-Сибирского объединенного комитета революционной демократии, органы земского самоуправления Енисейской губернии, совещания управляющих уездами, создание и деятельность Государственного экономического совещания, наградная система антибольшевистских режимов востока России.

Статьи сборника ориентированы на широкий круг историков: на научных сотрудников, преподавателей учебных заведений, аспирантов и студентов.

К.Л. Захарова

КОМИТЕТЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СИБИРИ (ВЕСНА — ЛЕТО 1917 Г.)

Институт истории СО РАН

Целью данной статьи является комплексное изучение проблем, связанных с историей образования и функционирования комитетов общественной безопасности (КОБов) в Сибири. Этот вопрос до сих пор не нашел должного освещения в научной литературе, хотя исследование данной проблемы является важным компонентом в формировании целостного понимания феномена Февральской революции 1917 г. Автором настоящей статьи были изучены порядок формирования КОБов, их состав, структура, направления и результаты деятельности, а также взаимоотношения комитетов с другими элементами политической системы. Сделаны выводы о том, что комитеты общественной безопасности, являясь воплощением идеи участия широких слоев населения в управлении, исполняли роль чрезвычайных органов власти на местах, что демонстрируется масштабом и характером деятельности КОБов. Однако отказ Временного правительства включить КОБы в систему государственного управления, динамика взаимоотношений с центром, перешедших от сотрудничества к конкуренции, а также ряд других факторов не позволили комитетам в полной мере реализовать свой потенциал в деле укрепления политического единства в регионе.

Ключевые слова: Февральская революция 1917 г., Сибирь, политическая система, чрезвычайные органы власти

Февральская революция 1917 г. явилась начальным этапом трансформации политической системы России, происходившей в стране в период социальных потрясений 1917–1920 гг. Новым элементом политической системы стали органы, созданные на местах в первую очередь и почти повсеместно, которые носили разные названия: коалиционные комитеты, комитеты порядка, комитеты общественного спасения, комитеты общественной безопасности, комитеты общественных организаций и т.п. В последующем все они получили обобщенное наименование комитетов общественной безопасности (КОБов).

В действительности КОБы не ограничились только той функци-

ей, которая была зафиксирована в их названии и заключалась в сохранении элементарного общественного порядка и безопасности граждан. Они сыграли решающую роль также в преобразованиях, которые произошли после Февральской революции во всех областях российской жизни. Поэтому вопросы, относящиеся к организации, структуре, составу, основным направлениям и результатам деятельности КОБов, заслуживают самого серьезного научного анализа.

В отечественной историографии вопрос о формировании новой политической системы долгое время освещался односторонне: приоритет отдавался изучению Советов, тогда как комитетам общественной безопасности отводилась второстепенная роль. При этом сущность комитетов понималась упрощенно. Они рассматривались как органы буржуазной власти, находившиеся в конфронтации с Советами в системе двоевластия. Так, в характерной для советской историографии манере написана книга С.А. Сидоренко [1].

Автор весьма негативно оценивает КОБы и разбирает проблему данных структур с одной лишь целью: чтобы, сыграв на контрасте «буржуазных» органов и органов «диктатуры пролетариата», дать как можно более положительную характеристику последних. При этом С.А. Сидоренко ограничивается весьма поверхностным анализом КОБов, что отражается на выводах — таких же поверхностных и тенденциозных. «[...] Сущность всех этих комитетов, — утверждает он, — была одна и та же: они являлись органами буржуазии. По своему составу они были также буржуазными. В них входили представители промышленников, купечества и буржуазной интеллигенции» [1, с. 79]. Подобные клише, безусловно, не могут способствовать объективной характеристике исследуемых структур.

Среди исследований советского периода можно выделить монографию Е.Н. Бабиковой [2], которая внесла весомый вклад в изучение КОБов Сибири. Автор представила весьма развернутую характеристику комитетов: выявила особенности их формирования, проанализировала состав, структуру, направления и результаты деятельности, взаимоотношения с другими элементами политической системы. Являясь сторонницей концепции двоевластия, Е.Н. Бабикова, тем не менее, отметила демократическое начало в организации, структуре и деятельности КОБов.

Однако данное исследование страдает рядом недостатков. Характеристика социально-политического состава КОБов оказалась незавершенной из-за отсутствия персоналий. Анализ персонального состава комитетов позволил бы сделать выводы более убедительными. Исследование выполнено в рамках марксистской концепции клас-

совой борьбы, и, соответственно, выводы автора также ограничены рамками этой концепции. Поэтому Е.Н. Бабилова не пошла дальше определения КОБов в качестве «буржуазных органов власти», что является, скорее, оценочной, а не сущностной характеристикой. При этом собранный автором фактический материал позволял сделать более глубокие и многосторонние заключения.

На современном этапе изучения КОБов происходит переоценка сущности и значимости данных политических структур. Об этом свидетельствуют исследования как общероссийского масштаба, так и регионального. Проблема общественных комитетов Урала и Западной Сибири стала одним из вопросов, рассмотренных в диссертации Л.Л. Кучак [3]. Как и ее предшественники, автор уделила внимание основным характеристикам сибирских КОБов (порядок формирования, состав, структура, деятельность) и внесла ряд уточнений. Из несомненных достоинств исследования стоит отметить отсутствие идеологизированных оценочных характеристик. Также Л.Л. Кучак весьма высоко оценила опыт организации и работы КОБов, воплощавших идеи формирования демократической системы управления.

Деятельность комитетов общественной безопасности изучалась Л.А. Тресвятским в связи с исследованием роли общественности в процессе демократизации местного самоуправления Восточной Сибири в начале XX века. [4]. В целом неплохая по фактическому содержанию книга не раскрывает сущность комитетов общественной безопасности, которые автор рассматривает лишь как органы местного самоуправления.

Проблемой общественно-политической жизни в Томской губернии в период революций плотно занимается В.А. Дробченко [5]. В том числе он подробно изучил вопрос функционирования КОБов в губернии, уделив внимание как достоинствам, так и недостаткам в работе данных структур, и в этой связи проанализировал причины ликвидации комитетов. Автор пришел к выводу, что содержанием деятельности КОБов «стал поиск компромисса между различными социальными группами, направленный на реализацию гражданских прав и свобод» [5, с. 108]. Однако В.А. Дробченко в своих исследованиях относил КОБы к органам местного самоуправления.

Следует упомянуть монографию И.А. Тропова, в которой рассматривается процесс изменений в системе местных органов власти в России в 1917 году [6]. Безусловная заслуга автора в том, что им было проведено компаративистское исследование, стремящееся выявить общее и особенное в формировании и функционировании политических структур в провинции, в том числе в Сибири. И.А. Тропов называ-

ет комитеты общественной безопасности «практическим воплощением стремления населения к самоорганизации, консолидации и участию в местном управлении» [6, с. 119].

В недавно опубликованной монографии О.В. Чудакова [7], посвященной городскому самоуправлению в Сибири, также анализируется проблема КОБов, вписанных в контекст трансформации политической системы в период социальных катаклизмов. Автор расценивает комитеты общественной безопасности как «первый опыт подлинной демократии на региональном уровне», как «многопартийную демократическую коалицию, пытавшуюся реализовать идею классового мира» [7, с. 387–388]. Подчеркивая, что КОБы выполняли функции местного и общегосударственного значения, О.В. Чудаков все же, как и его предшественники, определяет комитеты как органы местного самоуправления [7, с. 388].

Хотя комитеты общественной безопасности становились темой специальных исследований, а также был сделан большой шаг в сторону признания демократических основ этих структур, результаты изучения данной проблемы нельзя назвать удовлетворительными. При наличии значительного фактического материала остается нерешенным вопрос о сущности данных структур. Авторы вышеназванных исследований ставят КОБы в один ряд с органами местного самоуправления. Данная позиция нуждается в переосмыслении, а сама исследовательская проблема в дальнейшей разработке.

В настоящей статье предпринята попытка представить целостную картину становления и развития уникальной политической структуры — комитетов общественной безопасности, оценить их сущность и роль в революционном процессе.

* * *

Анализ путей и вариантов организации КОБов следует начать с рассмотрения событий в административных центрах сибирских генерал-губернаторств — Омске и Иркутске. Здесь находились региональные представители верховной власти, и их позиция относительно происшедших политических изменений имела весомое значение для развития революции в провинции и закрепления ее завоеваний на местах. В Омске — центре Степного генерал-губернаторства — первые телеграммы о революции в Петрограде были получены 1 марта, но их распространение было задержано местными властями. Только 2 марта, когда выяснились все обстоятельства происшедших в столице событий, редакции газет получили возможность опубликовать эти сведения. Генерал-губернатор Степного края и командующий войсками Омского военного округа Н.А. Сухомлинов «заявил себя соли-

дарным с образовавшимся в Петрограде Временным правительством и просил местные как общественные, так и партийные организации, в лице их представителей, содействовать поддержанию порядка»¹.

Тогда же, 2 марта, представителями городской думы и местных общественных организаций было устроено собрание граждан, которые были ознакомлены с современным внутривластным положением. А вечером в городской управе состоялось расширенное заседание городской думы при участии общественных организаций и партийных групп для формирования временного комитета по управлению городом². В состав КОБа были избраны председатель Омского биржевого комитета Н.Д. Буяновский (занял пост председателя Омского коалиционного комитета общественной безопасности), лидер омских кадетов присяжный поверенный В.А. Жардецкий, член кадетской партии крупный торгово-промышленный деятель Н.Д. Двинаренко и др. [8, с. 11–12]. Вскоре пост председателя перешел к Н.А. Филашеву (настоящее имя — А.И. Новиков)³.

Иркутский генерал-губернатор барон А.И. Пильц отреагировал на революционные события в Петрограде введением военного положения и издал постановление, запрещающее проведение собраний общественных организаций на вверенной ему территории⁴ [1, с. 108–109; 7, с. 62; 9, с. 6]. Однако, убедившись в необратимости революции, 2 марта генерал-губернатор провел экстренное совещание, на котором присутствовали высшие чиновники генерал-губернаторства. Результатом этого совещания стало то, что А.И. Пильц отменил свое решение, запрещающее публикацию сообщений о событиях в Петрограде, проведение собраний и митингов, и согласился на создание КОБа. Вечером 2 марта в помещении городской управы состоялось собрание представителей различных учреждений и общественных организаций, на котором было сформировано ядро комитета. В состав КОБа вошли представители различных политических течений: политсильный эсер А.Р. Гоц, политсильный меньшевик С.Л. Вайнштейн, политсильный большевик (вскоре перешедший на меньшевистские позиции) В.С. Войтинский, эсер А.А. Брудерер, эсер М.А. Веденяпин, политсильный эсер А.А. Краковецкий, большевик С.Н. Лебедев, политсильный «межрайонец» (позже примкнул к большевикам) Л.М. Карахан, врач и гласный городской думы энес И.П. Михайловский и

¹ Сибирская жизнь. 1917. 9 марта.

² Там же. 4 и 9 марта.

³ Там же. 18 июня.

⁴ Там же. 24 марта.

др. Председателем КОБа был избран политссылный меньшевик И.Г. Церетели, которого вскоре сменил секретарь биржевого комитета эсер А.Н. Кругликов⁵ [9, с. 6]. Вслед за этим иркутский генерал-губернатор разослал подвластным ему губернаторам телеграммы, в которых рекомендовал создавать подобные комитеты [7, с. 62–63].

Позиция А.И. Пильца повлияла на то, что в городах Иркутского генерал-губернаторства создание КОБов шло с небольшой задержкой. К тому времени, когда газеты Восточной Сибири только получили возможность опубликовать телеграммы из Петрограда, в некоторых крупных городах Западной Сибири КОБы уже были организованы. Так, в Томск известия о революции поступили вечером 1 марта, но и здесь опубликование телеграмм было запрещено губернатором В.Н. Дудинским. Однако слухи о событиях в Петрограде взволновали город и побудили активную часть населения проявить инициативу и подтолкнуть городские власти к решительным действиям. Около семи часов вечера 2 марта делегация одного из митингов явилась в городскую думу и потребовала ее созыва, а также поставила вопрос об организации в городе власти, которая бы отвечала требованиям революционного времени⁶.

После некоторых колебаний дума приняла выдвинутое на частном заседании гласных предложение: объявить о своем присоединении к движению; избрать совместно с общественными организациями временный комитет общественной безопасности и пополнить свой состав гласными, избранными демократическими организациями⁷. В созданный временный комитет общественного порядка и безопасности первоначально вошло 10 человек. Членами от думы были избраны присяжные поверенные С.В. Александровский, Б.М. Ган, Н.В. Патрушев, член управы техник П.В. Соколов, разделявшие левые политические взгляды, и торговец К.Р. Эман (правый). Членами комитета от общественных организаций стали помощник присяжного поверенного Е.В. Захаров (эсер), этнограф В.И. Анучин (эсер), учитель В.П. Денисов (меньшевик), представитель Военно-социалистического союза рабочих-металлист А.В. Данилов-Шотман (большевик) и кооператор А.Ф. Иванов (большевик). Председателем комитета был избран Б.М. Ган⁸ [10, с. 6]. После этого было открыто публичное заседание думы, на котором собравшиеся приветствовали организацию КОБа.

⁵ Сибирь (Иркутск). 1917. 4 и 5 марта; Известия Исполнительного комитета общественных организаций г. Иркутска. 1917. 10 марта.

⁶ Сибирская жизнь. 1917. 4 и 9 марта.

⁷ Там же. 3 марта.

⁸ Там же. 4 марта.

Семипалатинск уже 28 февраля был полон слухов о том, что в столице не все благополучно. Местный губернатор Ф.Ф. Чернцов распорядился, чтобы агентские телеграммы направлялись к нему, а не в типографию. Также была приостановлена передача телеграмм в другие города области, а почтово-телеграфные чиновники, читавшие телеграммы, оказались под строгим контролем властей. Однако 3 марта уже стало ясно, что дальше скрывать известия о революции бессмысленно. Были выпущены экстренные телеграммы с обращением М.В. Родзянко от 27 февраля об образовании Временного правительства. Вечером состоялось экстренное торжественное совещание чинов области, которое признало новое правительство⁹.

Тогда же, 3 марта, был образован комитет объединенных общественных организаций, рабочих и армии, который стал «высшей и единственной властью в Семипалатинской области»¹⁰. Председателем КОБа был избран председатель союза кооперативов К.П. Ляшкевич, товарищами председателем стали присяжный поверенный, член городской думы И.А. Самойлов и попечитель о солдатских семьях Д.Н. Троицкий. Всего в комитет вошло 37 человек, среди которых были В.А. Агентов (от офицерства), А.А. Жданов (от гарнизона), Т.Б. Кузин (от общества потребителей), В.К. Владимирский (от комитета Союза городов) и другие¹¹.

В Красноярске о происшедшей революции стало известно 1 марта, но за этим никаких действий не последовало ввиду введенного в Восточной Сибири военного положения. И только 3 марта енисейский губернатор Я.Г. Гололобов после консультации с иркутским генерал-губернатором принял решение предложить городской думе образовать орган с участием общественных организаций. В результате 3 марта на экстренном соединенном заседании городской думы, общественных и политических организаций был избран комитет общественной безопасности. В комитет вошли эсер В.Я. Гуревич, политсильный большевик А.Г. Шлихтер, дендролог С.Д. Розинг, ученый и общественный деятель А.Р. Шнейдер, меньшевик А.В. Байкалов, крупный торговец кадет А.П. Кузнецов. Председателем Красноярского КОБа стал врач и журналист В.М. Крутовский, который являлся беспартийным, но разделял взгляды эсеров. Решено было послать телеграммы городским головам всех уездных городов губернии с извещением об образовании КОБа в Красноярске и с предложением органи-

⁹ Там же. 8 марта.

¹⁰ Там же. 21 марта.

¹¹ Там же.

зывать подобные комитеты в уездных городах¹².

В Чите о перевороте стало известно 2 марта из телеграммы члена Государственной думы и комиссара Министерства путей сообщения А.А. Бубликова. 3 марта городским головой Н.И. Савичем было созвано собрание представителей государственных учреждений, общественных организаций и политических партий, на котором присутствовало около 75 человек. На собрании было решено создать комитет общественной безопасности. Председателем КОБа был избран ветеринарный инспектор кадет А.А. Дудукалов [11, с. 36–37; 12, с. 8].

В Енисейске первая телеграфная весть из Петрограда была получена под утро 3 марта, но местная власть, опираясь на распоряжение генерал-губернатора А.И. Пильца, обнародовать ее побоялась. Однако слухи быстро облетели город, и вечером в народной читальне публичке были оглашены телеграммы, сообщавшие о революции. 4 марта в четыре часа дня в городской думе состоялось частное совещание представителей городского управления и начальника гарнизона, первым вставшего на сторону Временного правительства. Вечером состоялось собрание городской думы и представителей общественных организаций, на котором был избран временный комитет общественной охраны и безопасности. Председателем комитета стал меньшевик К.Г. Петунин¹³.

В Якутске 2 марта находившиеся здесь политссыльные получили от своих иркутских товарищей первые телеграммы о революции в Петрограде. Телеграммы вызвали лишь недоумение [13, с. 226]. На следующий день поступили новые сведения, подтверждавшие информацию о революционных событиях в столице. Тогда же, 3 марта, политссыльные собрались и постановили обратиться к населению с изложением содержания полученных телеграмм. Вечером состоялось многолюдное собрание, на котором горожане узнали о революции в Петрограде. А 4 марта на народном митинге, руководили которым также политссыльные, был создан комитет общественной безопасности. Председателем КОБа был избран депутат IV Государственной думы большевик Г.И. Петровский [13, с. 231–232].

В Тобольске известия о событиях в Петрограде были получены 2 марта и оперативно распространились по губернии. Местными властями были даны распоряжения не препятствовать публикации телеграмм, а также сохранять порядок¹⁴. Однако КОБ здесь был организо-

¹² Енисейский край. 1917. 5 и 7 марта; Сибирская жизнь. 1917. 9 марта.

¹³ Наш голос. 1917. 23 марта.

¹⁴ Сибирская жизнь. 1917. 12 марта.

ван лишь 5 марта. В его состав вошли профессор А.Н. Чеботарев, метеоролог Е.Л. Писаревский (социал-демократ), ученый и кооператор А.А. Благоволин, присяжный поверенный С.Л. Вилькошевский (народный социалист). Председателем был избран адвокат В.Н. Пигнатти (народный социалист)¹⁵.

В уездных городах события также развивались по-разному. В Тюмени после получения телеграмм о революции в Петрограде в четыре часа дня 2 марта состоялось созванное по инициативе городской управы собрание с участием представителей уездных общественных организаций и рабочих. На заседании обсуждался вопрос об избрании органа, который станет проводником политики Временного правительства. В семь часов вечера состоялось расширенное заседание городской думы, на котором присутствовало и население города — всего около 700 человек. Присутствовали, в частности, представители местного отдела Союза городов, потребительского общества «Пчела», общества приказчиков, военно-промышленного комитета, ремесленного кредитного товарищества, биржевого комитета и др. Собрание единогласно постановило признать Временное правительство, а для укрепления его власти образовать из гласных думы, членов общественных организаций, рабочих и воинских частей особый исполнительный комитет, который должен взять в свои руки контроль над представителями власти старого режима, подчинить себе органы полицейской власти, почту, телеграф, казначейство, железнодорожное дело, взять на себя охрану порядка в городе, предупреждать эксцессы. Председателем Временного исполнительного комитета Тюмени был избран директор частного коммерческого училища В.И. Колокольников¹⁶ [14, с. 37–41].

В Новониколаевске рабочая группа военно-промышленного комитета, узнав 2 марта о перевороте, созвала в семь часов вечера экстренное совещание. Собрание постановило признать власть Временного правительства. Также группа выпустила воззвание к рабочему населению, в котором объяснила происшедшие события и призвала рабочих к спокойствию¹⁷.

Тогда же, 2 марта, в десять часов вечера открылось заседание городской думы, на которое, кроме гласных и членов управы, явились и горожане. Было принято предложение послать телеграмму М.В. Ро-

¹⁵ Бюллетени Тобольского временного комитета общественного спокойствия. 1917. 9 марта.

¹⁶ Сибирская жизнь. 1917. 12 марта.

¹⁷ Там же. 3 марта.

дзянко о том, что городская дума присоединяется к новому правительству. Но предложение о создании комитета общественного порядка городской голова А.Г. Беседин посчитал преждевременным и объявил заседание закрытым. Явившиеся в зал заседания участники собрания в военно-промышленном комитете потребовали продолжения совещания думы, чтобы ознакомить присутствующих с постановлением комитета. Под натиском граждан городской голова уступил. На митинге выступили ораторы от военно-промышленного комитета, высказавшиеся в поддержку создания КОБа. Итогом прений стало постановление об организации комитета общественного порядка, составленного из представителей всех местных общественных организаций, городского самоуправления, органов печати, офицерства и солдат. Председателем комитета был избран эсер Н.Е. Жернаков, его заместителями — политссыльный социал-демократ Н.А. Рожков и политссыльный эсер А.В. Сазонов¹⁸ [15, с. 24–25].

В Барнауле местные власти и представители общественности оказались весьма нерешительными, хотя о происшедших в Петрограде событиях стало известно еще 2 марта из телеграммы А.А. Бубликова, переданной по железнодорожному телеграфу. Местная пресса также молчала. Потому создание власти на новых началах затянулось до 4 марта. Организацию КОБа взяла в свои руки инициативная группа кредитного союза¹⁹ [16, с. 29–31].

В Ачинске о событиях в Петрограде стало известно вечером 2 марта. Но сообщения из столицы печатать не разрешила полиция. 3 марта утром от губернатора Я.Г. Гололобова была получена телеграмма: «Дальнейшую задержку печатания телеграмм считаю бесцельной»²⁰. 4 марта в семь часов вечера состоялось совещание гласных городской думы и представителей общественных организаций, превратившееся в большое народное собрание. Присутствовало не менее 500 человек, в том числе было много солдат и офицеров. В работе собрания, на котором был поставлен вопрос об организации комитета общественной безопасности, весомую роль сыграл известный революционер — большевик М.К. Муранов²¹.

В Мариинске, Татарске и Ишиме активное участие в создании КОБов приняли представители органов городского самоуправления. В Тайге, Кольчугине, на Анжерских и Судженских копиях комитеты были

¹⁸ Голос Сибири. 1917. 4 марта.

¹⁹ Сибирская жизнь. 1917. 9 марта.

²⁰ Енисейский край. 1917. 7 марта.

²¹ Там же. 7 и 8 марта.

созданы на митингах при участии представителей администрации предприятий и местной интеллигенции²² [5, с. 110]. В Нарыме инициативу создания КОБа взяли на себя политссылные. 5 марта там было устроено всеобщее собрание, на котором был избран комитет из 15 человек. Сами политические отказались войти в комитет ввиду отъезда, но обещали содействовать организации населения²³. В Туринске решение об организации комитета было принято на общем собрании граждан города 6 марта²⁴. В Кургане руководство движением масс и контроль за порядком в городе взяли на себя офицеры 34-го Сибирского запасного полка, среди которых преобладали эсеры. Образовавшийся военный комитет совместно с городской думой занялся организацией городского комитета общественной безопасности, который был сформирован 7 марта²⁵ [17, с. 39–41; 18, с. 32–33].

В сельской местности формирование комитетов общественной безопасности затянулось до конца весны. В большинстве мелких населенных пунктов комитеты образовывались стихийно самим населением на сходах или митингах, как, например, в селе Верхне-Майзасское Томской губернии²⁶. Аналогично 8 марта в селе Шарыпово Ачинского уезда был собран сельский сход, на котором жители учредили комитет безопасности. «Сразу по избрании комитета водворились тишина и порядок в нашем селе», — отмечал один из жителей Шарыпова²⁷. В селе Кимильтей Иркутской губернии общее народное собрание граждан избрало комитет общественных организаций и народную милицию²⁸. На станции Болотная 3 марта по инициативе правления Долговского объединения кредитных товариществ было созвано совещание представителей обществ и кооперативных организаций села Болотное с участием железнодорожных служащих, чинов судебного и других ведомств, учителей местных школ и граждан села. Собрание приняло резолюцию доверия Временному исполнительному комитету Государственной думы, признало власть Временного правительства, а также избрало комитет общественного поряд-

²² Сибирская жизнь. 1917. 7 марта; Сибирский листок (Тобольск). 1917. 21 марта.

²³ Сибирская жизнь. 1917. 14 марта; Голос Сибири. 1917. 25 марта.

²⁴ Сибирский листок (Тобольск). 1917. 30 марта.

²⁵ Народная газета (Курган). 1917. 15 марта.

²⁶ Сибирская жизнь. 1917. 15 марта и 2 июня.

²⁷ Там же. 24 марта.

²⁸ Известия Исполнительного комитета общественных организаций г. Иркутска. 1917. 11 марта.

ка²⁹. Формировались КОБы и при участии городских комитетов, разославших по селениям своих делегатов для разъяснения населению совершившихся событий³⁰ [10, с. 46]. Например, 10 марта Бийским комитетом совместно с уполномоченными от солдат, кредитных товариществ, кооперативов всего уезда обсуждался вопрос об организации исполнительных комитетов в селах³¹. Новониколаевский комитет командировал ряд своих членов для организации комитетов на станциях, разъездах и в близлежащих к ним поселках³² [5, с. 110]. Дело обновления правления в свои руки взяли активные представители местных обществ. Например, в селе Красный Яр Златогорской волости Мариинского уезда организацией населения занимался священник Ф. Михайлов. Он призвал духовенство других сел последовать его примеру и помочь населению решить задачи самоорганизации³³.

Время и порядок избрания комитетов общественной безопасности были различными. Роль играли статус населенного пункта, позиция местных властей, расстановка общественно-политических сил и их умение проявить инициативу, а также скорость поступления информации (в случае удаленных поселков). У истоков комитетов крупных городов, являвшихся административно-политическими центрами, обычно стояли видные общественные деятели и известные революционеры, в основном политссылные. Где таковых не оказывалось, инициатива переходила к представителям местного самоуправления, отдельным общественным организациям или даже отдельным гражданам.

В дальнейшем первоначальный состав КОБов, как правило, пополнялся. В марте сибирские газеты практически каждый день сообщали о проходивших собраниях уже существовавших и только что созданных организаций и союзов, где одним из вопросов повестки дня был вопрос о выборе своих представителей в местные комитеты. Собственно, возможность представлять свои интересы в КОБах и заставляла население объединяться. А.В. Данилов-Шотман дал характерное описание этого процесса на примере Томского КОБа: «[...] Все стремились иметь в нем своих представителей. Общие собрания присяжных поверенных, учителей, профессоров, статистов, телеграфистов, чиновников, лавочников и даже священников стали выбирать “депутатов” в Комитет» [19, с. 264].

²⁹ Голос Сибири. 1917. 5, 9 марта.

³⁰ Сибирская жизнь. 1917. 15 марта.

³¹ Там же. 14 марта.

³² Там же. 7 марта.

³³ Там же. 12 марта.

Не менее показателен опыт Тюменского КОБа. В день организации комитета, 2 марта, было постановлено, что в КОБ войдут представители от думы, служащих городского управления, комитета Союза городов, военно-промышленного комитета, потребительского общества «Пчела», общества взаимного страхования, ремесленного кредитного товарищества, биржевого комитета, общества приказчиков, общества повсеместной помощи пострадавшим воинам, мещанского общества, общества пчеловодства, скотоводства и огородничества, железнодорожного продовольственного комитета, мусульманского общества, еврейского общества, польского общества, общественно-педагогического кружка, родительских комитетов всех средних учебных заведений города, рабочих организаций и войск местного гарнизона. К 7 марта в Тюменский КОБ наряду с представителями вышеуказанных обществ и групп вошли также представители от Совета рабочих депутатов, духовенства, торговых служащих, служащих и рабочих Омской железной дороги, Сибирского общества помощи раненым воинам [14, с. 40–41, 43].

Образованные по требованию революционного времени и не имевшие под собой никакой юридической базы, сибирские КОБы отличались численным, социально-политическим и структурным разнообразием. Так, по данным на конец марта 1917 г., Кокчетавский комитет насчитывал в своем составе всего пять человек, Тарский — девять, Сургутский — 11, в Тюкалинский и Нерчинский входило по 12 человек, в Омский — 23, Ишимский — 24, Тобольский — 48 человек [2, с. 66, 68–69].

В мае Тюменский уездный комитет включал в себя 126 человек, среди которых были чиновники, кооператоры, торговцы, предприниматели, служащие, представители местных Советов, делегаты от волостей [14, с. 39–41].

В Томский КОБ в день его образования вошло 10 человек, а в 20-х числах марта 1917 г. в комитете насчитывалось уже 165 человек, представлявших 73 общественно-политические и партийные организации³⁴. В числе его членов были чиновники, представители интеллигенции (врачи, юристы, инженеры и др.), солдаты и офицеры, рабочие, служащие, священники [см. подробнее: 2, с. 67–68; 3, с. 141; 20, с. 9].

Во второй половине марта 1917 г. в Курганский уездный и городской комитет общественной безопасности входило пять представителей от городской думы, 12 представителей от населения города, по одному представителю от общественных и кооперативных органи-

³⁴ Там же. 23 марта.

заций, 12 представителей от Совета рабочих депутатов, 13 — от Совета военных депутатов и отдельных воинских частей и 96 представителей от волостей уезда. Всего в КОБе был 191 человек [18, с. 34].

В мае 1917 г. численность Иркутского комитета достигла примерно 200 человек, среди которых были представители городской думы, общественных объединений, кооперативов, а также политические ссыльные [см. подробнее: 2, с. 68; 7, с. 62].

Сельские комитеты, разумеется, были небольшими по численности. Например, в селениях Малетинской волости Забайкальской области в комитеты входило от четырех до восьми человек³⁵. Зачастую комитеты организовывались не в отдельных селениях, а из-за малочисленности населения по сельским обществам. Так, селениях Турунтаевское и Засухинское Забайкальской области был избран общий исполнительный комитет, в который входило пять человек³⁶. Также довольно распространенной была практика, когда сельский КОБ состоял только из председателя и секретаря.

В политическом отношении комитеты общественной безопасности являлись коалиционными. Доступ в них был закрыт лишь черносотенцам и тем, кто запятнал себя связью с монархическим режимом. Например, помощник начальника отдела милиции Томского КОБа эсер А.Р. Цветков оказался провокатором и агентом местной охраны. А.Р. Цветков был арестован, а на его место назначен социал-демократ Н.И. Березницкий, который также оказался секретным сотрудником охраны³⁷ [21, с. 58]. В большинстве КОБов преобладали эсеры и меньшевики. Большевики также входили в состав комитетов, занимая в ряде случаев ответственные должности. Как уже упоминалось, Г.И. Петровский был председателем Якутского КОБа, Н.Н. Яковлев являлся членом распорядительного бюро Томского КОБа, А.Г. Шлихтер — товарищем председателя Енисейского КОБа³⁸ [22, с. 18].

Обобщая имеющиеся данные, нет никаких оснований называть комитеты общественной безопасности исключительно буржуазными. Комитеты создавались как коалиционные, давая доступ в них практически всем слоям местного населения. И население, если действительно того хотело, могло повлиять на состав КОБов. Так, в Каинске жители города не были довольны первоначальным составом комите-

³⁵ Известия исполнительного комитета общественных организаций и Совета рабочих и солдатских депутатов города Верхнеудинска. 1917. 31 марта.

³⁶ Там же.

³⁷ Сибирская жизнь. 1917. 14 апреля.

³⁸ Енисейский край. 1917. 7 марта; Сибирская жизнь. 1917. 7 и 8 марта; Голос свободы. 1917. 25 марта.

та, сформированным под руководством местной думы. Поэтому, взяв инициативу в свои руки, жители Каинска приняли решение пополнить комитет 10 новыми членами. Состав КОБа стал более демократичным, поскольку в него вошли представители от мещан и ремесленников³⁹.

Как уже отмечалось, расстановка общественно-политических сил на местах влияла на состав всех комитетов. Можно говорить о том, что в начале в большинстве городских КОБов Тобольской губернии и Степного края преобладали чиновники, служащие, владельцы крупной земельной собственности и предприниматели, которые преимущественно являлись членами кадетской партии [см. подробнее: 2, с. 69]. Но постепенно состав комитетов расширялся и демократизировался за счет представителей от общественных организаций и волостей. Так было в случае с Тюменским КОБом, переизбранным в мае 1917 г.

В городских КОБах остальных губерний и областей было больше представителей интеллигенции. Если в населенном пункте находились политссыльные, то чаще всего именно они составляли ядро комитета. В таких крупных городах, как Иркутск и Томск, где было много чиновников и служащих, их удельный вес также был в КОБах также значительным. Так, из 200 членов Иркутского КОБа, чье социальное положение удалось выяснить, 13 человек являлись чиновниками, 41 человек — служащими [2, с. 68].

На Анжерских, Судженских и Черемховских копях, на Гурьевском, Николаевском и Александровском заводах, на Мариинских и Ленских золотых приисках, на Кольчугинском руднике, в шахтерских поселках в комитетах состояли в основном рабочие⁴⁰ [10, с. 27, 31]. Тогда как в составе подавляющего большинства волостных и сельских КОБов преобладали крестьяне. Нередко в сельские комитеты избирали местную интеллигенцию. Например, КОБ села Демьянское Тобольской губернии возглавлял учитель Г. Дмитриев-Садовников⁴¹. Но зачастую крестьяне избирали в комитеты людей, входивших до революции в состав старого правления, из-за чего в КОБы попадали старшины, старосты, писари⁴².

Структура комитетов во многом зависела от имевшихся в наличии людских ресурсов. Нередко комитеты избирали президиумы, со-

³⁹ Сибирская жизнь. 1917. 17 марта.

⁴⁰ Там же. 21 марта.

⁴¹ Сибирский листок (Тобольск). 1917. 23 марта.

⁴² Знамя революции. 1917. 22 июня.

стоявшие из нескольких человек, чаще — председателя и его помощников. Так, Туринский комитет избрал президиум, в который входили председатель, два товарища председателя, секретарь и казначей⁴³. Ишимским исполнительным комитетом руководил президиум в составе председателя, двух его заместителей, секретаря и казначея, Омским коалиционным комитетом — председатель, два заместителя и секретарь [2, с. 67]. К середине марта Омский коалиционный комитет образовал 11 отделов: политический, задачей которого были «охранение государственной безопасности, порядок», административный, общей информации, культурно-просветительный, продовольствия, торговли и промышленности, финансово-контрольный и хозяйственный, сельскохозяйственный, рабочий, кооперативный, военно-казачий⁴⁴. В исполнительном комитете Иркутского комитета общественных организаций состояло 43 человека. При исполкоме действовали секции и комиссии: рабочая, военная, крестьянская, охраны порядка, пропагандистская, учебная, юридическая, медико-санитарная, по топливу и др.⁴⁵ [2, с. 67].

Весьма развитой структурой отличался Томский КОБ. 5 марта общее собрание комитета избрало распорядительное бюро из семи человек, которое должно было руководить всей практической работой комитета и его ячеек, а также заниматься подготовкой местных законов для утверждения общим собранием комитета. Председателем распорядительного бюро стал Б.М. Ган, товарищем председателя — профессор Н.В. Готовский, членами — В.И. Анучин, А.В. Данилов, прапорщик В.С. Сизиков, присяжный поверенный М.Б. Шатилов и представитель Совета солдатских депутатов Н.Н. Яковлев. Также было организовано исполнительное бюро. Первым его отделом стал комиссариат по управлению губернией, в который вошли присяжный поверенный П.В. Вологодский, помощник заведующего Томским переселенческим управлением М.А. Воскобойников и чиновник по крестьянским делам А.А. Барок, вскоре замененный М.П. Марковым. В исполнительном бюро были также созданы следующие отделы: милиции, военно-юридический, путей сообщения, труда, топлива, продовольственный, народного образования, здравоохранения и социального обеспечения, митингов и судоходный. В целях наилучшей постановки дела оповещения населения о мероприятиях комитета при нем было

⁴³ Сибирский листок (Тобольск). 1917. 30 марта.

⁴⁴ Омский вестник. 1917. 12 марта

⁴⁵ Известия исполнительного комитета общественных организаций г. Иркутска. 1917. 11 марта; Сибирь (Иркутск). 1917. 12 и 15 марта.

учреждено особое информационное бюро⁴⁶ [22, с. 18].

Первоочередная и главная задача КОБов заключалась к содействию Временному правительству в поддержании порядка, безопасности и спокойствия на местах, что и обусловило направление их усилий. Одним из первых мероприятий КОБов стало подчинение им силовых структур и создание органов охраны правопорядка. Так, в Томске гражданская полиция в лице полицеймейстера М.П. Шеремета добровольно предоставила себя в распоряжение Томского КОБа. КОБ предполагал сохранить полицию на время, сузив ее полномочия. Вместе с этим 2 марта в Томске под началом КОБа из нижних чинов запасных полков была учреждена военная милиция. 3 марта была создана студенческая милиция, на базе которой сформировалась городская милиция, возглавил которую член КОБа большевик А.Ф. Иванов⁴⁷. Начальник местного гарнизона после некоторых колебаний выпустил приказ о признании Временного правительства и поддержке Томского временного комитета общественного порядка и безопасности [10, с. 6–7]. КОБ заручился поддержкой войск. Примерно так же происходило в населенных пунктах различных уровней. Например, в уезде Кузнецке Томской губернии местный гарнизон войск в полном составе явился к зданию городской управы, заявив о полном подчинении Временному правительству и готовности исполнить все распоряжения местного комитета общественной безопасности. Такое же заявление сделали чины полиции во главе с исправником⁴⁸.

Комитеты следили за порядком устройства и проведения митингов, предотвращали погромы и расправы, пресекали деятельность врагов нового строя и т.д. Например, Тобольский КОБ, желая сохранить порядок в городе и вернуть ход жизни в нормальное русло, просил «учащихся в дальнейшем без соглашения с комитетом не принимать участия в митингах и уличных процессиях, памятуя, что сохранение спокойствия и нормальный ход обычных занятий — лучший способ содействия мероприятиям нового правительства»⁴⁹. По предписанию Забайкальского КОБа начальником читинской милиции был произведен обыск у члена бывшего Союза русского народа викарного епископа Ефрема. При обыске были изъяты более пяти тысяч экземпляров разной погромной литературы⁵⁰.

⁴⁶ Сибирская жизнь. 1917. 7 и 8 марта; Голос свободы. 1917. 25 марта.

⁴⁷ Сибирская жизнь. 1917. 3, 5 и 7 марта.

⁴⁸ Там же. 9 марта.

⁴⁹ Бюллетени Тобольского временного комитета общественного спокойствия. 1917. 9 марта.

⁵⁰ Наш голос. 1917. 4 мая.

Параллельно шла ликвидация структур прежней системы власти. Под контролем КОБов осуществлялись отстранение и аресты высших чинов прежней администрации, полиции и чиновников, вызывавших недовольство местного населения, освобождение заключенных, расследование деятельности должностных лиц администрации, проводилась организация милиции для охраны порядка. Так, в Омске 4 марта по постановлению коалиционного комитета и Совета рабочих депутатов были произведены аресты генерал-губернатора Н.А. Сухомлинова, губернатора В.А. Колобова, вице-губернатора Н.И. Князева, председателя судебной палаты В.В. Едличко, прокурора судебной палаты А.К. Висковатого и других лиц местной администрации. Аресты были произведены от имени нового правительства⁵¹. Тобольский комитет на одном из своих первых заседаний «признал необходимым изъять из ведения губернского жандармского управления все дело-производство и архив»⁵². Вместе с этим комитетом были разоружены все чины Тобольской жандармской полиции, которые перешли в ведение уполномоченного комитета — комиссара по городу Я.И. Кобякова⁵³. По постановлению Тарского исполнительного комитета, утвержденному губернским комиссаром, черносотенный деятель И.И. Куминов был отстранен от должности инспектора народных училищ⁵⁴. Подобным же образом действовали и остальные КОБы Сибири.

Первые шаги волостных и сельских комитетов также были направлены на реорганизацию прежних административных структур. Так, в селе Черемхово осуществляющим власть исполнительным комитетом общественных организаций был смещен пристав, а также были устранены жандармы, стражи и урядники. Для наблюдения за деятельностью мировых судей юридической секцией комитета были назначены уполномоченные. Была организована гражданская милиция, состоявшая из 40 милиционеров, подчиненных непосредственно местному комитету. Аресты, обыски и выемки производились только по распоряжению КОБа⁵⁵.

КОБы взяли на себя задачу обеспечения населения продовольствием и предметами первой необходимости, боролись с ростом цен и спекуляцией. Томский комитет временно отменил карточную систему

⁵¹ Бюллетени Тобольского временного комитета общественного спокойствия. 1917. 12 марта.

⁵² Там же. 9 марта.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Сибирский листок (Тобольск). 1917. 30 марта

⁵⁵ Известия исполнительного комитета общественных организаций г. Иркутска. 1917. 11 марта.

на печеный хлеб, и население стало покупать хлеб свободно из всех лавок города⁵⁶. Помимо этого, комитет контролировал продажу мяса, запрещал оптовый вывоз продуктов из города, принял меры по борьбе с выкуркой и продажей самосидки, браги, пива и других хмельных напитков, на производство которых тратились запасы зерна⁵⁷. Комитетами Сибири производились обыски в лавках и магазинах в целях предотвращения продовольственного кризиса, велся учет предметов первой необходимости, контролировался отпуск пайков⁵⁸ [14, с. 44].

Комитеты были вынуждены заниматься предотвращением различного рода аграрных беспорядков, самовольных порубок леса и незаконного пользования другими угодьями. Так, управляющий делами графа Татищева, имевшего в пользовании угодья в Курганском уезде, жаловался местному комитету на то, что «крестьяне уводят скот, увозят лес и сено», и просил предпринять меры в целях нормализации положения [17, с. 42]. Тобольский КОБ потребовал от сельского населения, занявшегося самовольной пастьбой на казенных угодьях, не нарушать порядок и подчиняться распоряжениям лесничих и лесной стражи [17, с. 45–46]. Вместе с тем комитеты принимали меры к предотвращению сокращения посевных площадей, беря на себя заботу о выдаче ссуд на посевы и контролируя рост платы за аренду земли⁵⁹. Например, Троицкий волостной комитет Тюкалинского уезда отстранил от дел лесничего Еланского лесничества К. Шумана, поднявшего плату за пользование землями [14, с. 46–47].

Комитеты внимательно относились к нуждам рабочих. Так, член Томского КОБа Е.В. Захаров подготовил обстоятельную записку о положении дел на копях товарищества Мачини и Тимофеева с предложением принять ряд мер по улучшению условий быта и труда рабочих [23, с. 40–43, 89–90]. Техническая комиссия, сформированная Томским комитетом, обследовала обстановку на копях Михельсона и «наметила меры к урегулированию жизни копей» [23, с. 82–83].

Вообще спектр задач, за решение которых брались комитеты общественной безопасности в целях устройства различных сторон повседневной жизни населения Сибири, был очень широк. Например, в Тобольске из членов местного комитета была сформирована комис-

⁵⁶ Сибирская жизнь. 1917. 4 марта.

⁵⁷ Там же. 9 марта.

⁵⁸ Там же. 16, 19, 21 и 24 марта, 7, 11, и 12 июля, 22 августа.

⁵⁹ См., например: Известия Исполнительного Комитета Общественных Организаций и Совета Рабочих и Солдатских Депутатов города Верхнеудинска. 1917. 13 апреля.

сия для выработки правил и условий санитарного состояния города⁶⁰. Иркутский комитет контролировал различные сферы жизни города. Его секция по топливу, занимаясь вопросом об обеспечении населения углем, приняла решение послать в Черемхово солдат-углекопов; комиссару по учебной части В.Г. Архангельскому было поручено устранить священника Ф.Ф. Верномудрова от преподавательской деятельности, поскольку он возбуждал учеников против нового правительства; юридическая комиссия Иркутского КОБа решила вопрос о смещении чинов судебного ведомства и т.д.⁶¹

Для решения текущих потребностей и возникающих проблем КОБы организовывали отделы и комиссии. Поскольку КОБы решали вопросы общего значения (например, обеспечение продовольствием или поддержание порядка), в структуре всех комитетов создавались соответствующие отделы или назначались ответственные лица по данным вопросам. По сути компетенция КОБов определялась ими самими непосредственно во время заседаний и не была четко зафиксирована. Это, в свою очередь, отражалось на результатах деятельности, поскольку КОБам приходилось взаимодействовать с другими элементами политической системы и разделять с ними полномочия.

Наряду с КОБаами продолжали существовать и функционировать городские думы и их управы, с которыми комитеты находились в тесном взаимоотношении. Можно сказать, что КОБы были вынуждены решать вопросы, актуальные для организации демократической власти в целом. Однако многие из этих вопросов так или иначе касались компетенции дум. Нередко члены дум и члены комитетов создавали объединенные комиссии и решали вопросы местной жизни общества. Например, дума Красноярска на заседании 14 марта 1917 г. постановила образовать комиссию для розыска могил местных борцов за народное дело и для принятия мер к их охране, а также пригласить в состав этой комиссии по одному представителю от местного КОБа и местного Совета рабочих и солдатских депутатов⁶². Но были и примеры фактического бездействия дум, не сумевших удержаться в новой политической системе. В частности, гласными думы Верхнеудинска в апреле 1917 г. был поднят вопрос о том, существует ли еще городская дума как орган городского самоуправления⁶³.

⁶⁰ Бюллетени Тобольского временного комитета общественного спокойствия. 1917. 15 марта.

⁶¹ Известия Исполнительного комитета общественных организаций г. Иркутска. 1917. 11 марта.

⁶² Наш голос. 1917. 17 марта.

⁶³ Известия исполнительного комитета общественных организаций и Совета

Отношения КОБов с Советами на первых порах можно расценивать как отношения сотрудничества. Как было показано выше, Советы нередко направляли своих представителей в КОБы, а отдельные лица совмещали должности в обеих этих структурах. Комитеты и Советы также формировали соединенные исполнительные бюро, как это было, например, в Красноярске: на совместных заседаниях формулировались в общем виде вопросы или слушались заявления граждан, а дальше решалось, чьей компетенции подлежит решение той или иной проблемы⁶⁴. В Туринске общий орган образован не был, но местный КОБ, Совет рабочих и солдатских депутатов и продовольственный комитет постановили «собираться раза два в месяц в соединенном собрании для выяснения спорных вопросов»⁶⁵.

Но хотя в Сибири и были условия для весьма успешного сосуществования КОБов и Советов, все же отсутствие четкого разграничения полномочий вело к снижению эффективности деятельности данных структур, т.к. они решали одни и те же вопросы и «тянули одеяло на себя». Например, назначенная Томским КОБом комиссия для улаживания конфликта между рабочими Анжерских копей и начальником копей оказалась не у дел, поскольку Анжерский совет уладил конфликт еще до прибытия комиссии на место⁶⁶. Со временем стремление сосредоточить всю полноту власти в своих руках неизбежно вело к конфликтам.

Ситуация усугублялась тем, что КОБы не были официально включены в систему государственного управления. Официальными и единственными представителями Временного правительства на местах являлись правительственные комиссары, которым и принадлежало право издания обязательных для выполнения всем населением постановлений. Комитеты общественной безопасности рассматривались правительством как общественные организации, призванные консолидировать население на местах. Временное правительство признало органами власти (до организации волостных земских собраний) лишь волостные комитеты (причем те из них, которые были созданы под контролем правительственных комиссаров), поскольку волостные и сельские правления были крестьянами разогнаны и другой власти там не было.

Конфликты между КОБаи и правительственными комиссарами

рабочих и солдатских депутатов города Верхнеудинска. 1917. 13 апреля.

⁶⁴ Наш голос. 1917. 17 марта.

⁶⁵ Сибирский листок (Тобольск). 1917. 21 мая.

⁶⁶ Сибирская жизнь. 1917. 14 апреля.

в Сибири случались. Основной причиной их возникновения было недовольство КОБов назначением комиссаров сверху, Временным правительством, без согласования с местами. В таких случаях комиссаров не принимали и не давали им работать. Назначенный комиссаром Енисейской губернии член Государственного совета профессор Е.Л. Зубашев был вынужден вскоре оставить этот пост. Временное правительство пошло на уступки требованиям позволить комитетам самим рекомендовать кандидатов на должность комиссаров. В итоге 12 апреля в должности губернского комиссара Временное правительство утвердило председателя исполнительного бюро Енисейского КОБа В.М. Крутовского. Тем самым удалось на время сгладить противоречия. Однако вскоре конфликт возобновился уже между новым комиссаром В.М. Крутовским и комитетами губернии. Так, Ачинский КОБ 1 мая сообщал в телеграмме губернскому комиссару, что комитет и временная уездная земская управа «не находят нужной должность уездного комиссара» [цит. по: 24, с. 115]. В конце апреля между Енисейским КОБом и губернским комиссаром разгорелся конфликт, грозивший вылиться в полный разрыв отношений между комитетом и представителем правительства. Причиной послужило затягивание выдачи пайков нуждавшимся солдатским семьям. В.М. Крутовский был вынужден признать, что Енисейский КОБ проявляет «полную автономию, игнорирует законы и существующие положения» [цит. по: 24, с. 115–116]. Е.Л. Зубашев тем временем продолжил занимать пост комиссара в Томской губернии, но и здесь его работа не заладилась, и в мае 1917 г. он добровольно сложил с себя полномочия.

Несколько иначе развивалась ситуация в Иркутской губернии. Иркутский КОБ, не признав назначенного на должность комиссара профессора П.И. Преображенского, в марте 1917 г. утвердил на эту должность советника губернского правления И.А. Лаврова, что вызвало недовольство Временного правительства. Однако, заняв пост правительственного комиссара, И.А. Лавров попытался отстранить КОБ от управления. Конфликтными были отношения между КОБаами и комиссарами И.П. Лаптевым (Степной край) и В.Н. Пигнатти (Тобольская губерния), являвшимися сторонниками независимой власти комиссара от каких-либо организаций [14, с. 72–74]. С усилением института правительственных комиссаров КОБы постепенно стали терять управленческие функции, поскольку комиссары решали эти вопросы единолично, опираясь на свой аппарат.

Отсутствие прочной юридической основы, на которую могли бы опереться КОБы, вело к тому, что они действовали порой самочинно, вызывая недовольство населения: самовольные (и неоправданные)

аресты и обыски были обычным явлением⁶⁷ [5, с. 114–115]. Также среди членов комитетов оказалось немало людей случайных, некомпетентных. Так, заседания Томского КОБа превращались в пустую говорильню, носили помпезный характер, на общие публичные собрания выносились дела, не имевшие существенного значения⁶⁸. Самоуправство КОБов, с одной стороны, а с другой — отсутствие полезной деятельности комитетов и результатов их работы отражалось на поведении жителей губерний, которые считали, что им как хозяевам губернии дозволено все. Требования КОБов нередко игнорировались. Деятельность комитетов, особенно сельских, находилась под пристальным вниманием населения. Сформированные вечерним способом комитеты с такой же легкостью переизбирались, если население было не удовлетворено их составом или практической деятельностью⁶⁹.

Основная часть комитетов общественной безопасности расформировалась после проведения реформы городского самоуправления и введения земства в Сибири [14, с. 78]. Хотя отдельные комитеты сумели удержаться в новой политической системе дольше. Например, Забайкальский КОБ был расформирован лишь в конце декабря 1917 г. Но этот случай скорее исключение из правила. Если КОБы не распались окончательно, то чаще всего просто становились бесполезным придатком в политической системе, не игравшим никакой существенной роли в политической жизни, а их функции сводились к совещательным. Комиссар Временного правительства в Тобольской губернии В.Н. Пигнатти в отчете о политическом положении губернии в августе 1917 г. сообщал, что еще существующие местные КОБы (Тобольск, Туринск) «фактически бездействуют, не имея влияния на ход жизни» [14, с. 78]. В Омске решение о ликвидации КОБа принял Совет рабочих и солдатских депутатов. Омский КОБ отстаивать свое право на существование не стал⁷⁰.

* * *

Созданные в первые дни революции, когда старые органы управления были парализованы и новая система государственного управления еще не была сформирована, комитеты общественной безопасности стали для Временного правительства главным инструментом укрепления его власти и проведения в жизнь его политики. Ос-

⁶⁷ См., например: Сибирская жизнь. 1917. 20, 25 апреля.

⁶⁸ Там же. 25 апреля, 27 июня.

⁶⁹ См., например: Сибирская жизнь. 1917. 25 апреля, 16 мая, 2, 10 июня; Знамя революции. 1917. 20 июня.

⁷⁰ Сибирская жизнь. 1917. 18 июня.

новным принципом организации КОБов являлось представительство в них широких слоев населения. Особенно актуально это было для Сибири, где отсутствовало земство. Поэтому создание КОБов нашло живой отклик среди различных социальных групп, общественно-политических и профессиональных организаций.

Хотя Временное правительство не признало комитеты общественной безопасности в качестве собственных органов власти на местах и не передало им правительственные функции, сами КОБы позиционировали себя именно как представители Временного правительства на местах, приписывая себе широкий спектр полномочий. Так, исполнительное бюро Новониколаевского комитета общественного порядка и безопасности в телеграмме Временному правительству от 22 мая 1917 г. заявило, что комитет действует «как орган высшей власти на месте» [цит. по: 7, с. 59].

Учитывая масштаб и характер деятельности КОБов, а также их значение в жизни Сибири, правильнее было бы рассматривать КОБы в качестве чрезвычайных органов управления. Функции и полномочия КОБов определялись в соответствии с требованиями экстремального характера революционного времени. КОБы действовали не на основе законов, а выстраивая параллельную структуру власти и управления. Формально подчиняясь указаниям правительства, КОБы оставляли за собой свободу действий, особенно в тех случаях, когда необходимо было принимать не предусмотренные правительством меры. Так, в Томске, Новониколаевске, Тюмени, Кургане и Тобольске они санкционировали установление 8-часового рабочего дня и регулирование заработной платы рабочих и служащих городских предприятий еще до официального решения этих вопросов в центре. Сложилась система органов, с помощью которой стало возможным контролировать и поддерживать состояние революционного порядка. Не являясь юридически представителями власти Временного правительства на местах, фактически комитеты общественной безопасности исполняли именно эту роль.

Временное правительство не смогло в должной мере оценить потенциал КОБов и поддержать их начинания. Однако включение комитетов общественной безопасности в новую систему государственного управления и расширение их полномочий реально отвечало требованиям как местного населения, так и государства в целом. Поскольку этого не произошло, то в итоге от согласованных действий КОБы нередко переходили к противодействию Временному правительству. Подобная конкуренция власти разрушала то политическое единство, которое сложилось в ходе Февральской революции.

Литература

1. *Сидоренко С.А.* Февральская буржуазно-демократическая революция и начало перехода к революции социалистической в Сибири (март — апрель 1917 г.). Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1970. 244 с.
2. *Бабикина Е.Н.* Двоевластие в Сибири. Томск: Издательство Томского университета, 1980. 159 с.
3. *Кучак Л.Л.* Местное управление на Урале и в Западной Сибири в марте — октябре 1917 г.: дис. ... канд. историч. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2002. 231 с.
4. *Тресвятский Л.А.* Общественность и местное самоуправление в Восточной Сибири в начале XX века. Томск: Издательство Томского политехнического университета, 2010. 183 с.
5. *Дробченко В.А.* Общественно-политическая жизнь Томской губернии (март 1917 — ноябрь 1918 г.). Томск: Издательство Томского университета, 2010. 550 с.
6. *Тропов И.А.* Революция и провинция: Местная власть в России (февраль — октябрь 1917 г.). СПб.: Издательство «Европейский Дом», 2011. 250 с.
7. *Чудаков О.В.* Городское самоуправление в Сибири в годы Первой мировой войны и период социальных катаклизмов (июль 1914 — первая половина 1918 гг.). Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2013. 423 с.
8. Октябрь в Сибири. Хроника событий (март 1917 — май 1918 г.) / Э.И.Черняк, Е.Н. Косых, Т.В. Якимова и др. Новосибирск: Наука, 1987. 320 с.
9. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Иркутской губернии (март 1917 — ноябрь 1918 гг.) / сост. В.Г. Зыкова. Томск, 1991. 205 с.
10. Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917 — 1919 гг.): Сборник документальных материалов: (к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции) / под ред. В.С. Флерова. Томск: Зап-Сиб изд-во, 1957. 565 с.
11. *Соколов В.* Февральский «переворот» в Чите // Северная Азия: общественно-научный журнал. М., 1927. Кн. 1. С. 36–41.
12. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Забайкальской области (март 1917 — ноябрь 1918 гг.) / сост. В.Г. Зыкова. Томск, 1991. 204 с.
13. *Ярославский Е.* Что было 9 лет назад в Якутске // Пролетарская революция. 1926. № 3 (50). С. 224–239.
14. Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии (1917 — 1920 гг.): Сборник документальных материалов / Отв. ред. П.И. Рощевский. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1967. 432 с.
15. *Тетерин Н.* Новониколаевск в Февральскую революцию // Северная Азия: общественно-научный журнал. М., 1927. Кн. 1. С. 24–28.
16. *Николаев В.* Февральская революция на Алтае // Северная Азия: общественно-научный журнал. М., 1927. Кн. 1. С. 29–35.
17. Установление Советской власти на территории Курганской области (март 1917 — июнь 1918 гг.): Сборник документов и материалов / Ред. В.В. Подливалов. Курган: Изд-во газеты «Красный Курган», 1957. 252 с.

18. Глебов С.С. Победа Советской власти в Южном Зауралье. Курган: Изд-во газеты «Советское Зауралье», 1961. 147 с.
19. Шотман А.В. Февральская революция в Томске // Пролетарская революция. 1927. № 2–3. С. 272–277.
20. Соловьева В.А. Томский комитет общественного порядка и безопасности в 1917 году // Материалы научной конференции по истории Сибири, посвященной 50-летию Великого Октября. Томск, 1967. С. 8–11.
21. Бархатов В. Февральская революция в Томске // Каторга и ссылка. 1931. № 1 (75). С. 57–64.
22. Ган Б. Февральская революция в Томской губернии // Северная Азия: общественно-научный журнал. М., 1927. Кн. 1. С. 13–23.
23. Установление Советской власти в Кузбассе (1917 — 1919): Сборник документов / Под ред. В.А. Кадейкина. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1957. 429 с.
24. Дементьев А.П. Правительственные комиссары и комитеты общественной безопасности в Енисейской губернии в 1917 г.: к вопросу о взаимоотношениях // Енисейская губерния — Красноярский край: 190 лет истории: VII краеведческие чтения. Красноярск, 2012. С. 113–117.

В.А. Дробченко

НАРОДНЫЕ СОБРАНИЯ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ 1917 ГОДА: ОПЫТ РЕФОРМЫ ВЛАСТИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Филиал Кемеровского государственного
университета в г. Анжеро-Судженске

В статье представлена характеристика органов власти в одном из крупнейших российских регионов — Томской губернии в 1917 г.: выявлены причины проведения первой в России реформы управления на региональном уровне, основанной на проведении демократических выборов и реализации принципа разделения властей, направленной на формирование основ правового государства и гражданского общества; исследован механизм реализации реформы на практике — замены временных комитетов народными собраниями и их исполнительными комитетами; охарактеризована структура органов власти от губернского до сельского уровней; определены их состав, функции, основные направления деятельности, а также причины и процесс их ликвидации; сделан вывод о том, что в условиях нарастающего социального конфликта властям удалось не допустить в губернии кровавых столкновений противоборствующих сил.

Ключевые слова: Власть, общество, революция, местное самоуправление, реформирование, выборы, народные собрания, исполнительные комитеты.

Вопросы организации власти и ее качественные характеристики вызывали повышенный интерес общества на протяжении всей его сознательной истории. Особую остроту эти вопросы приобретали в периоды революционных преобразований. Трудно не согласиться с ленинским тезисом о том, что «коренной вопрос всякой революции есть вопрос о власти в государстве» [1, с. 145].

В современном постоянно меняющемся мире проблема власти и ее взаимоотношений с обществом имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Поиск оптимальной модели организации власти являлся одной из важнейших составляющих политического процесса в России на протяжении последних трех десятилетий. Геополитические изменения на рубеже XX — XXI вв., включая так называемые «цветные революции», продемонстрировали различные варианты трансформации власти. В ряде случаев на гребне революцион-

ной волны к власти приходили радикалы, которые общедемократические лозунги заменяли националистическими и ультрарелигиозными.

В этих условиях, несомненно, актуальным представляется исследование форм власти, ее содержания и эволюции на различных исторических этапах. Следует отметить важность изучения не только высших эшелонов власти, но и ее низовых структур, которые непосредственно связаны с людьми и призваны решать их насущные потребности. Через оценку деятельности этих институтов в обществе формируется отношение к власти в целом.

Воссоздание объективной картины прошлого во всей ее многоплановости и многомерности невозможно без обращения к локальной истории. Как справедливо отмечал Б.Г. Могильницкий, «локальные или региональные исследования, воплощающие диалектическую связь особенного и общего, составляют важное условие» достижения исторического синтеза [2, с. 27]. Локальный аспект позволяет выявить векторы общественного развития в контексте событий регионального и всероссийского масштаба. Более того, как заметил В.П. Булдаков, ряд конкретных вопросов общественно-политической истории России (как, например, трансформации власти осенью 1917 г.) прослеживаются только на уровне изучения низовых территориальных единиц [3, с. 184].

Русская революция 1917 г. стала одной из знаковых вех мировой истории, определив, как минимум, на семь десятилетий вектор развития нашей страны. В процессе революции массы людей стали активными участниками исторического процесса, его творцами. Революция породила принципиально новые отношения между человеком, обществом и властью, открыв путь к созданию правового государства и формированию гражданского общества.

Первая в стране попытка реформирования местной власти на региональном уровне была предпринята в 1917 г. в Томской губернии. Эта реформа была направлена на замену созданных в условиях митинговой демократии первых дней революции временных комитетов на легитимные, избранные в результате демократических выборов и облеченные доверием народа органы — губернское, уездные, городские, волостные, сельские народные собрания и их исполнительные комитеты, действующие с учетом принципа разделения властей. Разработчики реформы с созданием таких органов связывали реализацию задач, выдвинутых революцией, и достижение новой счастливой и справедливой жизни.

Устойчивый интерес к изучению русской революции, в том числе

к проблеме власти и ее трансформации, сохраняется у отечественных и зарубежных историков на протяжении всех минувших десятилетий. В советской исторической науке господствовала ленинская концепция, в основе которой лежало противопоставление Февральской революции Октябрьской, а органы власти (включая низовые структуры), созданные после свержения самодержавия, характеризовались как буржуазные, враждебные Советам. Так, в «Очерках истории города Томска», изданных в 1954 г. под редакцией С.И. Мурашева, указывалось, что в Томске временный комитет общественного порядка и безопасности был создан буржуазией при поддержке эсеров и меньшевиков, а участие в нем большевиков считалось ошибочным [4, с. 126]. О деятельности народных собраний вообще не упоминалось.

С середины 1950-х годов проблематика исторических исследований значительно расширилась. Сибирскими историками были проведены широкие исследования революции 1917 г. в регионе, изданы труды о событиях революции в отдельных административно-территориальных образованиях. В этих работах были представлены уже более развернутые оценки деятельности органов регионального и местного управления. Однако эти оценки не выходили за рамки ленинской концепции. Так, В.П. Сафронов характеризовал временные комитеты как органы Временного правительства на местах, подчеркивал их буржуазную сущность [5, с. 137]. И.М. Разгон, специально не останавливаясь на оценке комитетов, при анализе воззвания Томского комитета, опубликованного в связи с выборами в народные собрания, отметил, что этот комитет через месяц после свержения самодержавия стремился только «сменить вывеску царских сельских и волостных правлений на новую» [6, с. 214].

Д.М. Зольников оценивал временные комитеты как коалиционные организации буржуазии и мелкой буржуазии. Исследователь указывал, что в подавляющем большинстве городских комитетов господствовали представители мелкобуржуазных партий — эсеры и меньшевики. Комитеты, по его мнению, стали «общественным» дополнением к сохранившемуся в центре и на местах аппарату старой государственной машины [7, с. 127]. В.Т. Агалаков обратил внимание на неоднородный состав комитетов. Губернские и городские комитеты он безоговорочно называл «органами буржуазии, получившей власть», а вот многие низовые — деревенские и поселковые комитеты считал «по существу народными органами» [8, с. 47–48].

Советские историки не пришли к единому мнению в оценке народных собраний. В.П. Сафронов и М.М. Шорников не находили различий между народными собраниями и избранными позднее город-

скими думами и земствами. В.А. Соловьева, исследовавшая деятельность Томского губернского и ряда других народных собраний, считала народные собрания своеобразными органами «местного буржуазного самоуправления», облеченными административной и политической властью, «сменившие собой цензовые думы и комитеты общественного порядка и безопасности» [9, с. 112].

Существенный вклад в изучение органов местного самоуправления и Советов Сибири внесла Е.Н. Бабикина. В ее диссертационном исследовании, статьях и монографии представлена характеристика муниципальных выборов, формирования, партийного и социального состава, структуры и деятельности комитетов общественной безопасности, народных собраний, земств, Советов и их взаимоотношений [10]. Хотя она и характеризовала комитеты как органы диктатуры буржуазии, все же отмечала, что значительное разнообразие наблюдалось не только в путях создания в Сибири временных комитетов, но и в их численном, социальном и партийном составе. Исследователь пришла к выводу, что многие низовые комитеты (рабочих поселков, волостные и сельские) действовали не как буржуазные, а как демократические органы власти. Это, по ее мнению, определило особенность сибирского двоевластия: здесь диктатура буржуазии с первых же дней революции прикрывалась флагом мелкобуржуазной демократии [11, с. 71, 81, 100].

С конца 1980-х годов, в условиях отказа от старых догм, оценки местных органов и их места в структуре власти стали меняться. В.П. Булдаков отмечал, что в комитетах стихийно воссоздавалась снизу властная иерархия на квазисоборных, корпоративистских (под видом паритетных) началах [3, с. 178]. По мнению, Г.А. Герасименко, общественные комитеты стали первыми подлинно демократическими органами власти на местах [12, с. 31].

Весомый вклад в изучение истории Томска внесла Н.М. Дмитриенко. В ряде работ она обращалась к проблемам городского самоуправления в Томске и его реформирования в революционный период [13].

Деятельности органов местного самоуправления в Томской губернии и их реформированию посвящен ряд наших статей и раздел монографии [14]. По нашему мнению, народные собрания — первый опыт регионального парламента в России, созыв которого был осуществлен на демократической законодательной базе и являлся важным шагом на пути формирования правового государства и гражданского общества.

Однако если деятельность Томского губернского собрания в са-

мом общем плане представлена в работах современных историков, то деятельность уездных, городских, поселковых и сельских собраний остается фактически не исследованной. Более глубокого изучения с учетом региональной специфики требует как процесс реформирования властных структур, так и проблемы, связанные с трансформацией власти от февраля к декабрю 1917 г. (к моменту установления Советской власти в Сибири). В данной публикации предпринята попытка хотя бы частично восполнить имеющиеся пробелы.

Территориальные рамки исследования охватывают Томскую губернию в ее границах лета 1917 г. (после выделения из нее Алтайской губернии). Хронологические рамки исследования включают период с марта до декабря 1917 г. — от Февральской революции до передачи полномочий исполнительного комитета Томского губернского народного собрания губернскому земству и установления Советской власти в губернии.

Источниковую базу исследования составили законодательные и распорядительные акты, неопубликованные архивные документы, периодическая печать, материалы личного характера (воспоминания, дневники, переписка).

Нормативно-правовые акты губернских и уездных органов власти (КОБов и народных собраний) в первую очередь публиковались в таких официальных губернских изданиях, как «Известия Томского временного комитета общественного порядка и безопасности» и «Голос свободы». Постановления первой сессии Томского губернского народного собрания были изданы в 1917 г. отдельной брошюрой.

Часть документов по истории народных собраний отложилась в Государственном архиве Томской области, прежде всего в фондах томского губернского и уездных комиссаров (Р-166, Р-312), Временного комитета общественного порядка и безопасности (Р-549), Томского губернского и уездного земельных комитетов (Р-934, Р-935), исполнительного комитета губернского народного собрания (Р-1138). Так, в фонде Томского губернского комиссара (Р-166) находятся журналы заседаний городских и уездных народных собраний: Мариинского, Новониколаевского, Каинского, Кузнецкого, Томского и Нарымского (Оп. 1. Д. 18–20, 22–24), которые дают представление об их текущей деятельности.

В большинстве случаев архивные документы хранятся в подлинниках и заверенных копиях, часть документов находится в ветхом состоянии, в них частично утрачен текст. Коллекции документов страдают большими пробелами, что во многом связано с условиями их формирования. К сожалению, в таких бывших уездных центрах губер-

нии, как Мариинск и Кузнецк (Новокузнецк), вообще отсутствуют документы за 1917 год¹.

В качестве одного из базовых источников использовались материалы региональной периодической печати 1917 г. Кроме вышеназванных изданий, следует отметить газету «Сибирская жизнь», которая по насыщенности информацией далеко превосходила все остальные губернские издания. Интересные материалы о выборах в народные собрания, их составе и деятельности содержатся в таких томских газетах, как «Известия Совета солдатских депутатов Томского гарнизона», «Новая жизнь», «Знамя революции», «Крестьянский союз», «Путь народа», новониколаевских — «Голос Сибири» и «Свободная Сибирь».

Источники личного характера об истории народных собраний, в первую очередь воспоминания, большей частью тенденциозны, поскольку создавались в 1920–1930 годы в условиях ужесточающейся партийной цензуры. Крайне скуп оказался на оценки собраний даже Б.М. Ган — «беспартийный социалист», последовательно занимавший должности председателя Томского временного комитета общественного порядка и безопасности, председателя исполнительного комитета губернского народного собрания и губернского комиссара [16].

Использование всего массива источников позволило более детально исследовать вопрос о реформировании власти в Томской губернии в 1917 г.

К 1917 г. Томская губерния была одним из крупнейших российских регионов. Она включала в себя большую часть территории Западной Сибири, объединяя современные Кемеровскую, Новосибирскую, Томскую области, Алтайский край, часть Красноярского края и Тюменской области. Население губернии составляло около 4,0 млн. человек — до 40,0 % всех сибиряков. После того, как в июне 1917 г. в качестве самостоятельной административной единицы была образована Алтайская губерния, Томская губерния включала в себя Кузнецкий, Каинский, Мариинский, Новониколаевский, Томский и Тогурский (бывший Нарымский край) уезды, население которых составляло около 1,5 млн. человек.

Губернский Томск был одним из крупнейших культурно-политических центров региона. В нем находились единственные в Сибири высшие учебные заведения (университет, технологический институт, Высшие женские курсы). Стремительно развивающийся Новониколаевск был крупным транспортным узлом и одним из про-

¹ Кузнецкий городской архив был сожжен партизанами-роговцами в 1919 г.

мышленных центров края. К 1917 г. уездный Мариинск превратился в один из центров сибирской кооперации. Заметно отставали от них в экономическом развитии Каинск и Кузнецк, оставшиеся в стороне от Транссибирской магистрали. В рабочих поселках, сложившихся вблизи крупных промышленных предприятий (Судженские, Анжерские, Кольчугинские, Кемеровские копи, Мариинские прииски, Тайгинские железнодорожные мастерские), была сосредоточена значительная часть рабочих губернии. Однако почти 90,0 % населения проживало в сельской местности.

В годы Первой мировой войны заметной частью населения сибирских городов стали тыловые гарнизоны. Численность Томского гарнизона к 1917 г. составляла около 50 тыс. человек, Новониколаевского — 45 тыс. Небольшие военные гарнизоны находились в уездных и промышленных центрах губернии.

К 1917 г. в губернии (без учета территорий, вошедших в состав Алтайской губернии) с разной степенью активности действовало не менее 260 общественных организаций, 2/3 из которых находилось в Томске. В сельской местности активно развивалась кооперация. В губернии насчитывалось примерно одна тысяча различных типов кооперативных организаций.

В конце 1916 г. бывшими ссыльными, оказавшимися в частях Томского гарнизона, был создан Военно-социалистический союз, объединивший до 200 человек. Отделение союза имелось в Новониколаевске. В Томске, Новониколаевске, Тайге, Мариинске, на Анжерских и Судженских коях, Кольчугинском руднике, Мариинских золотых приисках, Кемеровском химзаводе действовали социал-демократические группы. В Мариинске существовал «Сибирский союз социалистов-революционеров», группы которого имелись также в Томске и в Новониколаевске.

Свержение самодержавия вызвало массовый подъем общественной активности населения. На митингах, сходках, собраниях выражались надежды на начало новой жизни. Легализовались политические партии, которые развернули агитацию в массах. Началось формирование новых органов власти, которые получили общее название комитеты общественной безопасности (КОБы). Они создавались на собраниях и митингах, в них делегировали своих представителей политические партии, общественные организации, трудовые коллективы. КОБы, созданные на волне революционного подъема, представляли из себя демократическую коалицию, пытавшуюся реализовать идею классового мира. Содержанием их деятельности стал поиск компромисса между различными социальными группами, направленный на

практическую реализацию гражданских прав и свобод, а в итоге на создание правового государства и гражданского общества.

В Томске 2 марта 1917 г., как только были получены официальные телеграммы о свержении самодержавия, для обсуждения вопроса о происходящих событиях было проведено экстренное заседание городской думы с участием представителей революционных групп. На заседании было принято решение об образовании временного комитета общественного порядка и безопасности. Комитет был сформирован в составе 10 человек: пяти гласных городской думы и пяти представителей общественности. От думы в состав комитета вошли юристы С.В. Александровский, Б.М. Ган, Н.В. Патрушев, техник П.В. Соколов и инженер К.Р. Эман. От демократических организаций в комитет вошли А.В. Шотман от Военно-социалистического союза, А.Ф. Иванов от большевиков, В.П. Денисов от меньшевиков, В.И. Анучин и Е.В. Захаров от эсеров. Председателем комитета был избран «беспартийный социалист» Б.М. Ган.

В Новониколаевске комитет общественного порядка был сформирован 3 марта на заседании городской думы с участием представителей общественных организаций. В него вошли думские гласные, представители кооперативов, общественных и партийных организаций, Совета рабочих и солдатских депутатов. Председателем исполнительного бюро комитета стал эсер Н.Е. Жернаков, товарищами председателя — меньшевик Н.А. Рожков (известный историк, бывший политссыльный)² и эсер А.В. Сазонов. Из четырех секретарей комитета трое были эсерами и один меньшевиком (В.И. Герман-Каменский — председатель Новониколаевского совета рабочих и солдатских депутатов).

В первые дни марта 1917 г. КОБы были образованы во всех городах и рабочих поселках губернии. В сельской местности формирование комитетов затянулось до конца марта. Комитеты, возникшие по инициативе масс, стали первыми подлинно демократическими органами власти на местах. В них были представлены все слои населения, организации и учреждения. Изначально комитеты возникали как органы, сформированные на многопартийной основе, через них воплощалась в жизнь идея широкой демократической коалиции. В Томском комитете (он вскоре стал называться губернским) сотрудничали эсеры, социал-демократы большевики и меньшевики, кадеты и област-

² Девятого марта 1917 г., после отъезда Н.А. Рожкова в центр, товарищем председателя был избран председатель кооперативного общества «Экономия», член правления «Закупсбыта» большевик В.Р. Романов.

ники. Они совместно попытались выработать единую программу действий.

Именно комитеты общественного порядка выдвинулись в центр борьбы за местную власть. Томский КОБ уже 5 марта постановил отстранить губернатора от власти и избрал для управления губернией губернский комиссариат из трех человек в составе чиновника губернского управления А.А. Барока, помощника заведующего переселением М.А. Воскобойникова и присяжного поверенного П.В. Вологодского.

С первых дней своей деятельности Томский КОБ принял меры к расформированию полиции и замены ее милицией, освобождению из-под надзора политических ссыльных, аресту монархистов, разоблачению провокаторов, назначил уездных комиссаров и направил комиссаров в крупные рабочие поселки. Для руководства работой Томского КОБа было избрано распорядительное бюро из семи человек (председатель Б.М. Ган, заместитель — большевик Н.Н. Яковлев).

КОБы стремились установить жесткий контроль за деятельностью государственных предприятий, участвовали в разрешении споров между рабочими и предпринимателями. Им пришлось вплотную заниматься вопросами снабжения, обеспечения населения продовольствием и предметами первой необходимости. В сельской местности комитеты принимали активное участие в смещении представителей старой администрации, взяли под свой контроль волостное и сельское имущество, учет продовольствия, сбор налогов и податей, организовали милицию, повели работу по поддержанию порядка, развернули борьбу с пьянством и винокурением.

Отсутствие какой-либо правовой базы, регламентировавшей деятельность КОБов, вело к тому, что они сами определяли свои функции, действовали исходя из местных условий, причем нередко самолично. Требования губернских и уездных властей низовыми КОБаами порой игнорировались. Явные недостатки в работе комитетов отчетливо проявились уже в первые недели их существования. Огромный поток жалоб на их неправомерные действия поступал в губернский КОБ. Да и сам губернский КОБ, разросшийся до огромных размеров (165 человек), не всегда мог действовать оперативно. Среди его членов оказалось немало людей случайных, некомпетентных. А.В. Шотман отмечал, что вместе с профессорами, адвокатами, учителями в нем заседали домовладельцы, лавочники, священники. Они никакой работы не вели, а только требовали постоянных отчетов и отвлекали от текущих дел [17, с. 272].

Необходимость глубокого реформирования властных структур на местах отчетливо сознавали и в Центре. В Декларации Временного

правительства от 3 марта 1917 г. указывалось, что выборы в органы местного самоуправления будут проводиться на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Однако ничего конкретного о структуре и полномочиях этих органов не говорилось. 4 марта правительство приняло постановление о возложении обязанностей губернаторов и уездных исправников на председателей губернских и уездных земских управ и сохранении на местах старого административного аппарата. Правительством был учрежден институт губернских комиссаров, полномочия которых приравнивались к губернаторским. 5 марта глава правительства Г.Е. Львов разослал по телеграфу циркулярное распоряжение, в котором потребовал устранить губернаторов и вице-губернаторов от исполнения обязанностей и временно передать управление губерниями председателям губернских земских управ, в качестве правительственных комиссаров [18, с. 287–288]. 7 марта Г.Е. Львов в интервью для печати указал: «Назначать никого правительство не будет [...]. Это вопрос старой психологии. Такие вопросы должны решаться не в Центре, а самим населением [...]. Пусть на местах сами выберут» [19, 7 марта].

Полностью выпускать контроль за деятельностью органов власти на местах правительство не собиралось. Вопросы местного самоуправления были переданы в ведение министерства внутренних дел, которое по совместительству возглавлял глава правительства Г.Е. Львов. Задача проведения в жизнь директив Центра возлагалась на губернских комиссаров. 12 марта комиссаром по Томской и Енисейской губерниям был назначен кадет Е.Л. Зубашев — профессор, бывший ректор Томского технологического института, с 1912 г. — член Государственного совета.

В циркулярной телеграмме за подписью Г.Е. Львова от 16 марта 1917 г. перед губернскими комиссарами ставилась задача упорядочить деятельность КОБов. Указывалось, что «в комитетах должны быть представлены интересы всех групп населения»³. 22 марта 1917 г. на заседании Временного правительства было заслушано представление министра внутренних дел о реформе местного управления на основе преобразования органов непосредственного государственного управления на местах в органы самоуправления и предоставлении им всей полноты власти. Правительство постановило поручить министру продолжить работу в этом направлении⁴.

Однако времени для детальной разработки законопроекта у пра-

³ ГА РФ. Ф. 1791. Оп. 1. Д. 116. Л. 3.

⁴ Там же. Ф. 1788. Оп. 6. Д. 1. Л. 8.

вительства не было. На местах остро ощущалась потребность в создании законодательной базы, регулирующей деятельность органов местного самоуправления. КОБы создавались по инициативе снизу как временные органы власти. Порядок их образования, структура и функции не были четко определены. Особенно важным вопросом о правовом регулировании органов местного самоуправления оказался для сибирских губерний и областей, в которых земство отсутствовало. Поскольку Временное правительство медлило с официальным признанием комитетов в качестве органов власти на местах, в ряде случаев инициативу по формированию легитимных муниципальных структур перехватили губернские и областные КОБы. В середине марта в Томском губернском комитете был разработан проект создания органов местного самоуправления — губернского, уездных и городских народных собраний. Уже 13 марта 1917 г. «Известия Томского временного комитета общественного порядка и безопасности» опубликовали постановление «О порядке выборов народных собраний и исполнительных комитетов». В постановлении была определена вертикаль власти в рамках губернии с учетом принципа разделения властей. Законодательная власть сосредоточивалась в руках сельских, волостных, уездных, городских и губернского народных собраний, исполнительная — в соответствующих исполнительных комитетах.

Выборы в народные собрания должны были проводиться на основе прямого, равного, тайного голосования. К ним допускались все лица, достигшие 18 лет, не лишённые гражданских прав. Однако вводился ценз оседлости, который составлял три месяца. Круг вопросов, которые находились в ведении народных собраний, был довольно широк. Они могли решать общие вопросы ведения хозяйства, имели право установления местных сборов и налогов, на них возлагалась охрана порядка, покоя, здоровья, жизни и имущества граждан. Народные собрания определяли состав исполнительного комитета, избирали его на своем заседании, определяли денежное содержание членов комитета, осуществляли контроль за его деятельностью. На исполнительные комитеты возлагалось исполнение постановлений народных собраний, подготовка материалов для сессий, сношения с другими народными собраниями и распорядительными учреждениями, исполнение постановлений высших народных собраний и государственных правительственных учреждений, избрание должностных лиц для руководства хозяйством, организация продовольственного дела, взыскание сборов и налогов, организация милиции для охраны порядка, жизни и имущества населения.

В постановлении указывалось, что после избрания народных со-

браний и исполнительных комитетов, все действовавшие на местах органы власти (сельские, волостные управления и КОБы) должны передать им дела и упраздниться. Губернский комитет рекомендовал провести выборы в народные собрания с таким расчетом, чтобы избранные представители успели прибыть в Томск к открытию губернского народного собрания, назначенного на 9 апреля 1917 г.

Вскоре Томский временный комитет разработал «Общее положение о народных собраниях и исполнительных комитетах губернии», где более детально были прописаны их функции. Подготовка и проведение выборов в народные собрания возлагалась на губернский, городские, уездные и волостные комитеты общественной безопасности⁵. 15 марта Томский КОБ поручил городской управе немедленно приступить к составлению списков избирателей для проведения выборов [20, 12 апреля].

23 марта на частном совещании гласных городской думы по вопросу об организации выборов в народные собрания была создана временная комиссия под председательством городского головы П.Ф. Ломовицкого. В состав комиссии вошли четверо гласных (П.В. Иванов, П.А. Прокошев, Д.Е. Зверев и Н.В. Патрушев) и четыре представителя КОБа [21, 2 апреля].

25 марта 1917 г. состоялось совещание членов распорядительного бюро Томского КОБа с представителями барнаульского и новониколаевского комитетов и Советов рабочих и солдатских депутатов по вопросу о проведении выборов в губернское, уездные и городские собрания. Выступавшие указывали на необходимость формирования легитимных властных структур. В.С. Сизиков подчеркнул, что «революционный момент выдвинул на верхи общественной жизни революционно-демократические элементы, и пока они держатся на поверхности, пока не оправались от растерянности умеренные и солидные круги, нужно призвать к строительству жизни демократию, даже поступившись правильностью избирательной техники в уездах».

Представители Новониколаевска и Барнаула, поддержав проект, предложили «по техническим причинам» провести выборы в конце апреля. Н.Н. Яковлев отметил, что «необходимо с выборами спешить, чтобы поставить на место существующих временных комитетов более авторитетные органы». Он указал, что «время не ждет», и в связи с этим «придется поступиться в частных случаях чистотой избирательных принципов». Открытие губернского народного собрания было назначено на 16 апреля [21, 30 марта].

⁵ ГАТО. Ф. Р-549. Оп. 1. Д. 11. Л. 226–233 об.

В редакционной статье, опубликованной в официальном издании Томского временного комитета общественного порядка и безопасности — газете «Голос свободы» 29 марта 1917 г., отмечалось, что комитеты созданы «по властному требованию революционного момента». «Девятый вал, захвативший всю страну, наряду с разрушением старого прогнившего порядка, всюду, начиная от крупных центров и кончая забытыми людьми и богом углами, создавал в среде самой общественности новые взаимоотношения и новые формы контроля и управления». Однако, отмечалось далее, комитеты возникали стихийно, а «без устойчивого регулирующего начала не мыслима общественная жизнь», и потому необходима такая коренная реформа местного самоуправления, которая привела бы к демократизации всего местного строя.

26 апреля в докладе министру внутренних дел Б.М. Ган, сообщая о положении дел в губернии, указывал, что Томский временный комитет, сделавшись фактически губернским органом без необходимых для этого полномочий от населения губернии, принял все меры к скорейшему созыву губернского народного собрания [22, с. 47–48]. Однако инициатива губернского КОБа не нашла поддержки в Центре. Оттуда в Томск пошли телеграммы, в которых рекомендовалось не торопиться с проведением выборов в народные собрания. Прибывший в Томск 20 марта назначенный правительством губернским комиссаром Е.Л. Зубашев настойчиво требовал отменить выборы в «томскую учредилку» [17, с. 276–277]. Против поспешного проведения выборов в народные собрания выступили и томские кадеты, считая, что выборы вряд ли «явятся истинным выражением народной воли» [20, 13 апреля].

В связи с тем, что правительство приступило к разработке положения о выборах в местное самоуправление, 10 апреля на экстренном заседании городской думы группа гласных (Н.В. Патрушев, М.И. Максимов, П.И. Макушин) предложила отложить выборы в народные собрания. Также указывалось на недостаточную подготовку населения к выборам и незавершенность технических работ по их организации. Горячо отстаивал необходимость проведения выборов член КОБа С.В. Александровский. В итоге гласные решили не протестовать против выборов, а дождаться дальнейшего развития событий [20, 13 апреля; 21, 12 и 13 апреля]. 11 апреля в газете «Сибирская жизнь» было опубликовано заявление 123 граждан г. Томска с предложением о пере-

⁶ Среди подписавших заявление были такие известные и уважаемые в городе люди, как Г.Н. Потанин, П. Макушин, А. Адрианов, Ф. Зобнин, П. Второв, про-

носе выборов в народные собрания до опубликования общегосударственного правительственного акта.

В этот же день общее собрание членов Томского временного комитета общественной безопасности, указав, что «проект о выборах в народные собрания ни в чем не противоречат объявленным Временным правительством основным положениям реформы местного самоуправления», постановило проводить выборы в городское, уездное и губернское народные собрания в установленный срок (16 апреля) «в интересах скорейшей организации местной власти, укреплении свободы и поддержания порядка» [23, 14 апреля].

В этой ситуации Е.Л. Зубашев направил министру внутренних дел телеграмму, в которой сообщал, что из-за намеченных выборов в Томске произошел раскол между политическими партиями и просил правительство «для объединения классов и успокоения сомнеющихся» дать согласие на производство выборов в губернское, уездные и городские народные собрания [20, 13 апреля; 21, 13 апреля]. По свидетельству Б.М. Гана, Е.Л. Зубашев даже выступил на заседании КОБа в поддержку проведения выборов [16, с. 21].

В социалистической прессе широко освещалась позиция Томского КОБа по поводу предстоящих выборов, а попытки вмешательства в дела местного самоуправления вызвали крайне негативную реакцию. В редакционной статье в газете «Голос свободы» от 13 апреля 1917 г. по этому поводу указывалось: «Временное центральное правительство не может быть абсолютистским и самовластным: оно есть и должно быть лишь выразителем революционной воли передовых кадров демократии, опирающейся на весь народ и черпающей свою силу в нем».

С конца марта в губернии широко развернулась избирательная кампания. 31 марта в Томске на заседании коалиционного комитета социалистических партий, созданного в начале марта, было постановлено выставить на предстоящих выборах список объединенных социалистов. При выдвижении кандидатов в городское народное собрание было решено 40 мест отдать представителям социалистических партий, остальные 24 — беспартийным. В партийном списке по одному месту было выделено Бунду и украинским социалистам-федералистам. Национальным группам мусульман и евреев, выразившим желание голосовать за социалистический список, было предоставлено: первой — от двух до трех мест, второй — два места в списке беспартийных [24, 16 апреля; 25, с. 109]. Накануне выборов на

собрании коалиционного комитета социалистических организаций Томска были сформированы районные комитеты, на которые возлагалось ведение разъяснительной работы среди граждан, оказание технической помощи избирательным комиссиям и контроль над ними [20, 15 апреля].

Социалистам в Томске противостояли кадеты, организация которых была одной из наиболее влиятельных в Сибири. Поддерживать кадетов решили собрания духовенства и биржевого комитета [20, 18 апреля].

Подробные рекомендации и инструкции об организации выборов рассылались на места, публиковались в прессе. Вопросы о предстоящих выборах обсуждались на собраниях трудовых коллективах, общественных организаций, в воинских частях. 5 апреля на митинге граждан города была принята резолюция с призывом голосовать на всех выборах за список социалистических партий и отказать в поддержке партии кадетов [21, 14 апреля; 23, 11 апреля].

В Томске списки кандидатов были вывешены в городской управе, Общественном собрании и политехническом училище. Губернский КОБ направил представителей на места для помощи в организации выборов и для контроля за правильностью их проведения. Губернским КОБом в уездные центры была направлена телеграмма, в которой местным властям поручалось «озаботиться доставлением к 20 апреля Томскому губернскому собранию необходимых сведений и материалов по всем вопросам, подлежащим обсуждению собрания». Круг этих вопросов был довольно широк: о форме организации местной власти, налогах, землевладении и землепользовании, продовольствии, промышленности, охране труда, кооперации, медицине, общественном призрении и т. д. [20, 16 апреля].

В Новониколаевске эсеры, надеясь на собственную победу, отвергли предложение социал-демократов о выдвижении единого списка, и последние выдвинули самостоятельный список. Также свои списки выдвинули группа прогрессистов-домовладельцев и мелких торговых промышленников, группа газеты «Свободная Сибирь» (социалисты-федералисты), мусульмане, еврейское общество, партия республиканцев-демократов и домовладельцы Вокзальной части. С 5 апреля в Новониколаевске ежедневно проводились предвыборные собрания [26, 9, 12 и 16 апреля].

7 апреля в Новониколаевске был сформирован Центральный общегородской комитет по организации выборов в городское собрание, в состав которого вошли представители от КОБа, Совета рабочих и военных депутатов, РСДРП, партий эсеров и республиканцев-

демократов. Комитет разделил город на 12 участков, на которые направил своих представителей. Ими осуществлялась выдача билетов для участия в выборах, а также давались необходимые разъяснения по вопросам организации и проведения выборов. Выдача билетов проводилась на основании документа, удостоверявшего личность, и завершалась 14 апреля — за день до выборов [26, 12 апреля].

Комитетом детально была разработана процедура проведения выборов. В день голосования избиратели на своем участке должны были предъявить билет и после того выбранный список в запечатанном конверте опустить в урну [26, 11 апреля]. Комитет запретил в день выборов ведение агитации на избирательных участках и указал на недопустимость каких-либо насилий над свободной волей граждан-избирателей [26, 26 апреля].

Чтобы избиратели не запутались, списки были окрашены в разные цвета. В Томске у социалистов он был красный, у кадетов — черный, в Новониколаевске у эсеров — красный, у социал-демократов — розовый, у прогрессистов — голубой, у республиканцев — зеленый [23, 23 апреля; 26, 16 апреля].

Единого дня голосования по губернии назначено не было. Местным властям рекомендовалось провести выборы так, чтобы избранные в губернское народное собрание успели прибыть в Томск к моменту его открытия, которое окончательно было назначено на 20 апреля 1917 г.

С приближением выборов нарастал накал предвыборной кампании, шла критика как конкурирующих партий, так и отдельных кандидатов. Социалистическая пресса публиковала материалы, разоблачавшие кадетов, прогрессистов и домовладельцев. Впрочем, не отставали и конкуренты. В Новониколаевске распространялись слухи об уголовном прошлом одного из лидеров местных социал-демократов — В.И. Герман-Каменского [26, 15 апреля].

Ряд скандалов был связан с выдвижением кандидатов и составлением списков. В Томске комитет Украинской партии социалистов-федералистов отказался от участия в выборах в связи с тем, что коалиционный комитет социалистических партий Томска нарушил принцип «пропорционального представительства меньшинства», предоставив украинцам одно место в списке кандидатов от объединенных социалистов на выборах в городское народное собрание вместо трех, которые они требовали [20, 15 апреля]. В Новониколаевске в списки (в основном прогрессистов и республиканцев) были внесены ряд лиц без их ведома и согласия. Более десятка писем от таких граждан 15 — 16 апреля 1917 г. опубликовала газета «Голос Сибири». На

Судженских копиях члены избирательной комиссии — люди «малоидейные и слабо разбирающиеся в программных вопросах» меняли списки кандидатов по своему усмотрению. Местная организация социал-демократов в связи с тем, что ей было предоставлено всего три места, отказалась от участия в выборах и заявила протест «против узурпаторских действий кучки людей» [20, 24 июня].

Выборы в народные собрания растянулись во времени. Еще до начала избирательной кампании Мариинский уездный съезд уполномоченных от волостных, городских и приисковых комитетов общественной безопасности и кооперативов в составе 263 человек, начавший работу 21 марта 1917 г., провозгласил себя уездным народным собранием и избрал делегатов в губернское народное [21, 12 апреля]. Крестьянский съезд Кузнецкого района (9–15 апреля 1917 г.) в составе 35 делегатов, представлявших волости и город Кузнецк, постановил считать себя народным собранием. Делегаты избрали исполнительный комитет, назначили ряд должностных лиц, определили их полномочия и жалованье⁷. Следует отметить, что после завершения работы съездов эти собрания ничем себя не проявили.

В Томске выборы осуществлялись по двум куриям: гражданской и военной. В гарнизоне они были проведены 14–15 апреля, а в городе — 16 апреля. Голосование шло на четырех избирательных участках, работавших с 9 часов утра до 9 часов вечера. Горожане выбирали 64 депутата в городское и по 30 — в губернское и уездное народные собрания. По военной курии право выбора в городское собрание имели 33353 солдата, в уездное — 36404, губернское — 46502. Военнослужащие выбирали 34 депутата в городское, восемь — в уездное и 10 — в губернское собрания [23, 4 мая].

Как сообщалось в газете «Известия Совета солдатских депутатов Томского гарнизона» от 23 апреля 1917 г., день выборов прошел очень оживленно, в городе был проведен ряд импровизированных митингов и демонстраций. Население и армия ярко выражали свои симпатии к социалистам и пренебрежительно относились к кадетам. Местами велась агитация, причем толпа крайне недоброжелательно относилась к агитаторам из партии «Народной свободы». Демонстрации и митинги продолжались до поздней ночи. Из 65 тысяч избирателей-томичей участие в выборах приняли 43612 человека (около 67,0 %). Большинство голосов получил список кандидатов от социалистических партий [20, 18 апреля].

По военной курии проголосовало в среднем 60,0 % имевших пра-

⁷ ГАТО. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 23. Л. 1–4.

во голоса. Среди набравших наибольшее число голосов в городское собрание были эсер Е.И. Яницкий и большевик И.Н. Смирнов, в уездное — эсер М.Н. Рудаков и меньшевик В.В. Худокормов, в губернское — эсер Н.В. Ульянов и большевик Н.Н. Яковлев [23, 4 мая].

В Новониколаевске выборы в городское народное собрание проходили с 7 часов утра до 10 часов вечера. Убедительную победу одержали эсеры. В городском народном собрании они получили 67 мест из 80, набрав около 32 тысяч голосов. У социал-демократов было семь мест, у прогрессистов-домовладельцев — два, по одному получили республиканцы-демократы, социалисты-федералисты, мусульмане и еврейское общество [21, 20 апреля]. Выборы в Новониколаевское уездное народное собрание прошли 25 апреля. Явка на них была значительно ниже, чем на выборах в городское.

В Тайге выборы завершились 25 апреля. Из пяти тысяч человек в выборах участвовало 3740. В городское собрание были избраны большинством голосов семь социал-демократов, два социалиста-революционера и 16 человек беспартийных. В губернское народное собрание был избран М.Ф. Яворский — надсмотрщик телеграфа при станции Тайга, в уездное — машинист М.Н. Кобысевский [24, 30 апреля].

В Бугринской волости, тяготевшей к Новониколаевску, выборы проходили 4 апреля. Волостной комитет заранее отпечатал и разослал по всем селениям избирательные записки и инструкции о проведении выборов. Голосование проходило по именованным спискам. После его завершения дежурившими на участках членами сельских комитетов и милиционерами урны были опечатаны и отправлены в волость, где 5 апреля особой комиссией были вскрыты для подсчета результатов [20, 12 апреля].

В целом выборы прошли без серьезных нарушений, хотя в ряде случаев были и исключения. Так, в с. Усть-Сосновское Кузнецкого уезда во время выборов секретарь волостного комитета Лабутин, пользуясь неграмотностью большинства крестьян, раздал им заранее приготовленные бюллетени с внесенными в них фамилиями. В результате в губернское народное оказался избранным сам Лабутин — городской житель, который находился в должности секретаря только две недели [20, 25 мая].

Группа мещан-избирателей г. Бийск обратилась к губернскому комиссару Е.Л. Зубашеву с требованием отменить результаты выборов в городе в связи с многочисленными нарушениями. Среди основных претензий они указали на то, что не было произведено правильного учета количества избирателей, избирательные повестки выда-

вались без каких-либо документов, удостоверявших личность; часть из них получили несовершеннолетние и лица, приехавшие из деревни; вопреки инструкции к голосованию были допущены лица, проживавшие в городе менее трех месяцев; на избирателей оказывалось давление со стороны членов президиума Бийского исполнительного комитета; в списки разрешалось вносить изменения — зачеркивать негодных и вписывать другие имена. Также указывалось, что во время голосования (9 апреля) членами избирательных комиссий и их сторонниками у избирателей отбирался «нежелательный» список мещан и вручался список (социалистического блока), а лица, агитировавшие за список мещан, подвергались насилию. В результате, как указывалось в обращении, среди избранных оказалось немало случайных людей [20, 28 апреля].

Все же выборы в губернии, несмотря на имевшиеся недочеты и нарушения, в целом прошли успешно. Это были первые в стране демократические выборы, проведенные на основе нормативного акта, разработанного на губернском уровне.

Губернское народное собрание открылось 20 апреля 1917 г. в актовом зале библиотеки Томского университета. Из 522 избранных депутатов на заседаниях присутствовало не менее 300. Большинство из них были крестьянами. По партийной принадлежности 75,0 % делегатов являлись эсерами или сочувствующими им. Каинский уезд представляли 25, Кузнецкий — 41, Томский — 57, Мариинский — 18 делегатов. Известный томский статистик В.Я. Нагнибеда в статье «Делегаты Томского губернского народного собрания» отмечал, что в северной части Каинского и Мариинского уездов из-за весенней распутицы не везде удалось провести выборы, и поэтому количество делегатов от этих уездов было меньше предусмотренной квоты [21, 13 мая].

В.Я. Нагнибеда на основе анализа личных карточек делегатов дал детальную характеристику сельских представителей. Он выяснил, что 57,1 % делегатов народного собрания составили переселенцы, 25,7 % — старожилы, 6,3 % — коренные инородцы и 10,9 % — «лица, принадлежащие к прочим категориям населения — отчасти пришлого, отчасти коренного (учителя, священники, чиновники, ремесленники, счетоводы, торговцы и т.п.)». Исследователь отметил, что среди переселенцев было больше грамотных. Поскольку на их долю выпало больше тягот и лишений, они оказались более революционно настроенными, нежели старожилы. По национальному составу делегаты распределялись следующим образом: русские — 75,2 %, украинцы — 8,4 %, белорусы — 1,9 %, инородцы — 6,5 %. В.Я. Нагнибеда подчерк-

нул, что разные народности в собрании представлены почти пропорционально-правильно.

На первом заседании губернского народного собрания с приветственными речами выступили депутаты и представители общественных организаций. Депутат Кузнецов выразил надежду на то, что народное собрание совместно с Советами выведет Россию из того тупика, в котором она оказалась благодаря старому правительству. Представитель газеты «Новая жизнь» В.П. Денисов заявил, что «народное собрание будет крепким оплотом свобод и могучим рычагом революции». Томский уездный комиссар М.П. Рудаков указал депутатам на важность предстоящей им законотворческой работы: «Царь русский ушел, ушли за ним и его варварские законы. Теперь вы призваны творить законы — новые, законы местного самоуправления» [21, 22 апреля].

Работа собрания растянулась почти на месяц — до 18 мая. Делегаты обсудили вопросы о власти, о войне, о земле, об автономии Сибири. 30 апреля было принято постановление «О народных собраниях и исполнительных комитетах в Томской губернии». Постановление в дополнение к ранее принятым инструкциям определяло структуру власти в губернии, уточняло функции сельских, волостных, уездных и губернского самоуправлений.

В постановлении подчеркивалось, что одной из важнейших обязанностей исполнительных комитетов является охрана основных прав народа и каждого гражданина, охрана спокойствия и безопасности граждан, неприкосновенности их имущества. На комитеты возлагалось «предупреждение всяких попыток лишить народ завоеванной свободы или умалить его права на управление своими делами». Для этого, как указывалось в постановлении, было необходимо четкое соблюдение избирательных прав граждан и осуществление надзора за деятельностью должностных лиц и органов власти, недопущении последними нарушений прав граждан и необоснованных арестов. Постановлением закреплялся принцип свободы совести. В обязанность комитетам вменялось «предупреждение и устранение всяких стеснений граждан в исполнении правил и обрядов их веры».

Во всех постановлениях и резолюциях губернского народного собрания были четко закреплены демократические принципы. Так, в резолюции «Об инородцах» указывалось на необходимость создания органов самоуправления коренных народов Сибири и широкого развития национального образования. В резолюциях «По областному самоуправлению» и «Об областной думе» высказывалось мнение о том, что Россия должна быть провозглашена федеративной республи-

кой с предоставлением широких прав регионам. Сибирь рассматривалась как неотъемлемая часть России, но в силу ее историко-географических, этнографических, общественно-экономических условий, указывалось в резолюции, имелась настоятельная необходимость в формировании собственного местного законодательства. Региональным законодательным органом провозглашалась Сибирская областная дума, созыв которой намечался в ближайшем будущем [27, с. 8–16; 28, 22 апреля].

На одном из заседаний губернского народного собрания к делегатам обратился Е.Л. Зубашев с заявлением о сложении с себя обязанностей губернского комиссара. Следует отметить, что работа Е.Л. Зубашева в Томске не заладилась: одних не устраивал сам принцип назначения комиссара, другие относились к нему враждебно, поскольку он был кадетом. Поэтому делегаты не только поддержали отставку Е.Л. Зубашева, но и в принятой резолюции указали, что в Томске вообще не нужен правительственный комиссар. Избрание губернского и уездных комиссаров народное собрание возложило на соответствующие исполнительные комитеты [20, 11 мая; 29, с. 192].

На последнем заседании первой сессии делегаты дали оценку деятельности губернского КОБа. В принятой резолюции отмечалось, что КОБ, «организовав выборы в народные собрания на началах демократического строя, дал этим толчок к прекращению анархии, возникшей в момент разрушения старой власти, понимая под этой анархией как отсутствие новой власти, так и самое разнородное ее существование». Делегаты избрали исполнительный комитет губернского народного собрания в составе 16 человек⁸, который возглавил Б.М. Ган.

28 мая 1917 г. через газету «Голос свободы» Томский временный комитет общественного порядка и безопасности известил о передаче своих полномочий Томскому губернскому исполнительному комитету. В обращении к гражданам исполнительный комитет определил свои главные задачи, которые видел в закреплении и расширении на местах свобод и завоеваний революции, в укреплении органов народовластия, решении продовольственного вопроса, развитии образования, обеспечении населения врачебной помощью, снабжении его средствами для улучшения обработки земли, охране труда и безопасности.

«Самодеятельность» томских властей вызывала все большее раздражение Центра. После отставки Е.Л. Зубашева Временное прави-

⁸ Среди них эсеры В.С. Сизиков, М.Б. Шатилов, меньшевики В. Бархатов, В. Васильева, В.П. Денисов и А.А. Наумов, большевик С.И. Канатчиков.

тельство назначило губернским комиссаром председателя Томской казенной палаты И.Б. Маршанга. Однако и его кандидатура была отвергнута губернскими властями. Тогда правительство «заморозило» ассигнования на нужды губернии. Для улаживания конфликта в столицу выехал председатель губернского исполкома Б.М. Ган. Ему удалось добиться компромисса: правительство согласилось возложить обязанности губернского комиссара на председателя исполкома. Также Б.М. Ганом было достигнуто соглашение о назначении уездных комиссаров министерством внутренних дел по согласованию с губернским народным собранием. В начале июня правительство утвердило в должности губернского комиссара Б.М. Гана и уездных комиссаров меньшевика В.С. Бакурадзе⁹ (Каинский уезд), эсера-областника Е.Н. Жернакова (Новониколаевский уезд), эсера П.Н. Маркова (Мариинский уезд) и эсера-областника М.П. Рудакова (Томский уезд).

Пока шли разбирательства с Центром, в губернии продолжалось формирование народных собраний. 26 апреля в помещении Епархиального училища начало работу Томское уездное народное собрание. Председателем собрания был избран М.Д. Михаловский, товарищем председателя — представитель Томского совета солдатских депутатов В.В. Худокормов. С приветствиями к собранию обратились губернский комиссар Е.Л. Зубашев, представители политических партий, общественных организаций, ряда учреждений и ведомств. С отчетом о проделанной работе перед собранием выступил уездный комиссар М.П. Рудаков. В первый день работы собранием были сформированы комиссии по проверке полномочий, по конструированию комитетов, по благоустройству уезда, по продовольствию и обсеменению полей, по организации милиции и финансовая. На последующих заседаниях были заслушаны доклады комиссий, обсуждались вопросы социально-экономического развития уезда. Собрание разработало положение по предоставлению отсрочек, приняло смету на 1917 г.

Собрание избрало исполнительный комитет Томского уездного народного собрания (председатель — М.П. Рудаков, члены — Тихонов, П.Н. Марков, Ткаченко, Гладышев, кандидатами к ним Мешков, Пиотух и Емельянец). Обязанности уездного комиссара были возложены на М.П. Рудакова, начальника уездной милиции — на Н.Н. Берестова.

⁹ 4 августа 1917 г. Каинский уездный исполнительный комитет направил губернскому комиссару протест против назначения В.С. Бакурадзе уездным комиссаром «ввиду несоблюдения интересов населения уезда, благодаря неожиданности назначения выборов, персонального несоответствия и определенных большевистских воззрений» Бакурадзе. (См.: ГАТО. Ф. Р-166, Оп. 1. Д. 20. Л. 28).

Также был избран уездный земельный комитет (председатель — М.Д. Михаловский, члены — Коломиец и Кусин, кандидатом — Г. Сидоренко) [20, 27 апреля, 6, 9, 11, 13, 14, 16 и 18 мая; 24, 13 мая; 28, 4 мая].

В конце апреля — июне были проведены Каинское, Кузнецкое, Мариинское, Новониколаевское уездные, Татарское районное, Боготольское, Каинское, Нарымское, Новониколаевское, Мариинское, Тайгинское (Таежное) городские, Анжерское, Судженское, Центрального рудника Мариинских приисков народные собрания. В сельской местности, особенно в отдаленных волостях, формирование народных собраний растянулось до середины лета 1917 г.

Единый регламент для работы народных собраний не был разработан, и они определяли его самостоятельно. На первых сессиях происходило избрание исполнительных комитетов и должностных лиц, принятие дел от временных комитетов. Как правило, обсуждались вопросы финансирования, благоустройства, образования, здравоохранения. Если уездные собрания работали в рамках определенного отрезка времени (сессии), то городские и поселковые собирались по мере необходимости. Время проведения заседаний определялось самими делегатами.

7 мая 1917 г. начало работу Томское городское народное собрание. В его составе было 98 гласных: 64 — от гражданского населения, 34 — от гарнизона. Реально на заседаниях присутствовало в среднем по 60 — 70 гласных. Среди гласных были 43 эсера, 15 меньшевиков, 18 большевиков, по одному — от Бунда, ППС и один анархо-коммунист. Председателем торжественного заседания был избран Б.М. Ган. В первый день работы собрания были заслушаны многочисленные приветствия.

Для дальнейшей работы председателем собрания был избран С.В. Александровский, товарищами председателя — Киснемский и Смирнов, секретарями — Целищев и Захарова. Ряд заседаний прошли под председательством Н.С. Васильева, а обязанности секретарей исполняли Ульянов и Ичицкий.

8 мая на закрытом частном совещании гласные обсудили вопрос о выборе городского головы и других должностных лиц. Вскоре был избран исполнительный комитет в составе старшего товарища председателя Н.С. Васильева (социал-демократ), второго товарища председателя Е.И. Яницкого (эсер) и членов комитета, которыми стали А.А. Азлецкий, Б.И. Гольдберг, В.В. Корелин, П.Г. Лихачев, Е.А. Наумова и Я.П. Полонский. Председатель избран не был. Были сформированы продовольственная, финансовая и ревизионная комиссия.

В ходе работы собрание учредило такие отделы: 1) общий (обще-

го наблюдения за делопроизводством, счетоводством и казначейской частью) городского самоуправления), 2) хозяйственный, 3) муниципальных предприятий и городского благоустройства, 4) продовольственный, 5) общественного призрения, 6) общественной санитарии, 7) врачебный, 8) охраны наемного труда, 9) народного образования, 10) земельно-арендный.

Большинство обсуждаемых на заседаниях вопросов было связано с решением текущих вопросов городской жизни: формирование исполнительного комитета, назначение должностных лиц, налоги, кредиты, благоустройство, медицина, образование и т. д. [20, 7, 9, 14, 17, 19, 20, 21 и 24 мая, 1 июня; 23, 14 мая; 24, 9, 11 и 14 мая; 31, 2 и 14 июня].

Новониколаевское городское народное собрание приступило к работе 25 апреля, а 30 апреля Новониколаевский комитет общественной безопасности передал власть народному собранию. Председателем заседания был избран Н.Е. Жернаков. На первом заседании обсуждались организационные вопросы, была определена структура руководящих органов собрания. Председателем собрания избрали А.К. Скворцова, товарищами председателя — Б.Д. Доронина-Маркова (старшим), Андриановского и Г.А. Храмова, секретарями — Горохова, А.С. Коробкова и Плотникова. В ревизионную комиссию были избраны Батрак, Холкин, Н.А. Гудков, Эткин, А.В. Сазонов, Скориков и Шашлаков [26, 20, 27^а апр.; 31, с. 41].

На первой сессии Анжерского народного собрания, которая открылась 1 мая 1917 г., были сформированы исполнительный комитет, а также квартирно-санитарная, продовольственная и культурно-просветительная комиссии. Обязанности между 17 членами собрания были распределены таким образом, что каждый вошел в исполнительный комитет либо в одну из комиссий¹⁰.

Первое заседание народного собрания Судженских копей состоялось 20 июня 1917 года¹¹. На нем присутствовало 33 депутата из 34 избранных. Председателем собрания был единогласно избран фельдшер Г.И. Велижанин, а секретарем — учитель А. Опенко (оба — эсеры). Была утверждена повестка дня собрания, в которую были внесены следующие вопросы: 1) вознаграждение членов исполнительного комитета; 2) количество членов президиума; 3) избрание членов президиума; 4) избрание начальника милиции и секретаря. По первому вопросу собрание приняло резолюцию, в которой было определено воз-

¹⁰ ГАТО. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 18. Л. 1, 1 об.

¹¹ 19 июня заседание не состоялось из-за отсутствия кворума.

награждение членам собрания. Членам президиума установили зарплату в размере 200 руб. в месяц, делопроизводителю и членам милиции — по 150 руб. в месяц. Не освобожденным членам собрания за пропущенные смены была предусмотрена выплата компенсации по 6 руб. 30 коп. в день.

Депутаты утвердили состав исполнительного комитета. В него вошли председатель, товарищ председателя, одновременно исполняющий функции казначея, секретарь, заведующие делами презрения и продовольствия. При избрании президиума собрание признало недопустимым совмещение должностей членов исполнительного комитета народного собрания с должностями в других учреждениях. Из числа 14 кандидатов тайным голосованием было избрано пять членов исполнительного комитета: председателем — Г.И. Велижанин, товарищем председателя — Поморцев, секретарем — Баитов, заведующий презрением — Прохоров, заведующий продовольствием — Крючков. Начальником милиции избрали Самойлова, его заместителем — Милютина¹² [20, 24 июня].

На сессиях народных собраний депутатам пришлось решать массу текущих вопросов. Новониколаевское народное собрание рассмотрело вопросы о нормировании рабочего времени, повышении заработной платы, борьбе с дороговизной и спекуляцией. 23 июня на совместном заседании с представителями профсоюзов города были утверждены минимальные ставки оплаты труда, а 26 июня было принято постановление об установлении 8-часового рабочего дня на городских предприятиях [26, 27 июня; 31, с. 55–56; 24 июня]. Мариинское народное собрание рассмотрело вопросы об установлении норм отпуска и ценах на продукты питания, о местных налогах, о развитии образования в городе¹³.

На всех уровнях власти в губернии крайне остро стоял вопрос об изыскании средств для реализации выдвинутых планов. На заседании губернского народного собрания 3 мая председатель финансовой комиссии сделал заявление об уменьшении поступления государственных налогов по всей Томской губернии, отметив, что за последние два месяца поступление налогов сократилось по Томскому уезду до 33 %, Барнаульскому — до 44 %, Бийскому — до 44 %, Змеиногорскому — до 5 %, Каинскому — до 54 %, по Кузнецкому — до 58 %, по Мариинскому — до 66 % [20, 7 и 9 мая]. В повестку дня сессии Каинского уездного народного собрания 5 июня был внесен вопрос об уплате

¹² ГАТО. Ф. Р-549. Оп. 1. Д. 5. Л. 21–23.

¹³ ГАТО. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 16. Л. 1–12 об.

налогов и выполнении повинностей¹⁴.

На первых заседаниях бурно обсуждался вопрос о размере жалования гласным и должностным лицам. Томское уездное собрание постановило установить жалование гласным в том же размере, что было установлено депутатам губернского собрания. Часть гласных-томичей отказалась от получения жалования. На Судженских копиях депутаты, устанавливая жалование должностным лицам, вышли за рамки сметы, составленной и утвержденной губернским исполнительным комитетом совместно с владельцем копии Л.А. Михельсоном в сумме 1750 руб. в месяц. Согласно смете, оклад председателя был установлен в размере 180 руб., членам комитета — по 150 руб. и милиционерам — по 75 руб. Собрание, установив более высокие оклады и расширив круг оплачиваемых лиц, вышло за пределы сметы на две тысячи рублей, то есть более чем в два раза превысило запланированные на обеспечение его работы расходы. Кроме этого, собрание назначило оплату за участие в заседаниях не освобожденным членам в размере, соответствующем дневному заработку горнорабочего. Эти расходы потребовали дополнительно еще по 214 руб. на каждое заседание. Некто, скрывшийся за подписью «Л.М.», со страниц газеты «Сибирская жизнь» вопрошал: «Не дорого ли, граждане народные избранные! Откровенность вообще похвальна, но как бы она не завела вас в тупик» [20, 24 июня].

Не уложились в смету и депутаты Анжерского собрания. Они обратились в губернский комитет с просьбой покрыть недостающую для содержания должностных лиц сумму. Но получили ответ, в котором указывалось, что «утверждение окладов жалования членам исполнительного комитета народного собрания и служащих милиции на местах не зависит от губернского исполнительного комитета, и средства на покрытие расходов этого свойства должны изыскиваться на местах»¹⁵.

В Новониколаевске, Мариинске, Кузнецке, Тайге народные собрания стали реальными органами власти, а вот на Анжерских и Судженских копиях авторитет их был невелик. Соответственной была и роль исполнительных комитетов народных собраний. Так, совет управления Судженскими копиями в заседании от 13 июля 1917 г. рассмотрел отношение исполнительного комитета народного собрания о выделении средств для оплаты председателю продовольственной комиссии. В связи с тем, что данные расходы не были предусмотрены

¹⁴ Там же. Д. 20. Л. 10.

¹⁵ ГАТО. Ф. Р-549. Оп. 1. Д. 5. Л. 301.

сметой, совет управления постановил просьбу не удовлетворять¹⁶.

К середине лета 1917 г. в Томской губернии повсеместно КОБы были заменены исполнительными комитетами, на которые возлагалось выполнение решений народных собраний. Таким образом, в губернии оформилась новая структура органов местной власти. Высшим законодательными органами стали губернское, городские, уездные и волостные народные собрания, а исполнительными — соответствующие исполнительные комитеты. В составе губернского комитета к началу августа были выделены такие отделы: финансовый, статистический, страховой, просвещения, труда, строительный, продовольственный, общественного призрения и земельный.

Исполнительные комитеты народных собраний представляли из себя коалицию левых партий, с заметным преобладанием эсеров. Эсеры возглавили Мариинский (П.Н. Марков), и Томский (М.П. Рудаков) уездные, Новониколаевский городской (Н.Е. Жернаков¹⁷), Судженский поселковый (Г.И. Велижанин). Нарымский краевой и Татарский районный комитеты возглавили большевики (П.И. Воеводин и М.С. Закревский). Нередко комитеты прибегали к помощи специалистов, невзирая на их политические симпатии. В первую очередь это касалось технических специалистов и медиков.

В условиях углублявшегося кризиса и роста социальной напряженности одним из важнейших направлений деятельности губернского исполнительного комитета стало разрешение трудовых конфликтов. Специально созданные комиссии (расценочная, по проверке отсрочек в армию) летом 1917 г. работали на коях Кузбасса. В конфликте между рабочими Судженских копей и их владельцем Л.А. Михельсоном губернский комитет в целом поддержал требования рабочих. Уладить конфликт между администрацией Кемеровского химзавода и рабочими губернский исполнительный комитет поручил инженеру Салаирского рудника Степанову [21, 13 июля; 30, 1 сент.; 32, 25 августа].

Для преодоления продовольственного кризиса комитетами раз-

¹⁶ ГАКО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 19. Л. 24.

¹⁷ Летом 1917 г. из-за разногласий с руководством городской и губернских организаций партии эсеров по вопросам тактики Н.Е. Жернаков вышел из партии и 9 августа 1917 г. на внеочередном заседании Новониколаевского городского народного собрания в числе группы социалистов-революционеров заявил о сложении своих полномочий, мотивируя свой поступок подчинением партийной дисциплине. Вскоре по инициативе Н.Е. Жернакова была создана организация «социалистов-революционеров-федералистов», стоявшая на областнических позициях.

рабатывались нормы потребления, предпринимались попытки установить твердые цены на продовольствие и товары первой необходимости. Губернский и другие комитеты организовывали снабжение продовольствием городов и рабочих поселков. Часто в решении этого вопроса они сотрудничали с Советами и профсоюзами. Комитетам приходилось решать накопившиеся проблемы социальной сферы. Ими принимались меры для ремонта школ и больниц, устанавливались новые ставки для медиков и педагогов.

На местах комитеты активно включились в работу по разрешению социально-экономических проблем, наведению порядка, развитию образования и здравоохранения. В Тайге комитет контролировал охрану порядка, ведал продовольственными делами, осуществлял поддержку беженцев. В Мариинском городском комитете текущей работой занималось исполнительное бюро из семи человек, сосредоточившее в своих руках всю исполнительную власть. В комитете имелись продовольственная, уездная и земская секции. Комитет занимался распределением продуктов, определял размер продовольственного пайка, контролировал снабжение углем местных промышленных предприятий, принимал меры, направленные на ограничение спекуляции. Так, комитет реквизировал кожу у агентов союза кожевенных заводчиков и передал ее в распоряжение военно-промышленного комитета для распределения между заводчиками. Вывозить кожу из Мариинска без ведома комитета было запрещено.

В начале лета 1917 г. Мариинский уездный исполнительный комитет направил для улаживания конфликта на Бериккульском руднике члена комитета М.Я. Хмарина и инструктора Л.С. Мазова. Члены комитета Ю.А. Иванов и лесничий Романов были командированы в уезд для урегулирования на месте вопроса о сдаче лугов в аренду [21, 11, 15 апреля; 33, 23 июня].

В самом Мариинске органы местного самоуправления немало усилий направляли на решение проблем народного образования. Ими планировалось расширение сети учебных заведений, открытие новых начальных школ, дополнительных классов, бесплатных читален, проводить курсы и чтения. В области внешкольного образования была намечена организация лекций и публичных чтений, устройство школ для взрослых. Для пополнения городской казны было предложено ввести дополнительные налоги: попудный сбор с ввозимых и вывозимых из города по железной дороге грузов, увеличение оценочного сбора, введение квартирного налога [33, 23 июня].

В Кузнецке в конце сентября члены исполнительного комитета провели обыски в частных лавках и изъяли продовольственные и

промышленные товары, которые было решено распределить среди беднейших жителей города [21, 30 сентября].

Местным органам власти приходилось вести борьбу с нарастающим пьянством и самогонованием. В начале мая первая сессия Томского губернского народного собрания потребовала усилить борьбу с самогонованием, а дела виновных передавать в суд [27, с. 1, 6]. В начале июня Татарское районное народное собрание, рассмотрев вопрос о борьбе с пьянством и винокурением, постановило усилить разяснительную работу среди населения [21, 1 июля].

В деревне Базой Чилинской волости Томского уезда сельский комитет вынес постановление, согласно которому «всякий замеченный пьяный платит штраф в 25 руб., торговец самосидкой — 50 руб., а владелец завода, выделяющего самосидку, — 100 руб.». Эти меры привели к тому, что пьянство в деревне почти прекратилось. В Романовской волости Кузнецкого уезда комитет запретил под угрозой строгого наказания гнать самогонку. Комитет Кольчугинского рудника осенью 1917 г. в целях борьбы с разросшимся пьянством и винокурением решил принять все доступные ему меры вплоть до удаления пьаниц и самогонщиков с рудника [21, 17 мая; 28, 7 мая].

Но были известны случаи, когда представители новой власти пытались защищать местные интересы, злоупотребляли своим положением. В Тайге 9 мая народное собрание запретило вывозить все заготовленные на городской земле лесные материалы без его ведома. В начале июня народное собрание постановило передать земли Петуховского лесничества в городскую собственность, а в доме лесничего разместить школу. В Краснореченской даче Боготольского лесничества Мариинского уезда в течение трех лет заготавливался лес для нужд Ачинск-Минусинской железной дороги. Волостной комитет направил милицию, которая выгнала из леса рабочих, а лесничему запретил выдачу лесозаготовительных билетов для Ачинск-Минусинской железной дороги, как «не имеющей никакого абсолютно государственного значения». Милицией был арестован объездчик, отводивший по приказанию лесничего лесопосадки. Делались попытки арестовать десятника дороги, производивего работы, ему угрожали самосудом [21, 24 июня, 12, 21 июля; 24, 15 июня].

Несмотря на подобные «недоразумения», губернский, уездные, поселковые исполнительные комитеты, являясь реальной властью на местах, пытались не допустить роста социальной напряженности. В целом их деятельность сводилась к поиску компромисса между различными слоями общества. 8 июля 1917 г. в газете «Голос свободы» было опубликовано обращение губернского исполнительного коми-

тета к населению губернии в связи с событиями в Петрограде. Комитет призвал сохранять спокойствие, считая, что «всякие попытки к уличным выступлениям могут в данный момент привести к гибели революции и возврату старых порядков».

Исполнительные комитеты народных собраний по принципу формирования являлись коалиционными органами. Они проявили готовность к сотрудничеству со всеми общественными организациями и социалистическими партиями. Характерным явлением весной — в начале осени 1917 г. стало взаимодействие и сотрудничество исполнительных комитетов и Советов разных уровней в решении проблем различных групп населения.

Пока в Томской губернии шло формирование местной власти правительство приняло ряд нормативных актов, регламентировавших деятельность органов местного самоуправления. 15 апреля 1917 г. было принято правительственное постановление о производстве выборов гласных городских дум и об участковых городских управлениях¹⁸. От губернских властей Центр потребовал формирования органов местного самоуправления на основе этого постановления.

21 мая правительством было принято Временное положение о волостном земском управлении, а 17 июня Временное правительство приняло постановление о введении земства в Сибири. В июне — июле были внесены изменения в положения об общественном управлении городов и о губернских и уездных земских учреждениях. 16 июля было принято постановление о поселковом управлении и поселковых финансах. Поселковое управление вводилось в целях заведывания делами общественного благоустройства и благосостояния в железнодорожных, пристанских, фабрично-заводских, промысловых населенных пунктах, а также в местах, имевших сельское общественное управление. Поселковое управление подчинялось уездному земству. Высшим органом поселкового управления являлось поселковое собрание, состоявшее из 12–40 поселковых гласных, избираемых на основе всеобщего, равного, тайного голосования. Исполнительным органом поселкового собрания была поселковая управа¹⁹ [34, 29 и 30 июля].

В циркулярах, направляемых в Томск из Центра, содержались требования навести порядок в деятельности органов местного самоуправления. Так, в циркулярной телеграмме в связи с изданием закона о волостном земстве предлагалось «немедленно принять меры к

¹⁸ ГА РФ. Ф. 1791. Оп. 1. Д. 116. Л. 10.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 1788. Оп. 6. Д. 2. Л. 1–2 об.; Д. 15. Л. 1–12; Д. 24. Л. 1–12 об.

отмене установленного некоторыми волостными комитетами самовольного принудительного обложения и указать на недопустимость такого обложения впредь до образования волостных земских учреждений на основе опубликованного закона». Постановления комитетов, не основанные на законе, отменялись как самоуправные²⁰.

Правительство требовало от губернских и уездных комиссаров закончить проведение городских выборов в июне — июле, а земских — не позднее сентября 1917 г. В губернии началась активная работа по организации выборов в соответствии с принятыми законами. С 15 по 19 июня 1917 г. в Томске проходил съезд председателей уездных комитетов и начальников городской и уездной милиции. Съезд обсудил возможность применения к условиям Томской губернии «Проекта о земском положении Сибири», утвержденного Временным правительством. По внесенному рядом делегатов «Положению по управлению Томской губернией» была принята резолюция, в которой указывалось, что «в отношении вопросов местного строительства совещание считает себя, как представителем исполнительных органов, установленных губернским народным собранием, свободным в своих действиях, стараясь согласовать свои действия с распоряжениями Временного правительства». Для определения устройства Сибири было решено созвать Всесибирский съезд [35, с. 53–54].

19 июня 1917 г. главное управление местного хозяйства МВД предписало Томскому губернскому комиссару преобразовать исполнительные комитеты губернского и уездного народных собраний во временные земские управы и поручить им сбор налогов и организацию выборов земских собраний. Следуя указаниям Центра, губернская власть внесла в свою структуру некоторые изменения. Губернский исполнительный комитет разделился на отдел земской управы, ведавший делами и хозяйством губернского земства, и отдел комиссариата. В состав комиссариата вошли губернский комиссар, его помощник и инспектор милиции. В результате по форме и структуре получился некий синтез, сочетавший элементы губернского и правительственных вариантов организации местного самоуправления.

Уложиться в сроки, определенные правительством для проведения выборов, губернские власти не успели. 31 июля 1917 г. Томский губернский комиссар Б.М. Ган направил министру внутренних дел докладную записку, в которой, ссылаясь на недостаток сил и средств, просил перенести выборы в уездные земства на более поздний срок и провести их после выборов во Всероссийское Учредительное собра-

²⁰ ГАТО. Р-1138. Оп. 1. Д. 2. Л. 273.

ние²¹.

При подготовке к выборам в земства уездные исполнительные комитеты провели большую организационную работу, давали разъяснения, направляли на места инструкторов, определяли численный состав гласных по конкретным волостям. Выборы в городские думы в губернии растянулись до начала ноября, а в земства — до конца 1917 г.

К этому времени заметно снизилось доверие населения к органам местной и губернской власти. Одной из причин этого была их неспособность справиться с решением накопившихся социально-экономических проблем. Обстановка в губернии была довольно сложной. Она, как и во всей стране, ухудшалась из-за нарушения экономических связей между городом и деревней, инфляции, снижения уровня жизни. К лету 1917 г. в общей массе населения возросла доля деклассированных элементов. В городах концентрировались освобожденные уголовники, дезертиры, росли безработица и преступность. На обстановку влияли и завышенные социальные ожидания масс. Известный эсер П.Н. Марков в статье «Революция и анархия», опубликованной в мариинской газете «Социалист-революционер» 23 июня 1917 г., отмечал, что «некоторые граждане хотят получить все, что им раньше не доставалось, и других призывают к тому же».

Одной из причин кризиса власти было и то, что ее представители нередко превышали полномочия, злоупотребляли своим положением, не всегда сами соблюдали порядок и законность. В результате население все меньше доверяло властям, игнорировало их распоряжения и постановления. Крестьяне отказывались от выполнения повинностей. В отдаленные районы прекратилась доставка почты, была прервана их связь с уездными центрами. В Томской губернии только за март — май 1917 г. сбор налогов сократился на 42 % по сравнению с аналогичным периодом 1916 г. За апрель — июнь погашение ссудных долгов переселенцами составило по Томскому уезду 0,9 %, по Кузнецкому — 1,7 %, по Каинскому — 0,1 %, по Мариинскому — 0,003 % [21, 18 сентября; 36, 25 июля].

В губернии росло число трудовых конфликтов, обострялись отношения между рабочими и администрацией предприятий. Крестьяне, не дожидаясь каких-либо указаний сверху, на сходах принимали решения об упразднении лесной стражи, осуществляли самовольные порубки леса и захваты земли.

Одной из серьезных проблем для местных органов власти стали

²¹ ГАТО. Р-1138. Оп. 1. Д. 2. Л. 245–248.

самогоноварение и нелегальная продажа спиртных напитков. По подсчетам Л.И. Боженко, основанных на данных Сибирского статистического управления, в 1917 г. на пивоварение пошло примерно 650 тыс. пудов ячменя, а на выгонку самогонки — до 5 млн пудов зерна [37, с. 132]. Самогоноварение приобретало массовый характер.

Бессилие властей в наведении порядка вело к тому, что на местах сами граждане стали решать проблемы по своему усмотрению и пониманию. Губернский комиссар Б.М. Ган сообщал в главное управление по делам милиции о том, что самосуды в деревнях происходят «на почве недоверия назначенным судьям», и предлагал ввести в губернии выборные народные суды²². Так как ответа на это предложение не последовало, в июле губернский исполнительный комитет своим постановлением ввел временные суды народной совести «для спасения отечества и революции», которым надлежало разбирать дела граждан, в чем-либо нарушивших распоряжения губернских властей [20, 6 августа]. Однако все попытки властей остановить волну насилия оказались тщетными. С осени в Томской губернии стало нарастать классовое противостояние. Социал-демократ В. Бархатов, анализируя причины кризиса власти, отмечал: «В широких народных массах быстро нарастало недовольство политикой Центра. Это же недовольство переносилось и на местные органы управления и самоуправления. Творческий созидательный процесс отставал от процесса разложения и деморализации. Исчезла внутренняя дисциплина и гражданская ответственность. Недоверие проявлялось ко всему и всем. Масса перестала верить даже своим избранникам» [38, с. 8].

Недоверие к демократическим институтам отчетливо проявилось на выборах в органы местного самоуправления. В Томском уезде количество избирателей, принявших участие в выборах в уездное земство, составило около 40 %. На Протоповском избирательном участке Спасской волости проголосовало только 7,3 % избирателей. В деревне Плотниково Спасской волости, Зеледеево Варюхинской волости выборы вообще не состоялись из-за коллективного отказа населения от участия в них [39, с. 191].

Центристская позиция, которую заняли губернские органы власти, не устраивала ни правых, ни левых. В июле 1917 г. со страниц газеты «Биржевые ведомости» прозвучало резкое осуждение деятельности Томского губернского исполнительного комитета, направленной на «последовательное упрямое разрушение престижа Временного правительства». В адрес редакции газеты «Голос свободы» — органа

²² ГА РФ. Ф. 1791. Оп. 2. Д. 241. Л. 61; ГАТО. Ф. Р-549. Оп. 1. Д. 4. Л. 30.

Томского губернского народного собрания — было брошено обвинение в том, что оно ведет антиправительственную агитацию и защищает большевиков [40, 21 июля].

6 декабря 1917 г. в Томске открылась чрезвычайная сессия губернского земского собрания, на которой была избрана губернская земская управа. Ее председателем стал эсер Н.В. Ульянов. Собрание признало, что власть в губернии должна принадлежать земству, а наблюдать за законностью и правильностью действий чиновников должен комиссариат, сформированный из представителей губернской земской управы и Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. С отчетом о деятельности губернского исполнительного комитета на сессии выступил Б.М. Ган. Он подчеркнул, что главной задачей комитета была охрана завоеванной свободы, поддержание спокойствия и порядка в губернии. Б.М. Ган отметил, что далеко не все задуманное комитету удалось осуществить. Одной из причин этого являлась постоянная нехватка средств. Поэтому не удалось обеспечить население губернии всеми нужными товарами, улучшить в губернии землепашество, открыть достаточное количество школ.

Однако больше всего, по мнению Б.М. Гана, «сохранению порядка и правильного хода жизни в губернии мешало невежество». Многие распоряжения комитета не выполнялись, в жители губернии не платили налоги, расцвели спекуляция хлебом, самогоноварение, росла преступность. Б.М. Ган подчеркнул, что «нельзя что-нибудь выкроить для народа, когда сам народ тому мешает». В заключение Б.М. Ган призвал население губернии поддержать земство и выразил надежду, что губернскому земству при народной поддержке удастся решить те проблемы, которые не удалось решить губернскому исполнительному комитету. Б.М. Ган заявил о сложении с себя обязанностей председателя губернского исполнительного комитета ввиду его упразднения и о передаче всех его дел земской управе [41, № 6. 1–20 декабря].

В этот же день, 6 декабря 1917 г., исполнительный комитет Томского совета рабочих и солдатских депутатов заявил о том, что он является представителем верховной власти в Томске. Депутаты Совета, избранные в состав губернской земской управы, возглавили ряд отделов, и 24 декабря губернская земская управа, сформированная на многопартийной основе, приступила к исполнению своих обязанностей.

На местах передача власти исполнительных комитетов земским органам происходила по мере формирования последних. Однако этот процесс был прерван установлением в губернии Советской власти.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что созданные по инициа-

тиве масс в первые революционные дни комитеты общественной безопасности воплотили в себе идею широкой демократической коалиции, а их деятельность была направлена на поиск компромисса и достижение социального мира. Комитеты, сформированные вечерним способом, являлись переходными структурами, в их деятельности сразу же выявилась масса недостатков. Это побудило губернские власти выступить с инициативой реформирования органов управления губернией.

Сущность этой реформы заключалась в проведении демократических выборов, формировании народных собраний различных уровней и избранию ими исполнительных комитетов. В результате органы местного управления обрели легитимный статус и на практике реализовывался принцип разделения властей.

Реализация реформы привела к тому, что с весны 1917 г. в Томской губернии сложилась система местного самоуправления, направленная на удовлетворение насущных потребностей населения, сохранение социального мира и углубление демократических преобразований.

Однако нормативно-правовая база деятельности органов власти в губернии имела расхождение с положениями, разработанными в Центре. В соответствии с правительственными постановлениями в конце лета — осенью 1917 г. в губернии стали проводиться выборы городских дум и земств, к которым переходили полномочия народных собраний. Таким образом, за полгода в губернии трижды сменилась форма органов местного самоуправления. На местах они далеко не всегда успевали сформировать дееспособный аппарат и приступить к работе. Все же следует отметить, что низовые структуры были наиболее демократичными по своему составу, а их деятельность — нередко более радикальной, чем уездных и губернских органов, поскольку они напрямую испытывали давление масс.

В целом же органам местного самоуправления не удалось воплотить в жизнь идею социального мира. Им пришлось действовать в фарватере политики Временного правительства, которое не спешило с решением наиболее острых вопросов русской жизни. Другой серьезной проблемой, с которой пришлось столкнуться органам местного самоуправления, был низкий уровень правового сознания и политической культуры населения. Это ярко проявилось в уклонении от уплаты налогов, в отказе от общественных повинностей, массовом самогонварении, росте преступности и самосудах.

Низкий уровень правовой культуры отразился и на качественном составе самих органов, особенно в их первичном звене. Злоупо-

требления властью, стремление использовать ее в личных корыстных целях, а нередко и моральный облик представителей власти подрывали доверие населения к властным структурам, порождали политическую апатию, абсентеизм. Снижало устойчивость и работоспособность органов местного самоуправления и то, что они все чаще превращались в арену политических баталий. Их ослабляли обострявшаяся борьба политических партий и противопоставление им Советов как «подлинно народных» органов.

Губернскому комитету приходилось лавировать, идти на компромиссы. С осени его деятельность все больше подвергалась критике как слева, так и справа. Но при всех недостатках его деятельности губернскому комитету и местным властям удалось не допустить в губернии массовых кровавых столкновений противоборствовавших сил.

В условиях нарастающего социального конфликта идея демократической коалиции осталась нереализованной. Ни центральной, ни местной власти не удалось оправдать социальные ожидания масс. Переход власти в руки Советов привел к ликвидации органов местного самоуправления, которые к тому времени утратили народную поддержку.

Литература

1. Ленин В.И. О двоевластии // Полн. собр. соч. Т. 31. С. 145–148.
2. Могильницкий Б.Г. Революции 1917 г.: новые подходы // Проблемы истории и исторического познания: Сб. науч. статей. Томск, 2001. С. 18–29.
3. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: Рос. полит. энциклопедия, 1997. 376 с.
4. Очерки истории города Томска (1604–1954) / Отв. ред. С.И. Мурашов. Томск: Отдел издательств и полиграфической промышленности управления культуры Томского облисполкома, 1954. 325 с.
5. Сафронов В.П. Октябрь в Сибири. Большевики Сибири в борьбе за победу в Великой Октябрьской социалистической революции (февраль 1917 — март 1918 г.). Красноярск: Кн. изд-во, 1962. 723 с.
6. Разгон И.М. Политические настроения сибирского крестьянства (в марте — апреле 1917 г.) // Октябрь и Гражданская война в СССР. М., 1966. С. 211–232.
7. Зольников Д.М. Рабочие Сибири в годы Первой мировой войны и Февральской революции. Новосибирск: Наука, 1982. 208 с.
8. Агалаков В.Т. Советы Сибири (1917–1918 гг.). Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1978. 254 с.
9. Соловьева В.А. Советы рабочих и солдатских депутатов Томской губернии в марте — апреле 1917 г. // Докл. и сообщения науч. конф. по истории Сибири и Дальнего Востока. Томск, 1960. С. 109–113.
10. Бабикова Е.Н. Буржуазные органы власти и самоуправления в Западной Сибири и их ликвидация в 1917–1918 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1976. 342 с.; Она же. Двоевластие в Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980.

- 158 с.; Она же. Большевики Западной Сибири на муниципальных выборах в 1917 г. // Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск, 1974. Вып. 7. С. 135–160; Она же. Временное правительство и создание органов диктатуры буржуазии в Сибири в 1917 г. // Из истории социально-экономической и политической жизни Сибири. Конец XIX — 1918 г. Томск, 1976. С. 106–124; Она же. Взаимоотношения Советов Сибири с органами диктатуры буржуазии в период двоевластия // Вопросы социалистического строительства в Сибири (1917–1929 гг.). Томск, 1983. С. 46–61 и др.
11. *Бабикова Е.Н.* Двоевластие в Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980. 158 с.
 12. *Герасименко Г.А.* Народ и власть: (1917 год). М.: Воскресенье, 1995. 288 с.
 13. *Дмитриенко Н.М.* Сибирский город Томск в XIX — первой трети XX в.: управление, экономика, население. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 283 с.; Она же. Городское самоуправление в Томске в годы революции и гражданской войны (1917–1919) // Тр. Том. обл. краевед. музея. Томск, 2002 Т. 12. С. 139–145.; Она же. Городское народное собрание // Томск от А до Я: краткая энциклопедия города. Томск, 2004. С. 83; Она же. Губернское народное собрание // Там же. С. 100 и др.
 14. *Дробченко В.А.* Общественно-политическая жизнь Томской губернии (март 1917 — ноябрь 1918 г.) Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 550 с.; Он же. К истории органов местного самоуправления в Томской губернии в 1917 г. // Местное самоуправление: итоги и перспективы развития: Сб. докл. и тез. первой межрег. науч.-практ. конф. Томск, 2001. С. 128–131; Он же. Народные собрания в Томской губернии в 1917 г. // Актуальные проблемы гуманитарных исследований: Сб. науч. тр. Кемерово, 2005. С. 137–141; Он же. Структуры гражданского общества Томска в марте — октябре 1917 г. // Вестник Том. ун-та. История. Томск, 2011. № 3 (15). С. 38–45.
 16. *Ган Б.М.* Февральская революция в Томской губернии // Северная Азия. 1927. № 1 (13). С. 13–23.
 17. *Шотман А.В.* Февральская революция в Томске // Пролетарская революция. 1927. № 2–3. С. 252–277.
 18. *Милюков П.Н.* Воспоминания (1859–1917). М.: Современник, 1990. — Т. 2. 445 с.
 19. Русские ведомости. Петроград, 1917.
 20. Сибирская жизнь. Томск, 1917.
 21. Голос свободы. Томск, 1917.
 22. Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917–1919 гг.): Сб. док. матер. Томск: Зап.-Сиб. изд-во, 1957. 569 с.
 23. Известия Совета солдатских депутатов Томского гарнизона. Томск, 1917.
 24. Новая жизнь. Томск, 1917.
 25. *Кутилова Л.А., Нам И.В., Наумова Н.И., Сафонов В.А.* Национальные меньшинства Томской губернии: Хроника общественной и культурной жизни. 1885–1919. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 298 с.
 26. Голос Сибири. Новониколаевск, 1917.
 27. Постановления первой сессии Томского губернского народного собрания (с 20 апреля по 18 мая 1917 г.). Томск: Губернская тип., 1917. 65 с.
 28. Крестьянский союз. Томск, 1917.

29. Томск. История города от основания до наших дней /Под ред. Н.М. Дмитриенко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 432 с.
30. Знамя революции. Томск, 1917.
31. Хроника революционных событий в Новониколаевске. 1917 г. Новосибирск: Кн. изд-во, 1967. 150 с.
32. Путь народа. Томск, 1917.
33. Социалист-революционер. Мариинск, 1917.
34. Вестник Временного правительства. Петроград, 1917.
35. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Томской губернии (март 1917 — ноябрь 1918 г.) /Сост. Э.И. Черняк. Томск, 1992. Ч. 1–2. 333 с.
36. Наш голос. Красноярск, 1917.
37. *Боженко Л.И.* О продовольственном положении в Западной Сибири накануне социалистической революции // Проблемы истории Октябрьской революции и Гражданской войны в СССР. Томск, 1975. С. 122–137.
38. *Бархатов В.* 25 февраля 1917 — 25 февраля 1918 г. // Школа и жизнь Сибири. Томск, 1918. № 3. С. 4–16.
39. *Бабикова Е.Н.* Борьба с контрреволюционным земством в Томской губернии (1917 — апрель 1918 г.) // Вопросы истории Сибири. Томск, 1964. Вып. 4. С. 189–202.
40. Биржевые ведомости. Петроград, 1917.
41. Известия внешкольного бюро при Томском губернском исполнительном комитете. Томск, 1917.

В.Л. Кожевин

**СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО
ОБЪЕДИНЕННОГО КОМИТЕТА РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕМОКРАТИИ
(КОНЕЦ АВГУСТА — НАЧАЛО НОЯБРЯ 1917 Г.)**

Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского

Статья посвящена событиям, связанным с созданием и деятельностью Западно-Сибирского объединенного комитета революционной демократии. С конца августа и до начала ноября 1917 г. эта общественная организация играла видную роль в политической жизни Омска — важного административного центра Сибири. Отдельные эпизоды деятельности комитета свидетельствуют о противоречивом политическом курсе его руководства, и в настоящее время действительный характер этой организации остается не проясненным. Автор статьи попытался решить эту проблему и вскрыть причины указанных противоречий, используя концепцию двоевластия. Эта концепция является дискуссионной в современной историографии, но, по мнению автора, она оказывается очень полезной для выявления политической природы Западно-Сибирского объединенного комитета революционной демократии.

Ключевые слова: Западная Сибирь, комитет, двоевластие, Советы, Временное правительство, революция, историография, концепт.

В истории революционных событий 1917 г., разворачивавшихся на территории восточных регионов России, Западно-Сибирский объединенный комитет революционной демократии дважды сыграл выдающуюся роль. Это было в поворотные моменты политической жизни страны: во время выступления генерала Л.Г. Корнилова и восстания большевиков в Петрограде.

Однако поведение этой организации на протяжении относительно короткого периода оказалось достаточно противоречивым. Если в начале сентября Западно-Сибирский объединенный комитет революционной демократии реально утвердил свои властные полномочия, как минимум, на территории Акмолинской области и в пределах компетенции штаба Омского военного округа, то ситуация в конце октября — начале ноября 1917 г. оказалась совсем иной. Она характеризовалась, с одной стороны, принятием декларации Комитета о под-

держке петроградского вооруженного восстания, с другой — политикой сохранения status quo в сфере административно-властных отношений в Омске в конце октября — начале ноября 1917 г., половинчатой позицией при ликвидации выступления юнкеров 2-й Омской школы прапорщиков.

В исследованиях историков-сибиреведов так или иначе представлено описание деятельности Западно-Сибирского объединенного комитета революционной демократии¹. Но логика развития событий, свидетельствующих о, казалось бы, противоречивом и непоследовательном поведении этой организации, до сих пор остается недостаточно проясненной. На наш взгляд, одним из продуктивных вариантов решения означенного вопроса является его рассмотрение в контексте проблемы двоевластия, которая имеет довольно основательную историю изучения как в общероссийском масштабе, так и применительно к развитию революционных событий 1917 года в Сибири. Правда, в последние годы понятие «двоевластие» все реже встречается на страницах научных трудов и вузовских учебников. Причина этого заключается в полном либо частичном неприятии современными отечественными авторами ключевых положений прежней марксистской интерпретации революционного процесса 1917 года. Использование концепции, которая господствовала в советской историографии на протяжении многих десятилетий, сменилось отрицанием феномена двоевластия и угасанием многолетней дискуссии об особенностях двоевластия, ведущей свое начало еще с 1920-х годов.

Как известно, термин «двоевластие» зародился в политическом дискурсе правых сил весной 1917 года. Недовольные действиями Советов и аффилированных с ними организаций (солдатских комитетов, фабзавкомов), сторонники беспрепятственной реализации властных прерогатив Временного правительства активно выступали за ликвидацию двоевластия, которое представлялось ими как результат неоправданного вмешательства «самочинных» общественных структур в сферу государственного управления. В значении аномального и едва ли не рокового для судеб России явления понятие «двоевластие» позднее стало использоваться в исторических трудах эмигрантов, начиная с книги П.Н. Милюкова «История второй русской революции».

В концепции истории России, сформулированной вождем большевиков В.И. Лениным, возникновение двоевластия объясняется дей-

¹ См.: *Шепелева В.Б.* Омское Прииртышье — год 1917-й. Омск, 2000; *Очерки истории города Омска.* Т. 2. Омск, 2005.

ствием частной закономерности революционного процесса 1917 г. Двоевластие представлено в виде системы, включавшей, с одной стороны, Временное правительство и его органы на местах, с другой — Советы рабочих и солдатских депутатов, причем первый элемент этой системы воплощал диктатуру буржуазии, второй — диктатуру рабочего класса и крестьянства. Согласно взглядам В.И. Ленина, система двоевластия, отражая переходный момент в развитии революции, характеризовалась переплетением и соподчинением двух диктатур, являлась крайне неустойчивой и неизбежно должна была разрушиться. Что и произошло, как полагал В.И. Ленин, во время июльского политического кризиса. Соответственно временной отрезок с марта по начало июля 1917 г. в ленинской исторической концепции определялся как период двоевластия.

В советской историографии эти положения с 1920-х годов воспроизводились с определенными дополнениями, которые непременно основывались на цитатах из историко-публицистического наследия В.И. Ленина. Двоевластие рассматривалось главным образом как сосуществование двух антагонистических лагерей, ожесточенно борющихся друг с другом. Однако, в условиях относительной свободы исторической мысли (1970-е — середина 1980-х годов) появлялись указания на достаточно сложный, противоречивый и, как бы то ни было, приемлемый для обеих сторон способ взаимодействия двух властей. Так, Е.Н. Бабикина в монографии «Двоевластие в Сибири» особо подчеркивала значение ленинских слов *«переплетение вместе, воедино двух диктатур»*, что свидетельствовало в пользу не только противостояния, но и тесного сотрудничества между ними².

В 1990 — начале 2000-х годов понятие «двоевластие», как и само историческое содержание, которое оно обозначало, в отечественной историографии подвергается основательной ревизии. Так, в монографии В.П. Булдакова «Красная смута», получившей широкий общественный резонанс, о двоевластии говорилось как о концепте, реально отображавшем лишь представления и политические настроения современников революции («страшный жупел двоевластия», «ощущение двоевластия, многовластия, т.е. властной неопределенности»)³. Ряд исследователей отверг тезис о Советах как органах власти, а вместе с ним и понятие «период двоевластия», да и сам концепт «двоевластие». На смену последнему пришел термин «многовластие», под-

² Бабикина Е.Н. Двоевластие в Сибири. Томск, 1980. С. 25.

³ Булдаков В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 176.

разумевающий участие во власти — наряду с Временным правительством — Советов, КОБов и иных общественных организаций.

Если обратиться к историографии революции 1917 года в Сибири, то подобные положения можно найти в публикациях Э.И. Черняка и М.И. Шиловского. Э.И. Черняк, в частности, писал: «Советы Сибири вплоть до осени 1917 г. функционировали как общественно-политические объединения рабочих, не претендовавшие на власть»⁴. М.В. Шиловский, говоря об «отсутствии в Сибири в 1917 г. периода двоевластия как такового», свою позицию объяснял так: «Уместнее говорить о многовластии многочисленных формально государственных и самодельных структур и организаций (комиссары Временного правительства, КОБы, Советы, профсоюзы, фабзавкомы, городские думы, партийные и национальные комитеты, кооперативы и т. д.), которые действовали в конкретно-исторических условиях того или иного уголка региона и обладали здесь властными полномочиями»⁵.

Впрочем, в современной литературе концепт «двоевластие» все еще продолжает использоваться и играть роль теоретической опоры при осмыслении революционных событий 1917 г. в России. Например, в монографии А.А. Штырбула «Политическая культура Сибири: Опыт провинциальной многопартийности (конец XIX — первая треть XX в.)» содержится следующий пассаж, наглядно отображающий эту тенденцию: «В начале июля 1917 г. очередной *политический кризис* вылился в трагические события 3 — 5 июля в Петрограде, результатом которых стало завершение двоевластия в пользу Временного правительства и окончание мирного этапа развития революционного процесса»⁶.

Несомненно, исследования последних десятилетий в целом значительно изменили и углубили научные представления о революционном процессе 1917 года, включая и дооктябрьский период. Однако, наш взгляд, по-прежнему сохраняет свою актуальность вопрос: стоит ли историкам использовать термин «двоевластие», и если да, то какое содержание должно соответствовать этому концепту? Представляется, что обращение к деятельности такой общественно-политической

⁴ Черняк Э.И. Революция в Сибири: съезды, конференции и совещания общественных объединений и организаций (март 1917 — ноябрь 1918 года). Томск, 2001. С. 111.

⁵ Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917 — 1920 гг. Новосибирск, 2003. С. 41.

⁶ Штырбул А.А. Политическая культура Сибири: Опыт провинциальной многопартийности (конец XIX — первая треть XX в.). Омск, 2008. С. 252.

структуры как Западно-Сибирский объединенный комитет революционной демократии отчасти будет способствовать решению этого вопроса.

* * *

Идея о создании особого органа из представителей Советов, социалистических партий и иных выборных общественных организаций была выдвинута омскими левыми политическими деятелями в конце июля 1917 г. На совместном заседании исполнительных комитетов Западно-Сибирского и Омского Советов рабочих и солдатских депутатов, исполнительного комитета Западно-Сибирского Совета крестьянских депутатов, а также руководства омских профсоюзов 28 июля было принято соответствующее постановление. Будущую организацию планировалось создать в Омске с целью «решения вопросов общеполитического характера и практических задач, требующих объединенных действий революционно-демократических организаций»⁷. Однако в рядах местной революционной демократии явственно давали о себе знать расхождения по вопросам о войне, об отношении к Временному правительству, в оценке социально-экономической ситуации и перспектив российской революции. В последующие две — три недели расхождения между правым и левым флангами омских социалистов все более усилились, поэтому дальше разговоров дело не пошло. Положение изменилось лишь в двадцатых числах августа 1917 г.

Как известно, в информационном пространстве революционной России слухи занимали довольно существенное место. Но слухи, которые циркулировали в Омске 23 августа, имели поистине беспрецедентные последствия. Они послужили толчком к созданию новой общественно-политической организации, которой на местном уровне предстояло сыграть ключевую роль в событиях осени 1917 г. На этот раз плодом чьих-то досужих вымыслов стали утверждения, что Кронштадт взят немцами, Петроград горит, а А.Ф. Керенский ... застрелился. В ночь на 24 августа по инициативе местных эсеров в Доме республики было спешно созвано совещание из представителей исполнительных комитетов Западно-Сибирского и Омского Советов рабочих и солдатских депутатов, Западно-Сибирского Совета крестьянских депутатов и активистов партийных организаций социал-демократов и социалистов-революционеров. Собравшиеся послали соответствующий телеграфный запрос в столицу.

Ответ был успокаивающим: все слухи — вздор. Однако, совеща-

⁷ ГИАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 100. Л. 93.

ние на этом не закончилось. Как бы предчувствуя неясную пока угрозу, социалисты, казалось, забыли прежние распри и заговорили о сплочении своих рядов. Так вновь возродилась идея о формировании объединенного органа революционной демократии. Согласно принятому постановлению, в состав будущей организации должны были войти по 15 делегатов от рабоче-солдатского и крестьянского Советов, по три человека от партий эсеров и социал-демократов, два представителя городской думы и при необходимости предполагалось выделить еще по два места для членов Омского комитета железнодорожных служащих и Омского совета профессиональных союзов. До завершения создания новой общественно-политической структуры для наблюдения за ситуацией в городе и возможного принятия экстренных мер совещанием была избрана специальная группа из нескольких человек⁸.

Ожидать пришлось недолго. 29 августа после получения телеграммы А.Ф. Керенского о покушении генерала Л.Г. Корнилова на захват власти упомянутая группа немедленно созвала следующее совещание, на котором и конституировался Западно-Сибирский объединенный комитет революционной демократии. Председателем комитета избрали меньшевика-интернационалиста К.А. Попова, его заместителями стали эсер В.В. Паскевич и меньшевик-интернационалист А.И. Богданов. Комитет вынес постановление о взятии всей полноты власти на территории Акмолинской области, а в отношении военном — в пределах всего Омского военного округа. Кроме того, были приняты решения о роспуске коалиционного комитета, об отстранении от должностей областного комиссара Временного правительства Н.И. Лепко, командующего округом полковника М.П. Прединского и его помощника эсера С.М. Немчинова, о создании в Доме республики вооруженного резерва. Революционно-демократические организации области и округа получали санкцию Западно-Сибирского объединенного комитета на смещение лиц гражданского и военного ведомств в случае вынесения соответствующих постановлений.

Официальный представитель власти областной комиссар Н.И. Лепко откликнулся на известия о выступлении генерала Л.Г. Корнилова воззванием, в котором с сожалением констатировал наличие раскола «в рядах революционного народа и армии», предупреждал о его тяжелых последствиях. Н.И. Лепко потребовал от граждан «сохранить спокойствие, верность Временному правительству и быть гото-

⁸ От Объединенного комитета революционной демократии. Бюллетень. 1917. № 1. С. 1-2.

выми к отражению контрреволюционных выступлений, откуда бы они не исходили»⁹. Тон и содержание воззвания были оценены левыми партиями Омска как сочувственные по отношению к Л.Г. Корнилову. В дальнейшем это служило одним из аргументов в пользу отстранения комиссара от должности. 30 августа Н.И. Лепко созвал пленарное заседание Омского коалиционного комитета, на котором К.А. Попов (также член комитета) зачитал принятое накануне постановление о роспуске этого учреждения. После острых дебатов коалиционный комитет большинством голосов (16 — за, четыре — против, один — воздержался) принял решение о самороспуске. Кроме того, прошла и поставленная на голосование резолюция о передаче его дел Западно-Сибирскому объединенному комитету революционной демократии¹⁰.

М.П. Прединский, воспротивившийся попытке своего отстранения, был посажен под домашний арест, а затем выслан из Омска в сопровождении комиссаров. Не желая подобной же участи, Н.И. Лепко впредь до решения вопроса Центром отказался от своих полномочий. На должность областного комиссара комитет революционной демократии назначил эсера, талантливого сибирского писателя и этнографа 32-летнего А.Е. Новоселова. Впоследствии его кандидатура была утверждена Временным правительством, а после ухода с поста комиссара Степного края И.П. Законова в конце сентября 1917 г. А.Е. Новоселов стал совмещать обе должности. Исполняющим обязанности командующего войсками Омского военного округа по решению того же комитета стал меньшевик-интернационалист прапорщик П.Н. Пловников.

В результате политического кризиса конца августа 1917 г. в Омске фактически установилась власть советского большинства, представленная в лице левых социал-демократов, левых и умеренных социалистов-революционеров. По сути дела ее оформление явилось реализацией на местном уровне варианта довольно популярной тогда идеи о правлении революционной демократии, создании «однородной социалистической власти» без какого-либо участия буржуазии. Примечательно, что социалисты, находившиеся на крайних позициях политического спектра, занимали в объединенном комитете революционной демократии весьма скромное место. В состав его президиума из девяти человек был избран всего один большевик — член Омского военно-окружного комитета от Томска А.А. Звездов. Тогда как лидер

⁹ Омский телеграф. 1917. 2 сент.

¹⁰ От Объединенного комитета революционной демократии... С.3.

омских большевиков З.И. Лобков, как и эсер правоцентристского толка П.Я. Дербер, оказались лишь в числе кандидатов. Что же касается народных социалистов и плехановской группы «Единство», то их представители вообще не попали в число членов комитета.

Аналогичные общественно-политические структуры во время выступления генерала Л.Г. Корнилова создавались во многих городах России. Так, в Западной Сибири с 29 августа по 6 сентября 1917 г. были приняты и осуществлены постановления о создании Алтайского губернского комитета спасения революции в Барнауле, комитета спасения революции в Новониколаевске, комитета охраны революции в Томске, объединенного совета революционной демократии в Кургане. Эти особые органы управления, состоявшие из представителей социалистических партий, сосредоточили в своих руках всю гражданскую и военную власть. Но, поскольку каких-либо открытых выступлений в поддержку генерала Л.Г. Корнилова в Сибири не произошло, созданным здесь комитетам спасения революции не пришлось предпринимать чрезвычайных мер по охране «революционных завоеваний». Очень скоро эти органы прекратили свою деятельность. Исключение составил Западно-Сибирский объединенный комитет революционной демократии. Он продолжал активно функционировать, несмотря на постановление главы правительства А.Ф. Керенского от 4 сентября 1917 г. о самороспуске возникших во время выступления Л.Г. Корнилова комитетов борьбы с контрреволюцией.

В сентябре 1917 г. в политическом языке России появилось такое понятие как «Омская республика». Ранее, по причине открытого непризнания властных полномочий и предписаний Временного правительства Советами Кронштадта и Красноярска, термин «республика» применялся в отношении этих городов. Основаниями для подобных суждений были отказ объединенного комитета революционной демократии выполнить требование правительства о самоликвидации, а также конфликт по поводу осуществления выборности командного состава и других мер демократизации армии в Омском военном округе.

Однако меньшевистско-эсеровское руководство комитета революционной демократии шло на конфронтацию с Центром лишь до известных пределов. Находившийся в Омске с 25 по 29 сентября комиссар Временного правительства Д.Ф. Сверчков для урегулирования вопроса о местном управлении провел серию встреч с омскими политическими деятелями. В результате переговоров было принято компромиссное решение о создании высшего органа распорядительной власти в области — Акмолинского областного исполнительного ко-

митета. В последний вошли 10 представителей от Западно-Сибирского исполкома Советов рабочих и солдатских депутатов и Омского Совета рабочих и солдатских депутатов, 10 делегатов Западно-Сибирского исполкома Советов крестьянских депутатов, 10 членов Акмолинского областного киргизского исполнительного комитета.

Под угрозой направления в Омск карательной экспедиции в конце сентября 1917 г. Западно-Сибирский комитет революционной демократии вынужден был согласиться с передачей своих властных прерогатив вновь образованному умеренно-социалистическому по составу Акмолинскому областному исполнительному комитету. Однако Акмолинский областной исполнительный комитет никак не проявил себя в качестве властной структуры. Это было мертворожденное детище. Вместе с тем Западно-Сибирский комитет революционной демократии не был ликвидирован. Он негласно сохранял распорядительные функции в военной области, а также играл роль центра объединения сил так называемой революционной демократии.

Вооруженное выступление большевиков в столице не стало какой-то неожиданностью для омских политических деятелей. О предполагаемой акции по захвату власти сообщалось в местной печати, вопрос этот обсуждался и в общественных организациях. Омские газеты различных направлений довольно широко освещали события, происходившие в центре страны, а также других регионах страны, хотя и с естественным для того времени запозданием. Наиболее оперативным источником информации из Петрограда являлись ведомственные телеграммы. Обсуждению двух таких посланий (из министерства почт и телеграфа и ЦИК Советов) было посвящено совместное заседание исполнительных комитетов Западно-Сибирского областного и Омского Советов рабочих и солдатских депутатов, состоявшееся 25 октября 1917 г. под председательством К.А. Попова.

Из столицы сообщили, что большевики стремятся захватить власть в Петрограде и других местах. По поводу полученных известий была принята резолюция, в которой подчеркивалось, что если восстание действительно началось, то, несмотря на его преждевременность (Всероссийский съезд Советов еще не был созван), следует поддержать это выступление пролетариата и солдатских масс. Собрание, однако, постановило временно не публиковать резолюцию, а путем телеграфного запроса прояснить характер обстановки в Петрограде¹¹.

Вскоре в Омск поступила телеграмма из политического управления военного министерства. Ее содержание свидетельствовало о

¹¹ РГВИА. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 4. Л. 128.

начале восстания рабочих и солдат столицы под руководством большевиков. В ней сообщалось, что прибывшие на II Всероссийский съезд Советов делегаты, среди которых численный перевес оказался у большевиков, устроили овацию в ответ на речь Л.Д. Троцкого о вооруженном выступлении и его перспективах, говорилось о занятии повстанцами ряда ключевых пунктов столицы и производимых ими арестах. Наконец, в телеграмме признавалась слабость правительственных сил и невозможность удержаться без поддержки фронта. Текст данного сообщения был незамедлительно передан в руки К.А. Попова, который назначил на 22 часа 25 октября экстренное заседание представителей всех органов, входивших в объединенный комитет революционной демократии, включая городское самоуправление.

Собрание началось с оглашения упомянутой телеграммы. Затем была утверждена повестка дня, первым пунктом которой стоял вопрос об отношении к событиям в Петрограде. Большевики, приветствуя выступление рабочих и солдат столицы, предложили «укрепиться на местах и оказать поддержку Петрограду»¹². Следом взяли слово председатель исполкома Западно-Сибирского Совета крестьянских депутатов А.М. Красноусов и несколько других членов этой организации. Смысл их рассуждений сводился к тому, что какая бы ни была сегодня власть, она не даст ни мира, ни хлеба, а восстание против Временного правительства накануне выборов во Всероссийское Учредительное собрание есть акт, совершенный наперекор воле народа. Крестьянские лидеры предлагали, кроме того, подождать с решением вопроса, пока не будет получена информация с оценкой событий от центральных советских органов. Интернационалисты, присутствовавшие на собрании (К.А. Попов, А.И. Богданов и др.), единодушно высказались за поддержку восставших. По их мнению, бездействие или помощь сторонникам прежнего режима были бы на руку только буржуазии и контрреволюции; большевики же, как подчеркивал К.А. Попов, берут власть не только для себя, а для всего рабочего класса и крестьянства.

Жаркие споры продолжались несколько часов. Перед вынесением резолюции лидеры крестьянского Совета потребовали устроить перерыв, после которого А.М. Красноусов объявил, что группа депутатов от крестьянства поддержит борьбу петроградцев за власть демократии, но вопрос этот еще требует обсуждения в местной организации социалистов-революционеров. Принятый собранием итоговый документ (25 голосов — за, один — против, при 13 воздержавшихся)

¹² Революционная мысль. 1917. 27 октября

был составлен в духе воззрений меньшевиков-интернационалистов. Он гласил: «[...] Жребий брошен. Или революция, или контрреволюция [...]. Комитет революционной демократии заявляет, что он за торжество революции, за власть рев[олюционной] демократии, что он с повстанцами»¹³. Вместе с тем текст документа не содержал и намека на конкретные меры и шаги, соответствующие новой политической ситуации. Напротив, наряду с традиционным призывом сплотиться вокруг Советов выдвигалось требование не поддаваться на провокации и не предпринимать каких-либо выступлений без прямого указания органов революционной демократии. Закончив работу, собравшиеся разошлись лишь в половине шестого утра, а на следующий день, 27 октября, резолюция и протокол этого знаменательного заседания были опубликованы в газете «Революционная мысль».

Общее собрание Совета рабочих и солдатских депутатов, посвященное обсуждению петроградских событий, состоялось 28 октября. Резолюция, за которую голосовало большинство членов Совета, была составлена практически в тех же выражениях, что и принятая днем раньше на заседании его военного отдела. Значение курса, провозглашенного Советом в этот критический для судеб страны момент, выходило далеко за рамки констатации отношения присутствующих к свершившемуся перевороту. Резолюция от 28 октября стала прямым свидетельством изменения политических настроений депутатов в пользу крайнего левого крыла революционной демократии. Утвердив проект, подготовленный большевиками, Совет впервые пошел не за своим руководством преимущественно из числа социал-демократов-интернационалистов, а за теми, кто еще недавно находился в меньшинстве и кто теперь представлял в Омске силы, олицетворявшие новый виток российской революции.

Определяя коалиционное Временное правительство как орган буржуазной диктатуры, а политику взаимодействовавшего с ним Временного Совета Российской республики (Предпарламента) как попытку спасти антинародное правительство от ответственности, авторы документа указывали, что выступление петроградских рабочих и солдат по сути дела является новой революцией. «Эта настоящая революция, — утверждали большевики, — имеет своим содержанием осуществление программы революционного пролетариата и беднейшего крестьянства». Успех же ее возможен лишь «при полном разрыве с буржуазией и при переходе власти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов не только в центре, но и на ме-

¹³ Там же.

стах»¹⁴. Впрочем, о конкретных мерах по взятию власти Советом в резолюции ни слова не говорилось; то ли омские большевики не решались пойти на открытую конфронтацию с другими социалистами, ощущая недостаточность своих сил, то ли из-за неясного характера обстановки в Центре они предпочли занять выжидательную позицию.

Интернационалисты же и часть солидарных с ними эсеров, приветствуя петроградское восстание, расценивали его, однако, не как начало новой социальной революции, а как порыв отчаявшихся масс, как реакцию на неспособность пробуржуазного Временного правительства разрешить насущные вопросы социально-экономической и политической жизни страны, наконец, как ответ на угрозу контрреволюционного выступления. Поэтому в противовес большевистской позиции выдвигалась и отстаивалась формула однородной революционно-демократической власти (из представителей всех социалистических партий), которая доведет страну до Всероссийского Учредительного собрания и гарантирует успех общедемократической по своему характеру революции. Советам здесь отводилась лишь роль общественной организации масс, призванной стоять на страже революционных завоеваний, обеспечивать осуществление задач революции, но отнюдь не органов государственной власти, к чему всеми силами так стремились большевики. И все же внутренние разногласия среди левых социалистов пока не препятствовали их совместной работе и, благодаря опоре на гарнизон и на рабочие дружины, контролировать положение в городе.

Примечательно, что во время парада частей гарнизона и Красной гвардии в Омске 29 октября К.А. Попов произносил с балкона Дома республики пламенные речи перед солдатами и красногвардейцами, не забывая, однако, напоминать участникам шествия о необходимости проявлять выдержку. Его скорее заботила возможность возникновения в городе продовольственных волнений, чем открытое покушение на утверждавшееся здесь властное доминирование сторонников петроградских повстанцев (так в то время называла пресса рабочих и солдат столицы, руководимых большевиками). Более того, следуя букве закона, К.А. Попов уплатил залог в 300 рублей за освобождение редактора органа Омского Совета рабочих и солдатских депутатов — газеты «Революционная мысль» А.И. Богданова из-под ареста. Этот арест был санкционирован 31 октября гражданским прокурором

¹⁴ Омские большевики в период Октябрьской революции и упрочения Советской власти (март 1917 г. — май 1918 г.). Сборник документальных материалов. Омск, 1958. С. 82 — 83.

Х.Ф. Коршуновым за публикацию материалов с призывами против Временного правительства и в поддержку восстания петроградских солдат и рабочих.

Довольно неожиданно для многих 1 ноября 1917 г. началось вооруженное выступление 2-й Омской школы прапорщиков. В тот день на бурном заседании, на котором присутствовали юнкера, офицеры, правые и правоцентристские общественные деятели Омска, было принято решение об аресте командующего Омским военным округом меньшевика-интернационалиста прапорщика П.Н. Половникова (в здании штаба Омского военного округа было задержано еще несколько функционеров армейских выборных организаций). Любопытно, что на собрании юнкеров 2-й Омской школы прапорщиков комиссар Акмолинской области А.Е. Новоселов сообщил о выходе из комитета революционной демократии и о своем стремлении не допустить развязывания гражданской войны. Он высказался в том духе, что по долгу службы обязан арестовать присоединившихся к большевистской акции, но как представитель революционной демократии сделать этого не может.

Вооружившись, юнкера заняли территорию Омской крепости и были готовы к дальнейшим действиям. Но атаки на Дом республики, где находился Западно-Сибирский комитет революционной демократии, не последовало. Расчет восставших юнкеров и офицеров школы на поддержку со стороны исполкомов Западно-Сибирского Совета крестьянских депутатов и окружного Совета солдат-крестьян, располагавшихся в Омске, не оправдался, потому юнкера перешли к обороне.

Тогда же в Доме республики шла подготовка к вооруженному отпору. Открывшееся в 5 часов вечера заседание объединенного комитета революционной демократии постановило вызвать войска, Красную гвардию и предъявить мятежным юнкерам ультиматум с требованием освобождения арестованных. Явившийся в Дом республики в сопровождении членов крестьянского Совета руководитель штаба восставших юнкеров подпоручик С.М. Немчинов встретил осуждающее отношение участников собрания и сложил полномочия командующего.

По вопросу о характере предстоящих действий в комитете не возникло единого мнения. Одни предлагали подавить попытку восстания силой оружия, другие выступали за мирный способ ликвидации конфликта. Эта позиция в конце концов одержала верх. Заседание комитета было открытым; присутствовавшие на нем представители центристских и правых групп революционной демократии сумели

провести здесь свою резолюцию об оценке положения в стране и соответствующем политическом курсе местных социалистических партийных сил. В передаче газеты «Омский вестник» содержание документа сводилось к следующему: «Восстание большевиков считать закончившимся. Комитет революционной демократии должен беспрекословно подчиниться распоряжениям того правительства, которое явится как результат переговоров Временного правительства с повстанцами»¹⁵.

В седьмом часу вечера к Дому республики стали подтягиваться войска и отряды Красной гвардии. Полки гарнизона, хотя и значительно поредевшие, выступили на стороне Западно-Сибирского комитета революционной демократии и окружили район крепости, удерживаемый юнкерами; на случай штурма была вызвана артиллерия. Солдаты и рабочие требовали решительных действий в отношении школы прапорщиков. Как только командованию восставших юнкеров стало известно о движении вооруженных формирований, выступивших на помощь объединенному комитету революционной демократии, началась подготовка к обороне. В главном здании школы (временно переданное военному помещению 1-й мужской гимназии) беспрерывно проходило обсуждение сложившейся ситуации.

На собрание юнкеров для переговоров прибыла делегация комитета революционной демократии. Ее члены интересовались дальнейшими шагами, которые намерена предпринять школа, пыталась добиться освобождения арестованного П.Н. Половникова и хотя бы частичного разоружения юнкеров. При этом меньшевик-интернационалист А.И. Богданов зачитал телеграмму из Центра о якобы заключенном перемирии между большевистским правительством и А.Ф. Керенским, заверил юнкеров, что никаких репрессивных мер по отношению к ним принято не будет. То же подтвердил и председатель военного отдела Омского Совета Карпов, называя инцидент исчерпанным¹⁶. Часть юнкеров — во многом под влиянием агитации своих же товарищей из числа активистов левой ориентации — стала склоняться в пользу освобождения П.Н. Половникова и других арестованных. Наконец, такое постановление было принято. В 10 часов вечера все арестованные обрели свободу и направились в Дом республики. Оцепление солдат и красногвардейцев было снято, однако усиленные наряды юнкеров непрерывно несли караульную службу на территории школы из-за опасности внезапного нападения.

¹⁵ Омский вестник. 1917. 4 ноября.

¹⁶ Известия (Омск). 1918. 1 июня.

Ночью по распоряжению комитета революционной демократии по городу патрулировали пикеты вооруженных солдат и рабочих, была занята телефонная станция и отключены телефоны лиц, состоявших в кадетской партии. На следующий день противники свергнутого Временного правительства, ободренные известиями о разгроме войск Керенского — Краснова под Петроградом, перешли к более решительным действиям. К.А. Попов созвал совместное заседание исполкомов Западно-Сибирского и Омского Советов рабочих и солдатских депутатов, где в отличие от собрания фактически расколовшегося комитета революционной демократии мог рассчитывать на полную поддержку. Здесь было принято постановление о создании в городе комитета охраны революции (ревкома) из состава демократических общественных организаций. Его формирование поручалось К.А. Попову как председателю комитета революционной демократии. Вновь образованный орган наделялся неограниченными властными полномочиями в целях охраны революции¹⁷.

Созданный в тот же день ревком предъявил школе прапорщиков ультиматум о сдаче оружия. Были арестованы гражданский и военный прокуроры Х.Ф. Коршунов и М.К. Менде. Лидеру омских кадетов В.А. Жардецкому, бывшему комиссару Акмолинской области Н.И. Лепко и руководителю выступления юнкеров С.М. Немчинову, обвиненным в подстрекательстве к мятежу, удалось скрыться. Школа все же не подчинилась требованиям ревкома и повторно попала в кольцо окружения. Лишь утром 3 ноября юнкера сложили оружие. По счастью обошлось без кровопролития.

С тех пор комитет революционной демократии практически не проявлял себя в качестве властного органа. Даже если рассматривать созданный 2 ноября ревком как орган, непосредственно связанный с комитетом и унаследовавший его прерогативы, то и здесь не обнаруживается решительных действий по реорганизации структуры власти в Омске и Акмолинской области. Так, в номере газеты «Заря» от 12 ноября 1917 г. была опубликована телеграмма комиссара А.Е. Новоселова, адресованная всем уездным комитетам Акмолинской области, в которой содержался призыв к населению не придавать веры советским декретам, быть готовым «дать отпор местным большевистским элементам в случае попыток захвата власти». Обстановка же в областном центре характеризовалась следующим образом: «В Омске положение устойчивое. После выступления школы прапорщиков, арестовавшей командующего и затем разоруженной гарнизоном, после

¹⁷ ГИАО. Ф. 662. Оп. 1. Д. 12. Л. 4.

арестов в связи с тем прокуроров, совершенных временным революционным комитетом — все спокойно. Революционный комитет гарантировал порядок и безопасность граждан, заявил о подчинении той власти, которая будет создана в Центре. Во всех шагах комитета, направленных к умиротворению, я действую с ним согласованно»¹⁸.

Все последующие важные события ноября 1917 г. (ропуск 2-й Омской школы прапорщиков, назначение нового командующего Омским военным округом, перевыборы Омского Совета рабочих и солдатских депутатов, взятие власти этим Советом 30 ноября) прошли практически мимо комитета революционной демократии. В чем же причина такого бездействия?

В свете изложенных событий из истории Западно-Сибирского комитета революционной демократии, а также исходя из учета общего контекста революционного процесса 1917 года в России, представляется важным вернуться к дискуссии о двоевластии и высказать соображения по некоторым ее узловым пунктам. В данном случае особое значение приобретает положение о сохранении ситуации двоевластия после июльских событий 1917 года. Со всей ответственностью мы можем заявить о том, что историки-сибиреведы даже в советскую эпоху не смогли привести убедительных доказательств в пользу ликвидации двоевластия на территории края после июльского кризиса.

Более того, по поводу соответствующей проблемы высказывались совершенно «крамольные» суждения, не остававшиеся, конечно, без критической оценки сторонников доминировавшей тогда научной позиции. Так, в рецензии на книгу В.Т. Шуклцова «Сибиряки в борьбе за власть Советов»¹⁹ ее авторы писали: «Известно, что исходя из анализа политической обстановки, В.И. Ленин выделил два основных этапа борьбы за диктатуру пролетариата в России: мирный, в условиях двоевластия, и немирный, в условиях единовластия буржуазии, установившегося после июльских событий. В.Т. Шуклцов, как свидетельствует структура и содержание его работ, придерживается иной точки зрения, считая, что в Сибири двоевластие существовало даже после победы Петроградского вооруженного восстания»²⁰.

¹⁸ Заря. 1917. 12 ноября

¹⁹ Шуклцов В.Т. Сибиряки в борьбе за власть Советов: деятельность партии в крестьянских массах Западной Сибири в годы революции и гражданской войны. Новосибирск, 1981.

²⁰ Журов Ю.В., Плотникова М.Е., Шишкин В.И. Новые работы о борьбе большевиков за народные массы в 1917 — 1920 годах // Борьба большевиков Сибири за народные массы в годы революции и гражданской войны. Красноярск,

Что касается современных взглядов на данный аспект проблемы двоевластия, то при наличии в ряде публикаций традиционных для советской историографии установок новым стало признание сохранения прежнего состояния «неопределенности власти» на политической арене России и после июльских событий. Например, В.П. Булдаков пишет: «Принято считать, что июльские события означали “конец двоевластия” и установление едва ли не диктатуры. Между тем ничего подобного не произошло»²¹.

Соглашаясь с этим выводом, заметим, что Западно-Сибирский комитет революционной демократии, подавляющее число членов и руководство которого являлись представителями Советов, не только был создан в условиях двоевластия, но и по своей природе органически соответствовал этой системе. Даже в качестве властного органа, каковым он объявил себя в дни корниловского выступления, комитет не разрушил прежних властных структур. Просто на место областного комиссара был назначен «свой человек» — А.Е. Новоселов. Точно так же в отличие от большевиков, которые первым вскоре после провозглашения власти Советов в Омске ликвидировали должность командующего Омским военным округом, комитет революционной демократии всего лишь вынес резолюцию об исполнении соответствующих обязанностей своим ставленником П.Н. Половниковым.

Очевидно, что комитет в принципе мог функционировать лишь временно, до момента утверждения в стране единовластия: не важно, будь то власть большевистских Советов или органов государственного управления, которые могли бы созвать Всероссийское Учредительное собрание. Именно поэтому, даже решившись одобрить Октябрьское вооруженное восстание, проходившее под лозунгом «Вся власть Советам!», комитет не предпринял никаких усилий для реализации этого лозунга на территории Акмолинской области.

Учитывая сказанное, думается, что само понятие «двоевластие», означающее наличие специфической системы органов власти и управления революционной России, необходимо сохранить в исследовательских концептуальных построениях. Не случайно, даже некоторые историки, ставящие под сомнение правомерность употребления этого понятия, все же признают наличие системности в организации власти весной — летом 1917 г. Так, В.П. Булдаков писал о склады-

1983. С. 129.

²¹ Булдаков В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. Изд. 2-е, доп. М., 2010. С. 348.

вании «общественно-государственной» системы²².

Рассматривая ключевые звенья этой системы, вряд ли по своему значению для хода революции можно признать профсоюзы, фабзавкомы или солдатские комитеты равноценными Советам. Несмотря на то, что все эти структуры были тесно связаны между собой, именно Советы, как правило, осуществляли функции руководства указанными общественными организациями, если не напрямую, то хотя бы идейно.

Комитеты общественной безопасности, в свою очередь, несмотря на отсутствие официального признания таковых в качестве легитимных государственных органов со стороны Временного правительства, все же позиционировали себя как органы власти этого правительства на местах. Соответственно, учитывая всю сложность политической ситуации и многообразие социальных институтов, участвовавших во власти после февраля 1917 года, приходится признать: главными системообразующими элементами российского политического пространства в то время выступали Временное правительство и Советы.

Что же касается выделения особого периода двоевластия в истории российского революционного процесса, то точка зрения, утвердившаяся когда-то в советской историографии, согласно которой двоевластие прекратилось в результате июльского кризиса, представляется необоснованной. Ведь если Советы в июле 1917 г. не оправдали ожиданий большевиков, это еще не свидетельствовало о том, что роль и значение этих органов в реализации властных полномочий исчезла. История Западно-Сибирского комитета революционной демократии, как и многих других советских структур применительно к дооктябрьской фазе революционного процесса в России, свидетельствует о прямо противоположном.

Литература

1. *Бабикова Е.Н.* Двоевластие в Сибири. Томск, 1980.
2. *Булдаков В.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.
3. *Булдаков В.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. Изд. 2-е, доп. М., 2010.
4. *Журов Ю.В., Плотникова М.Е., Шишкин В.И.* Новые работы о борьбе большевиков за народные массы в 1917 - 1920 годах // *Борьба большевиков Сибири за народные массы в годы революции и гражданской войны.* Красноярск, 1983.
5. *Черняк Э.И.* Революция в Сибири: съезды, конференции и совещания обще-

²² *Булдаков В.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 179.

ственных объединений и организаций (март 1917 — ноябрь 1918 года). Томск, 2001.

6. *Шепелева В.Б.* Омское Прииртышье — год 1917-й. Омск, 2000.
7. *Шиловский М.В.* Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917 - 1920 гг. Новосибирск, 2003.
8. *Штырбул А.А.* Политическая культура Сибири: Опыт провинциальной многопартийности (конец XIX — первая треть XX в.). Омск, 2008.
9. *Шуклецов В.Т.* Сибиряки в борьбе за власть Советов: деятельность партии в крестьянских массах Западной Сибири в годы революции и гражданской войны. Новосибирск, 1981.

*А.П. Дементьев¹
О.В. Коновалова²*

**ОРГАНЫ ЗЕМСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ
ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1917 — 1918 ГГ.**

¹ Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

² Сибирский юридический институт ФСКН России

В статье рассматриваются особенности становления и функционирования органов земского самоуправления в Енисейской губернии в 1917 — 1918 гг. и их роль в общественно-политической жизни региона. Изучаются результаты выборов в земство, влияние политических партий, отношение населения и представителей верховной власти к этим органам самоуправления.

Ключевые слова: Енисейская губерния, органы земского самоуправления, революция 1917 г., советы, эсеры, большевики, крестьянство

Революция 1917 г. открыла новую страницу в истории органов местного самоуправления в России. 17 июня Временным правительством было издано «Временное положение о земских учреждениях в губернии Архангельской и в губерниях и областях Сибири», в соответствии с которым для ведения делами местного хозяйства на всей территории Сибири, кроме малонаселенных северных районов, вводилось земское самоуправление волостного, уездного и губернского уровней.

Енисейская губерния относилась к территориям, отличавшимся в Сибири высоким уровнем революционной активности. Происходившие в ней процессы, в том числе связанные со становлением и функционированием органов местного самоуправления, оказывали воздействие на развитие политических событий в регионе и в России. Поэтому изучение вопросов, связанных с существованием органов земского самоуправления в один из драматических периодов российской истории, позволяет полнее выявить основные тенденции и противоречия революционного процесса в стране, рассмотреть возмож-

ные политические альтернативы.

В советской историографии деятельность земства в Сибири изучалась исключительно в контексте борьбы за власть Советов [1; 2]. Только с 1990-х годов структуры, хозяйственная и политическая деятельность земства стали предметом самостоятельного научного анализа [3; 4; 5]. Публикации сибирских историков заложили основу для продолжения изучения роли земства в общественно-политической жизни в масштабе отдельных губерний.

Процесс образования органов земского самоуправления принял в Енисейской губернии стремительный характер. Еще до обнародования Временным правительством закона о введении земства в Сибири уездные крестьянские съезды и собрания уполномоченных от крестьян (Минусинск, 13 — 18 мая; Енисейск, 22 мая — 2 июня; Красноярск, 22 мая; Ачинск, 18 — 19 апреля) организовали временные уездные земские управы, заменившие собой съезды крестьянских начальников. Только в Канском уезде земская управа не была организована, так как Канский уездный Совет крестьянских депутатов 19 апреля объявил себя единственным исполнительным органом власти в уезде. Енисейская временная губернская земская управа была избрана на губернском съезде крестьянских депутатов (20 — 27 июня).

Ключевую роль в деятельности временных земских управ играли эсеры. Так, из 13 членов временной губернской земской управы пяти являлось эсерами, один — большевиком, один — меньшевиком, остальные были беспартийными¹. Председателем губернской управы был избран эсер И.В. Казанцев, товарищами председателя — эсеры А.Ф. Тимофеев и А.Р. Шнейдер. Председателями уездных управ также стали эсеры: Красноярской — Б.Ф. Тарасов, Минусинской — В.С. Карцев, Ачинской — В.В. Остриков, Енисейской — Л.М. Белов.

До выборов правомочных органов земского самоуправления губернская управа должна была взять в свои руки все дела управления губернией и денежные средства. Она имела право отправлять своих комиссаров во все правительственные учреждения губернии. В июне 1917 г. губернский комиссар возложил на временные уездные земские управы (в Красноярском, Ачинском, Енисейском, Минусинском уездах) и на объединенный Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (в Канском уезде) распорядительные действия по введению земства.

¹ Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Енисейской губернии (март 1917 — ноябрь 1918 г.). Томск, 1991. С. 79.

В свою очередь временные земские управы организовали уездные исполнительные комитеты по введению земства, в которые вошли представители общественных организаций. В частности, в состав Красноярского уездного исполнительного комитета по введению земства вошли от уездной земской управы четыре человека, от Совета рабочих и солдатских депутатов — три, от Совета крестьянских депутатов — три, городской думы — один, товарищества кооперативов — один и по одному представителю от политических партий². В начале июля 1917 г. комитеты приступили к своей деятельности. В их компетенцию входили организация переписи населения, определение избирательных округов, распределение волостей по округам и определение количества гласных от волостей, назначение председателей и членов избирательных комиссий, установление сроков выборов.

Сроки выборов в волостное и уездное земство были назначены на конец августа — начало октября 1917 г. В Ачинском уезде выборы в волостное земство проходили 29 августа, в Красноярском — 3 сентября, в Минусинском — 10–12 сентября, в Канском — 10 сентября. Согласно законодательству Временного правительства выборы волостных земских гласных в земские собрания проводились по мажоритарной, уездных — по пропорциональной системам. Гласные губернских земских собраний избирались гласными уездных собраний и городских дум. Правом участия в выборах пользовались граждане обоего пола, достигшие ко времени составления избирательных списков 20 лет, проживавшие на территории соответствующей волости или города. Военные принимали участие в выборах на общих основаниях. Первый состав земских гласных должен был осуществлять свои полномочия до 1 января 1919 г.

В ведение земских собраний и управ предполагалось передать всю полноту власти на местах, включая правоохранительную деятельность и организацию призыва в армию. Они должны были стать своеобразным связующим звеном между массами крестьянства и государственной властью: с одной стороны — доводить до власти основные требования и чаяния большинства населения, с другой — стать проводниками государственной политики на местах. Планировалось, что земства заменят собой образовавшиеся в деревне после Февральской революции комитеты общественной безопасности (КОБы) [4, с. 315].

Существенное влияние на ход и итоги избирательной кампании в земство Енисейской губернии оказали несколько факторов. Во-

² ГАКК. Ф. Р-817. Оп. 1. Д. 11. Л. 9.

первых, сибирское крестьянство настороженно отнеслось к новому институту самоуправления. Эсеровская газета «Знамя труда» писала, что в отношении земства чувствуется тревога и «скрытое опасение какого-то подвоха; некоторые гласные видят в земстве даже ловушку, новый источник налогового бремени, и ничего больше»³.

Во-вторых, весьма неудачно было определено время проведения выборов. Оно пришлось на период интенсивных полевых работ, что, несомненно, сказалось на явке избирателей.

В-третьих, выборы проходили в условиях снижения доверия населения к Временному правительству. Газета красноярской группы партии народной свободы «Голос народа» сообщала в сентябре 1917 г., что общественно-политическая жизнь в Енисейском уезде замерла, «никто из обывателей не интересуется ни выборами в земство, ни Займом свободы, ни Учредительным собранием. Единственное, что иногда волнует широкие массы населения, это страх за свое благополучие»⁴. В этих условиях явка на выборы в земство в среднем по уездам губернии колебалась в диапазоне от 40 до 60 % избирателей.

Наконец, значительное влияние на избирательную активность оказал культурный и образовательный уровень основной массы населения — крестьянства. Как справедливо отметил В.М. Рынков, выборы, призванные олицетворять торжество демократической идеи, «подчас демонстрировали всплеск архаизма крестьянского сознания» [5, с. 130]. Так, уездный комиссар Б.Ф. Тарасов писал в кооперативном журнале «Сибирская деревня», что были такие села, в которых «болтали, что избирательная записка — это печать антихриста» или полагали, «будто к Вильгельму записывают [...]»⁵. В деревне Гудковой Красноярского уезда в урну была опущена записка с такими словами: «старших нам Бог поставит»⁶. В целом, по оценке Ачинского уездного комиссара, выборы раскрыли картину «страшного невежества, темноты деревни, недоверия ее ко всяким новшествам, интеллигенции, “буржую”, старому режиму и влиянию на него темных сил»⁷.

Однако, несмотря на все трудности, выборы в волостное земство состоялись. В Красноярском уезде выборы успешно прошли в половине волостей, в остальных были назначены повторные выборы на 8 и 10 сентября. В Ачинском уезде в голосовании по отдельным волостям в среднем участвовало 55 — 60 % избирателей. Между отдель-

³ Знамя труда (Красноярск). 1917. 7 октября. С.1.

⁴ Голос народа (Красноярск). 1917. 30 сентября. С.4.

⁵ Сибирская деревня (Красноярск). 1917. 18 сентября. С.13–14.

⁶ Знамя труда (Красноярск). 1917. 13 сентября. С. 1–2.

⁷ ГАКК. Ф. Р-1813. Оп. 2. Д. 9. Л. 236, 237.

ными селениями процент избирателей колебался в диапазоне от 33 до 75 %. В Канском уезде в голосовании приняло участие от 40 до 60 % избирателей⁸. Выборы прошли везде. Уездный комиссар не получил сведения только из трех волостей. В Минусинском уезде, по сообщению газеты «Голос народа», только в пяти волостях не было избрано законное число гласных⁹.

Организация волостных земских управ шла в губернии активно. Согласно отчету губернского комиссара от 19 октября, формирование волостных управ в Красноярском уезде практически завершилось. Без земства оставалась только Межовская волость, выборы в которой были опротестованы уездным комиссаром¹⁰. «Голос народа» писал в конце октября, что в Канском уезде уже во многих местах прошли волостные земские собрания и избраны управы¹¹. В Минусинском уезде, по сообщению местной эсеровской газеты «Знамя труда», к середине октября в 30 волостях из 36 уже прошли первые земские собрания и оформились земские управы¹². В основном в губернии волостные земские учреждения начали работу в октябре — декабре 1917 г.

В большинстве случаев первые земские собрания ограничивались избранием членов управы и назначением им жалования. Газета «Знамя труда» сообщала, что «крестьяне больше всего боятся расходов, мало ценя те выгоды, которые получатся от трат на улучшение дорог, медицины, дела народного просвещения»¹³. Оценивая трудности, с которыми сразу же столкнулось молодое земство, газета писала: «Как всегда, первые шаги трудны, и еще долго надо проработать, чтобы пробудить в сибиряках доверие к новому учреждению и стремление к самодеятельности»¹⁴.

По социальному составу среди волостных гласных преобладали крестьяне. Из общего количества 1 240 гласных они составляли 87,5 %. Остальные 12,5 % пришлось на рабочих, служащих, писарей, торговцев, домовладельцев, учителей, инженеров, священников, чиновников и ремесленников [6, с. 86–87]. При составлении списков кандидатов в уездное земство крестьяне, видимо, старались избегать участия интеллигенции. Оценивая результаты выборов, «Голос народа»

⁸ Там же. Д. 12. Л. 76, 101–103; Знамя труда (Красноярск). 1917. 13 сентября. С. 1–2;

⁹ Голос народа. 1917. 30 сентября. С.4.

¹⁰ ГАКК. Ф. Р-1756. Оп. 1. Д. 16. Л. 217.

¹¹ Голос народа. 1917. 27 октября. С.4.

¹² Знамя труда (Минусинск). 1917. 15 октября. С.2.

¹³ Знамя труда (Красноярск). 1917. 7 октября. С.1.

¹⁴ Там же.

сообщал, что в гласные из интеллигенции прошел «ничтожный процент»¹⁵. «Знамя труда» сообщало, что в Зеледеевском избирательном округе при составлении списков кандидатов в уездное земство «крестьяне проявили отрицательное отношение как к партиям, так и к интеллигенции [...]»¹⁶.

Выборы в уездное земство состоялись в Ачинском и Красноярском уездах 8 октября, в Канском — 15 октября, в Минусинском — 22 октября, в Енисейском — 29 октября. Процент активности избирателей на выборах в уездное земство был примерно таким же, как и в волостное. По сообщению Енисейского уездного комиссара, на выборах в уездное земство участвовало от 35 до 60 % избирателей¹⁷. По Канску в выборах участвовало всего около 20 % избирателей. «Так проявилась у нас в Канске усталость народных масс», — констатировали «Известия Канского объединенного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». По мнению газеты, это «явление общерусское, и никто не в силах с ним бороться»¹⁸.

Большинство гласных уездного земства составили беспартийные. В Ачинское уездное земское собрание было избрано 68 % беспартийных, в Минусинское — 48 %, в Красноярское — 69 %. В партийном отношении в Красноярское уездное земское собрание было избрано 11 эсеров, два большевика и 29 беспартийных; в Ачинское — 12 эсеров, два большевика, два меньшевика и 34 беспартийных; в Минусинское — 20 эсеров, три большевика, один меньшевик, два энеса, один кадет и 25 беспартийных¹⁹. Таким образом, по совокупности в Ачинском, Красноярском и Минусинском уездных земских собраниях эсеры получили среди партийных гласных 76,8 % мест, большевики — 12,5 %, меньшевики — 5,4 %, энесы — 3,6 %, кадеты — 1,8 %.

Совершенно очевидно, что выборы в земство, проходившие осенью 1917 г., отразили усиливающийся аполитизм масс и низкий уровень политической культуры крестьянства. Тем не менее, к концу 1917 г. в губернии повсеместно были учреждены земские учреждения. В уездных земских собраниях, несмотря на преобладание беспартийных гласных, в политическом отношении задавали тон эсеры.

Образовавшись, молодое енисейской земство, находившееся в

¹⁵ Голос народа. 1917. 27 октября. С.4.

¹⁶ Знамя труда (Красноярск). 1917. 21 сентября. С.2; 30 сентября. С.3.

¹⁷ ГАКК. Ф. Р-1813. Оп. 2. Д. 9. Л. 205.

¹⁸ Известия Канского объединенного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (Канск). 1917. 31 октября. С.1.

¹⁹ ГАКК. Ф. 904. Оп. 1. Д. 12. Л. 100–113, 395–399; Ф. Р-817. Оп 1. Д. 14 Л. 101–106; Народное дело (Красноярск). 1918. № 5. 17 февраля. С.11.

положении человека, «выехавшего пахать без плуга», сразу же столкнулось с противодействием со стороны комиссаров Временного правительства. Так, 20 октября по инициативе Енисейской уездной земской управы состоялось заседание демократических учреждений и организаций г. Енисейска и уезда, на котором рассматривался вопрос о взаимоотношении между демократическими организациями уезда и уездным комиссаром. На заседании комиссар был обвинен в контрреволюционных действиях, в частности, в самовольном назначении патрулей по городу и реквизиции одного из номеров либеральной газеты «Голос момента». Причины конфликта городской голова Енисейска видел в том, что уездным комиссаром назначен человек, «неведомый для населения». В свою очередь председатель уездной земской управы Л.М. Белов доказывал нецелесообразность существования самой должности комиссара. По его мнению, полномочия комиссара следовало перераспределить между земской управой и городским головой. В конечном итоге было принято постановление об общественном бойкоте комиссара и передаче его обязанностей уездной земской управе²⁰.

Тем не менее, с первых дней своей работы основная часть органов земского самоуправления поддержала Временное правительство и отрицательно отнеслась к попыткам большевиков «форсировать» революцию. В период июльских событий 1917 г. в Петрограде временная губернская земская управа в обращении «К населению Енисейской губернии» предупреждала, что выступление большевиков и анархистов в Петрограде грозит гибелью «всего того, что было завоевано в дни Февральской революции», призывала население устраивать земскую жизнь, поддерживать культурно-просветительскую деятельность земств и готовиться к выборам в Учредительное собрание²¹.

Однако приход большевиков к власти в октябре 1917 г. не получил однозначной оценки земства Енисейской губернии. С одной стороны, ряд волостных земств поддержал идею перехода власти к Советам. Так, 4 ноября земские гласные Кускунской волости Красноярского уезда, обсудив создавшееся положение, решили, что «Временное правительство изменило трудовому народу и [...] не только не провело в жизнь коренных требований трудового крестьянства и рабочих, а только открыло борьбу против трудовых масс, чем и обрекло себя на гибель». Собрание признало власть Советов как «истинного вырази-

²⁰ ГАКК. Ф. Р-1982. Оп. 1. Д. 1. Л. 16–23.

²¹ Сибирская деревня. 1917. 30 июля. С. 2–3.

теля и защитника интересов трудовых масс»²².

Отдельные земские гласные даже высказывались в поддержку большевиков. В частности, 19 ноября на Южно-Енисейском волостном земском собрании гласные А.В. Мадея, Я.А. Мельбикс и М.Я. Грас отказались подписать торжественное обещание о добросовестном исполнении своих обязанностей, заявив, что «только революционный комитет может спасти родину совместно с Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»²³.

С другой стороны, большинство земских учреждений губернии осудили выступление большевиков и оказали сопротивление установлению Советской власти. Так, 27 октября на совместном заседании члены Енисейской губернской и Красноярской уездной земских управ заявили, что большевистский переворот, совершенный вопреки воле большинства демократии, приведет к усилению продовольственной разрухи и окончательной дезорганизации армии²⁴. 1 ноября 1917 г. земское собрание гласных Тинской волости Канского уезда признало вооруженное выступление большевиков «путем к контрреволюции». Лозунгу «Вся власть Советам!» собрание противопоставило лозунг «Вся власть Учредительному собранию!»²⁵. 19 ноября Южно-Енисейское волостное земское собрание приняло резолюцию «никаким распоряжением самозванной власти Советов, как явно узурпаторской, не подчиняться»²⁶.

Члены губернской и уездных земских управ вошли в организованный 29 октября по инициативе губернского комиссара губернский комитет объединённых общественных организаций. Председателем комитета был избран губернский комиссар Вл. М. Крутовский, товарищами председателя — члены губернской земской управы, эсеры И.В. Казанцев и А.Ф. Тимофеев. Решение вопроса о власти в губернии члены комитета видели в организации временного революционного совета из представителей местных органов самоуправления, общественных организаций и политических партий²⁷. По инициативе комитета в Красноярске была начата забастовка служащих, прекратили работу почта, телеграф, банки, учебные и административные учреждения²⁸.

²² ГАКК. Ф. Р-893. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.

²³ Там же. Ф.904. Оп. 1. Д. 1. Л. 65–68.

²⁴ Там же. Ф.904. Оп. 1. Д. 8. Л.15.

²⁵ ГАКК. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 5. Л. 1; Ф.904. Оп. 1. Д. 19. Л. 99.

²⁶ Там же. Ф.904. Оп. 1. Д. 1. Л. 65–68.

²⁷ Голос народа. 1917. 9 ноября. С.3.

²⁸ Там же. 2 ноября. С.2; Свободная Сибирь (Красноярск). 1917. 2 ноября. С.1.

Нежелание земства подчиняться новой власти, а также само существование органов местного самоуправления делало полномочие Советов невозможным. Однако большевики не могли сразу приступить к ликвидации земства, поскольку Советы не обладали ни достаточным опытом административно-хозяйственной деятельности, ни соответствующим аппаратом. По этой причине вплоть до апреля 1918 г. при проведении своих решений в жизнь Советы опирались на земские учреждения, как подчиненные им хозяйственно-технические органы.

В процессе «обволакивания», нейтрализации и устранения с политической арены Енисейской губернии аппарата земств в первый период существования большевистской власти можно выделить два этапа. В ноябре — декабре 1917 г. советы взяли органы земского самоуправления под свой контроль. Приказом от 2 ноября 1917 г. чрезвычайный орган Советов — губернский народный комиссариат потребовал от земства выполнять все его распоряжения. В январе — апреле 1918 г. было ограничено финансирование земств и началась их ликвидация.

Вопрос о взаимоотношении земства и Советов был вынесен на повестку дня уездных земских собраний, открывших свою работу в Ачинске и Канске 21 ноября, в Красноярске — 15 декабря, в Минусинске — 29 декабря и в Енисейске — 7 января 1918 г. С начала декабря Канское уездное земское собрание стало проводить свои заседания совместно с уездным крестьянским съездом, к которому присоединились представители объединенного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Подавляющим большинством голосов (133 — «за», три — «против») собрание постановило независимо от решений Всероссийского Учредительного собрания признать «только власть трудящихся, где не может быть места представителям буржуазии»²⁹. По предложению большевиков, поддержанному большинством крестьянских гласных, земское собрание объявило себя распущенным и передало свои функции уездному крестьянскому съезду.

Заседания Красноярского уездного земского собрания проходили в напряженной обстановке. Основная борьба развернулась между гласными, являвшимися по партийной принадлежности эсерами, и большевиками, допущенными на заседания с правом решающего голоса в качестве представителей уездного Совета крестьянских депу-

²⁹ Резолюции, принятые Канским уездным собранием крестьянских, рабочих и солдатских депутатов на заседании с 10 по 18 декабря 1917 г. Канск, 1917. С.1; Рабоче-крестьянская газета (Красноярск). 1917. 17 декабря. С.4.

татов. В конце концов большевикам удалось склонить на свою сторону беспартийных крестьянских гласных. Большинство голосов (22 — «за», девять — «против» и восемь — «воздержались») была принята резолюция, обязывавшая земство действовать в полном согласии с Советами³⁰.

После роспуска большевиками Всероссийского Учредительного собрания в Петрограде 5 января 1918 г. и Сибирской областной думы в Томске 26 января 1918 г. началось планомерное наступление большевиков на органы земского самоуправления. В январе 1918 г. земства были лишены государственного финансирования. Постановлением губернского исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от 15 января 1918 г. все кредиты государственного казначейства в Красноярском уезде передавались в распоряжение исполкома уездного Совета крестьянских депутатов, который получил также право финансового контроля над уездной земской управой. На заседании Красноярского уездного Совета 30 января 1918 г. левая эсерка А.П. Лебедева сообщила, что у земства нет собственных денег и оно вынуждено существовать на средства Советов³¹. Перераспределение денежных средств, с одной стороны, заставляло земство быть более лояльным к Советской власти, с другой — постепенно ограничивало деятельность органов местного самоуправления. Весной 1918 г. земцы, характеризуя сложившуюся ситуацию, констатировали, что Советы решили «уморить земство с голоду»³².

Ликвидация уездного земства в Енисейской губернии происходила, как правило, путем включения его аппарата в состав Советов. Советы активно привлекали специалистов органов местного самоуправления к деловой работе при условии признания Советской власти. 25 января 1918 г. губернский исполком Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов принял постановление произвести объединение Красноярского уездного Совета крестьянских депутатов и уездной земской управы. 30 января 1918 г. был образован Объединенный комитет Совета крестьянских депутатов и уездной земской управы, который просуществовал до 21 февраля 1918 г., после чего отделы управы окончательно вошли в состав Совета³³.

Однако процесс ликвидации земского аппарата не везде проходил гладко и бесконфликтно. 27 января 1918 г. Енисейское уездное

³⁰ ГАКК. Ф. Р-817. Оп. 1. Д. 14. Л. 111, 114; Д. 13. Л. 396.

³¹ Рабоче-крестьянская газета. 1918. 20 января. С.1; 30 января. С.3.

³² МКУ АГМ. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 4. Л. 71.

³³ Рабоче-крестьянская газета. 1918. 30 января. С.2; 20 февраля. С.1.

земское собрание было распущено Енисейским Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов под «угрозой штыков»³⁴. Противостояние Совета и уездной земской управы носило политико-партийный характер. По сообщению «Рабоче-крестьянской газеты», большевистски настроенные делегаты земского собрания вошли в местный Совет, а сторонники эсеров образовали уездную земскую управу. Ее оппозиционная деятельность свелась к распространению среди населения антисоветских воззваний. В одном из них управа предвещала, что власть Советов, «как и все опирающееся на насилие, просуществоует недолго»³⁵.

Девятнадцатого февраля 1918 г. Ачинский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов принял постановление об упразднении уездного земства. В ответ уездная управа попыталась оказать сопротивление и затруднить работу Совета, призвав волостные земства расторгнуть договоры с ямщиками. Таким образом, до заключения новых договоров передвижение представителей новой власти по уезду было бы затруднено. Ачинский Совет постановил лиц, подписавших обращение, лишить свободы и предать народно-революционному суду³⁶.

Фактическая ликвидация земского аппарата губернии, сопровождавшаяся арестом ряда руководителей земства³⁷, привела к тому, что на открытие губернского земского собрания 23 февраля 1918 г. явилось только 15 из 54 гласных. Председателем собрания был избран эсер П.З. Озерных. Земское собрание приветствовали кооператоры, партии меньшевиков и эсеров, а также ряд профессиональных союзов³⁸. Малочисленность собрания не позволила земцам приступить к разрешению накопившихся хозяйственных вопросов. Не желая признать бесперспективность дальнейшей деятельности земства в губернии, гласные, проработав четыре дня, избрали губернскую земскую управу и только после этого прекратили свои заседания.

³⁴ Голос момента (Енисейск). 1918. 17 февраля. С. 4.

³⁵ ГАКК. Ф. Р-1800. Оп. 2. Д. 344. Л.197; Рабоче-крестьянская газета. 15 февраля. С. 4.

³⁶ ГАКК. Ф. Р-1768. Оп. 1. Д. 66. Л. 14.

³⁷ В конце января 1918 г. по подозрению в связях руководства красноярских эсеров с казачьим атаманом А.А. Сотниковым, устроившим вооруженное выступление против Советской власти, были арестованы председатель временной губернской земской управы И.В. Казанцев; товарищ председателя губернской управы А.Ф. Тимофеев и председатель красноярской уездной управы Б.Ф. Тарасов. (См.: Знамя труда (Красноярск). 1918. 28 января. С. 1).

³⁸ ГАКК. Ф. 904. Оп. 1. Д. 30. Л. 211.

В условиях ликвидации Советами уездного звена земского самоуправления, губернская управа не могла оказать никакого воздействия на ход событий. Уже 8 марта 1918 г. комиссия во главе с большевиком Г.С. Вейнбаумом, уполномоченная проходившим 1 — 13 марта губернским съездом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, потребовала от губернской управы сдать дела. Члены управы решили подчиниться, но предприняли последнюю, попытку протестовать, обратившись к населению с призывом: «Граждане! Защищайте земство! Погибнет оно, погибнет все, что дала нам революция [...]. Только оно даст вам мир и порядок и хозяйственное благополучие»³⁹. Однако к весне 1918 г. губернские и уездные органы земского самоуправления перестали существовать.

Несомненно, неспособность земских органов быстро обеспечить насущные потребности крестьянства часто становилась поводом к их упразднению и на волостном уровне. «Несколько раз хлопотали мы перед земством и о школе, и о других нуждах. [...] Ответа мы на них не получили, а раз оно бездействует, так лучше его совсем упразднить», — заявил представитель Тертежской волости в январе 1918 г. на второй сессии Красноярского уездного Совета крестьянских депутатов⁴⁰. Потому уже в конце 1917 г. крестьяне в ряде мест губернии приняли решения о закрытии земства. В частности, граждане Перовской волости на собрании 29 декабря заявили о признании Советской власти, упразднении земства и провели выборы в волостной Совет⁴¹. В январе 1918 г. кооперативный журнал «Народное дело» констатировал, что в некоторых волостях Ачинского уезда волостное земство «совсем разрушено»⁴². Часто причиной ликвидации земства являлось желание крестьян уменьшить расходы на содержание служащих. Именно так Григорьевское волостное земское собрание 19 марта 1918 г. мотивировало свое решение об упразднении земства и организации волостного Совета крестьянских депутатов [7, с.29].

Вместе с тем, повсеместно «расправиться» с волостным земством большевикам не удалось. В отдельных волостях земства сумели завоевать доверие крестьян, превратились в органы истинно народной власти и благодаря этому смогли «пережить» Советскую власть. Так, собрание граждан Есаульской волости Красноярского уезда 24 февраля 1918 г. приняло постановление: «[...] Ввиду того, что закон о зем-

³⁹ Знамя труда (Красноярск). 1918. 3 марта. С. 2; 16 марта. С. 1.

⁴⁰ Там же. 27 января. С. 3.

⁴¹ ГАКК. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 4. Л. 91.

⁴² Народное дело. 1918. 14 января. С. 3.

стве Временного правительства является законом вполне достойным свободной страны, управу не заменять Советом»⁴³. Схожая ситуация сложилась в Новоселовской и Имисской волостях Минусинского уезда⁴⁴.

Не бесспорным, по нашему мнению, является утверждение Советских историков о том, что «массовое создание волостных Советов шло в ходе ликвидации волостных земств» [1, с. 235]. Создание волостных Советов происходило несколькими путями. Наиболее простым для крестьянства путем «приобщения» к новой власти стало простое переименование земской управы в исполком Совета крестьянских депутатов без переизбрания состава. Имеющиеся данные позволяют судить о гораздо большем распространении данного явления в губернии, чем считали советские историки.

Решение о переименовании земства в Совет без переизбрания состава было принято 4 февраля 1918 г. собранием земских гласных Зеледеевской и 2 марта — Александровской волостей Красноярского уезда, 11 февраля — Григорьевской волостной земской управой Минусинского уезда. Интересен тот факт, что в Шалинской волости Красноярского уезда лица, возглавившие исполком Совета крестьянских депутатов, после свержения Советской власти снова возглавили земскую управу⁴⁵. В литературе имеется информация о том, что такого рода случаи имели место и в других губерниях Сибири [8, с. 39].

Распространенности данного явления способствовал ряд факторов. Во-первых, значительная часть крестьян не усматривала принципиальных отличий между земством и Советами. Так, на губернском съезде Советов, проходившем 1 — 13 марта 1918 г., делегат от Корниловской волости Ачинского уезда заявил, что «они себе плохо уяснили разницу между этими органами»⁴⁶. На это влияла не только низкая политическая грамотность крестьянства, но и тождественная структура земских управ и исполкомов Советов: председатель, два члена и секретарь. При этом из-за нехватки в деревне грамотных людей, способных выполнять работу секретаря, большинство секретарей земских управ продолжало работать в исполкомах Советов.

Во-вторых, переименование земства в Советы происходило, как

⁴³ ГАКК. Ф. Р-817. Оп. 1. Д. 87. Л. 1; Знамя труда (Красноярск). 1917. 8 ноября. С. 3.

⁴⁴ МКУ АГМ. Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 4. Л. 43.

⁴⁵ ГАКК. Ф.Р-817. Оп 1. Д. 29. Л. 17; Д. 85. Л. 11; Д. 82. Л. 18; Известия Минусинского объединенного исполнительного комитета Советов крестьянских, рабочих и казацких депутатов (Минусинск). 1918. 4 апреля. С. 3–4.

⁴⁶ Рабоче-крестьянская газета. 1918. 7 марта. С. 3.

правило, в тех волостях, где значительным влиянием среди крестьянства пользовались эсеры [9, с.30]. К примеру, именно в Зелеевской и Александровской волостях еще летом 1917 г. крестьяне согласились на призывы эсеров организовать у себя Советы как общественно-политические организации. Но под воздействием эсеровских агитаторов в данных волостях в ноябре 1917 г. крестьяне осудили захват власти большевиками. Именно Шалинская и Зелеевская волости уже в марте — апреле 1918 г. заявили о своем непризнании Советской власти и отказе от уплаты податей⁴⁷.

В тех волостях, где среди земцев преобладали сторонники большевиков, земская управа переименовывалась в Совет с частичным переизбранием состава. Так, 28 января 1918 г. Сухобузимское волостное земское собрание Красноярского уезда в составе 96 гласных и представителей от крестьян упразднило земство и образовало волостной Совет⁴⁸. При этом председателем волостного Совета стал председатель земского собрания.

Стремясь к повсеместной ликвидации земства большевики были готовы идти на насильственные меры. 5 марта 1918 г. исполком Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов телеграфировал Южно-Енисейскому Совету рабочих депутатов о необходимости немедленно распустить земскую управу, а в случае саботажа — арестовать и выслать в Красноярск ее членов⁴⁹. 30 марта общее собрание группы большевиков села Пановское Кежемской волости высказалось за арест членов волостной земской управы в случае, если они окажут противодействие выборам Совета⁵⁰. Земская управа поселкового общества военного городка Красноярска была расформирована только «угрозою арестов»⁵¹.

В итоге к маю 1918 г. в Енисейской губернии земские собрания и управы в 70 % волостей были заменены Советами крестьянских депутатов. В остальных волостях продолжали действовать земские учреждения и комитеты общественной безопасности. При этом следует учитывать, что часть образованных Советов представляла собой переименованные земские управы.

После свержения Советской власти в июне 1918 г. в Енисейской губернии начался процесс возрождения земства. Проходивший в июне

⁴⁷ ГАКК. Ф. Р-893. Оп. 2. Д. 4. Л. 2; Знамя труда. Красноярск, 1917. 5 ноября. С. 3; Рабоче-крестьянская газета. 1918. 9 марта. С. 3.

⁴⁸ ГАКК. Ф. Р-817. Оп. 1. Д. 89. Л. 5, 12.

⁴⁹ Там же. Ф. Р-1760. Оп. 1. Д. 5. Л. 39;

⁵⁰ Там же. Ф. Р-1800. Оп. 2. Д. 344. Л. 57.

⁵¹ Там же. Ф. Р-817. Оп. 1. Д. 13. Л. 401.

VII крестьянский съезд Минусинского уезда вынес резолюцию о необходимости восстановления земства. Уже 4 июля 1918 г. Минусинская уездная управа сообщила, что снова приступила к работе. Крестьянский съезд Канского уезда, проходивший в июле 1918 г., выбрал временную уездную земскую управу в составе пяти представителей от крестьян, по одному представителю от рабочих и городских жителей⁵². В начале июля свою деятельность восстановила губернская земская управа. Ее председателем был выбран эсер И.В. Казанцев, в состав вошли эсеры А.Ф. Тимофеев, А.Ф. Сергеев, С.С. Медянский, Ф.М. Чаблис и беспартийный В.А. Кузнецов. Возобновили свою работу уездные земские собрания в составе гласных, избранных в 1917 г. Ачинское собрание открыло свою работу 5 июля, Красноярское — 12 июля, Минусинское — 10 августа, Енисейское — 20 сентября.

На Красноярском уездном земском собрании гласные от крестьянства осудили деятельность большевиков и одобрили свержение Советской власти. По текущему моменту земское собрание единогласно, при двух воздержавшихся, вынесло резолюцию, в которой приветствовало «освобождение родного края от большевистского самодержавия». Земские гласные высказались за ответственную перед сибирской трудовой демократией власть, которую должно было создать Всесибирское Учредительное собрание. До его созыва высшим исполнительным органом власти в Сибири признавалось Временное Сибирское правительство, ответственное перед Сибирской областной думой⁵³.

Земские собрания избрали из своего состава новые уездные управы. К концу 1918 г., по подсчетам Ю.В. Журова, из 26 членов и председателей уездных земских управ 10 являлись эсерами, один — меньшевиком, 15 — беспартийными. Из пяти председателей управ трое были эсерами, двое — беспартийными [10, с. 49].

Енисейское губернское земское собрание состоялось 2 — 13 сентября 1918 г. и, по оценке «Знамени труда», «носило исключительно деловой характер». На нем «совершенно не было пышных речей и трогательных деклараций, а шаг за шагом, кирпич за кирпичом строили гласные новое здание земского хозяйства»⁵⁴. Собрание избрало представителей в Сибирскую областную думу и на Томский съезд земств и городов.

⁵² ГАКК. Ф. Р-1800. Оп. 2. Д. 345. Л. 2; Ф.Р-1777. Оп. 1. Д. 1. Л. 188.

⁵³ Там же. Ф. Р-817. Оп. 1. Д. 13. Л. 399-399.

⁵⁴ Свободная Сибирь. 1918. 13 сентября. С. 3; Знамя труда (Красноярск). 1918. 30 сентября. С. 2.

В сельской местности вновь собранные волостные земские собрания упразднили Советы, восстановили старые управы или избрали новые. Так, 14 июля собрание земских гласных Степно-Баджейской волости Красноярского уезда, признав, что Советская власть «довела Россию на край гибели», постановило упразднить волостной Совет, а волостное земство восстановить на прежних основаниях⁵⁵. Переизбрание состава волостной управы происходило в том случае, если гласные сочувствовали большевикам. В июле 1918 г. Канский уездный комиссариат сообщил в губернский комиссариат, что в Александровской волости невозможно восстановить земство в старом составе, так как бывшие члены земской управы со времени Октябрьского переворота «перешли в лагерь большевиков»⁵⁶.

Однако летом 1918 г., восстановление земских органов крестьянство воспринимало еще с большей настороженностью и недоверием, чем их создание в 1917 г. Сказывались политическая апатия, усталость от частой смены власти в деревне, желание в условиях социально-экономического кризиса сократить расходы, не связанные с физическим выживанием [5, с. 152]. На Красноярском уездном земском собрании 12 июля гласный от села Еловского беспартийный крестьянин Спасенов заявил, что в его селе подати платить отказываются, опасаясь того, «что и эта власть также уедет с деньгами на пароходах, как это сделали большевики»⁵⁷. 14 сентября 1918 г. Шелеховская волостная земская управа Красноярского уезда сообщила, что, вступив в управление волостью, она «не встретила со стороны населения никакой поддержки [...]. В деревнях смотрят на земство [...] как на что-то для них маловажное и почти ненужное»⁵⁸.

Часто крестьяне стремились «оздоровить» состав гласных путем избрания их сельскими сходами, что противоречило закону об организации земства. В частности, 20 августа 1918 г. в Канском уезде на Александровское волостное земское собрание пришли гласные, уполномоченные сельскими обществами. Гласных, избранных в 1917 г., крестьяне отказались отправлять на земское собрание, объясняя свое решение отсутствием среди данных представителей «достоинейших общественных работников»⁵⁹. Как констатировала газета «Свободная Сибирь», права сельского схода крестьяне возносили в «какой-то

⁵⁵ ГАКК. Ф. Р-817. Оп. 1. Д. 80. Л. 1-2.

⁵⁶ ГАКК. Ф.Р-1777. Оп. 1. Д. 1. Л. 174.

⁵⁷ ГАКК. Ф. Р-817. Оп. 1. Д. 13. Л. 398.

⁵⁸ Там же. Ф. Р-819. Оп. 1. Д. 17. Л. 7.

⁵⁹ Там же. Ф. Р-1777. Оп. 1. Д. 1а. Л. 434.

культ»⁶⁰. В ряде волостей крестьяне вместо земства, по опыту 1917 г., организовывали комитеты общественной безопасности. Так, Неванский волостной КОБ Канского уезда в июле 1918 г. просил у уездного комиссариата не восстанавливать деятельность земства, а оставить комитет — учреждение, «чувствующее» потребности населения — органом власти в волости⁶¹. В целом по губернии большинство волостных земств было восстановлено только к февралю 1919 года [11, с. 18].

К осени 1918 г. настоящим бедствием для власти и органов земского самоуправления стал отказ крестьян платить подати. По оценке газеты «Знамя труда», земство переживало тяжелые дни, поскольку «тупо и безучастно» к его судьбе относились деревенские массы⁶². 13 сентября 1918 г. Мининская волостная земская управа приняла решение о своей самоликвидации из-за отказа крестьян платить казенные и земские налоги⁶³. «Канский земский голос» в конце ноября 1918 г. сообщал своим читателям, что уездная управа, «брошенная избирателями на произвол судьбы, возможно, доживает последние дни»⁶⁴.

Тяжелое финансовое положение поставило перед земством вопрос о применении вооруженной силы для принудительного сбора налогов. Однако в ноябре 1918 г. на совещании представителей земских управ Енисейской губернии было решено, что «еще не использованы все мирные средства побуждения к платежу», а обращение к карательным отрядам «погубило бы идею земства как органа народо-правства»⁶⁵.

Не имея реальной опоры в массах, оставшись без средств для выполнения своих обязанностей, земство оказалось бессильным наладить деревенскую жизнь. В то же время ситуация на местах стремительно ухудшалась. В августе 1918 г. Иудинское волостное земское собрание Минусинского уезда сообщало, что в волости «идет новая анархия [...], открыто ведется контрреволюционная пропаганда в большевистском духе [...], пьянство поголовное; участились грабежи и покушения на убийство»⁶⁶. Для наведения порядка в уезде Минусинский уездный комиссар эсер П.Н. Тарелкин просил возбудить ходатайство перед правительством о предоставлении уездным комиссарам

⁶⁰ Свободная Сибирь. 1918. 1 сентября. С. 2.

⁶¹ ГАКК. Ф. Р-1777. Оп. 1. Д. 1а. Л. 395.

⁶² Знамя труда. Красноярск, 1918. 19 августа. С. 3.

⁶³ ГАКК. Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 349. Л. 40.

⁶⁴ Канский земский голос (Канск). 1918. 28 ноября. С. 2.

⁶⁵ ГАКК. Ф. Р-817. Оп. 1. Д. 21. Л. 37, 39.

⁶⁶ Труд (Минусинск). 1918. 25 сентября. С. 4.

большей административной власти⁶⁷.

В ответ на требования местных комиссаров Временное Сибирское правительство в сентябре 1918 г. пошло на расширение компетенции центральной власти за счет ограничения прерогатив органов самоуправления. Постановлением Административного совета Временного Сибирского правительства от 17 сентября 1918 г. милиция была изъята из ведения городских и земских самоуправлений и передана в подчинение губернским и уездным комиссарам.

Данное постановление вызвало возмущение земцев в Енисейской губернии. Они увидели в этом признак уклона правительства вправо, первую попытку «обрезать и обкорнать» самоуправление⁶⁸. Все надежды на сохранение основ народоправства земские деятели связывали с функционированием Сибирской областной думы, в которой большинство составляли эсеры и социал-демократы. Неоднократно представители земства Енисейской губернии выступали против намерений Временного Сибирского правительства включить в Сибирскую областную думу представителей буржуазии, видя в этом прямую угрозу демократии⁶⁹.

Ужесточение политики Временного Сибирского правительства вызывало серьезную обеспокоенность деятелей местного самоуправления. По мнению газеты «Дело рабочего», в августе 1918 г. в Енисейской губернии «создалась исключительно тяжелая атмосфера административного гнета»⁷⁰. Особые опасения вызывала возможность использования военно-полевых судов, введенных Временным Сибирским правительством 15 июля 1918 г., не только против лиц, обвиненных в особо тяжких преступлениях (восстание, измена, вооруженное нападение, истребление имущества и т. п.), но и против политических противников новой власти.

В октябре 1918 г. представители органов местного самоуправления Красноярска выступили против предания военно-полевому суду активных деятелей Советской власти И.И. Белопольского, Г.С. Вейнбаума, Я.Ф. Дубровинского, А.Ф. Парадовского и В.Н. Яковлева. По их мнению, такая мера явилась бы «актом политической мести», породила озлобление среди населения и способствовала падению авторитета правительства. Однако попытка возбудить ходатайство перед правительством об отмене военно-полевого суда над

⁶⁷ Воля Сибири (Красноярск). 1918. 18 октября. С. 3.

⁶⁸ Знамя труда (Красноярск). 1918. 19 августа. С. 1.

⁶⁹ ГАКК. Ф. Р-817. Оп. 1. Д. 13. Л. 404.

⁷⁰ Дело рабочего (Красноярск). 1918. 25 августа. С. 1.

советскими деятелями не увенчалась успехом. 25 октября большевики были расстреляны⁷¹.

К концу 1918 г. органы земского самоуправления оказались в положении между «молотом и наковальней». С одной стороны, на них давила административная власть, требующая содействия в сборе налогов и призыве новобранцев. С другой стороны, крестьянство стремилось к полному освобождению от любых налогов, принуждения и контроля со стороны государства. Данная ситуация ослабляла демократические институты земства, делала их неспособными противостоять правой реакции. В конце концов логика развития гражданской войны привела к дальнейшему размежеванию социально-политических сил, расколу в антибольшевистском лагере и установлению в ноябре 1918 г. в Сибири диктатуры А.В. Колчака.

Таким образом, создание органов земского самоуправления происходило в Енисейской губернии летом — осенью 1917 г. в условиях размежевания социально-политических сил, низкого уровня политической культуры крестьянства и противодействия со стороны большевистских Советов. Поэтому, несмотря на свой значительный демократический потенциал, земство не смогло стать институциональной основой для интеграции общественных сил.

Вместе с тем земские учреждения сыграли важную роль в политической жизни губернии. В городах их деятельность затруднила процесс «триумфального шествия» Советской власти: о полномочиях Советов можно говорить только с весны 1918 г., с момента ликвидации органов местного самоуправления. В деревне земство показало удивительную «живучесть», сумев в некоторых волостях сохранить свои структуры, в том числе под «вывеской» Советов вплоть до свержения Советской власти в июне 1918 г.

Однако в июне — ноябре 1918 г. положение земства в значительной степени осложнилось. В ситуации отсутствия реальной социальной опоры и усиления анархистских настроений среди крестьянства оно не смогло препятствовать ограничению своих полномочий со стороны носителей верховной власти и установлению военной диктатуры.

Литература

1. Шейнфельд М.Б. Борьба Советов Енисейской губернии за союз рабочего класса и трудового крестьянства в первый период Советской власти в Сибири: дис. ...канд. ист. наук. Томск, 1954.
2. Бабикова Е.Н. Сибирское крестьянство и выборы в земство в 1917 г. // Из

⁷¹ Воля Сибири. 1918. 29 октября. С. 2.

- истории социально экономической и политической жизни Сибири. Томск, 1980. С. 98–116.
3. *Сечейко О.Ю.* Земство в Восточной Сибири (1917 — 1920 гг.): дис. ...канд. ист. наук. Иркутск, 2001.
 4. История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX — начала XX века. Новосибирск, 2006.
 5. *Рынков В.М.* Органы местного самоуправления в антибольшевистском лагере на востоке России (середина 1918 — конец 1922 г.) // Политические системы и режимы на востоке России в период революции и гражданской войны: сб. науч. статей. Новосибирск, 2012. С. 95–126.
 6. Победа Великого Октября в Сибири. Ч. 2. Томск, 1987.
 7. *Шекшеев А.А.* Власть и крестьянство: начало гражданской войны на Енисее (октябрь 1917 — конец 1918 г.). Абакан, 2007.
 8. *Шишкин В.И.* Советское строительство в сибирской деревне в октябре 1917 — мае 1918 г. // Ленин, Великий Октябрь и социально-экономическое развитие Красноярского края. Вып.3. Красноярск, 1987. С. 36 — 40.
 9. *Дементьев А.П.* Некоторые аспекты образования Советов крестьянских депутатов в Енисейской губернии в 1917 — 1918 гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 4. Владивосток, 2013. С. 27 — 33.
 10. *Журов Ю.В.* Органы сельской власти и управления Енисейской губернии в годы гражданской войны (июнь 1918 — январь 1920 г.) // Из истории крестьянства Восточной Сибири. Красноярск, 1966. С. 33 — 62.
 11. *Юрцовский Н.С.* Сибирское земство в первый год его существования. Вып 2. Омск, 1919.

Н.Ю. Пивоваров

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И СИБИРСКАЯ КООПЕРАЦИЯ (МАЙ — НОЯБРЬ 1918 Г.)

Российский государственный архив
новейшей истории

В статье рассмотрены ключевые проблемы взаимоотношений государственной власти и сибирской кооперации после антибольшевистского переворота на востоке России с конца мая 1918 г. и до государственного переворота 18 ноября 1918 г. в Омске. Несмотря на относительно короткий по историческим меркам временной отрезок, он стал исключительно важным в истории сибирской кооперации. Статья написана на основе материалов кооперативной периодической печати (журналов и газет), а также на уже опубликованных документах органов государственной власти периода «демократической контрреволюции». Их анализ позволил прийти к следующим выводам. Руководящий аппарат сибирской кооперации, в особенности ее ответственные сотрудники, сыграли исключительно важную роль как в период подготовки антибольшевистского переворота, так и в работе контрреволюционных органов власти. Вместе с тем кооперация, в отличие от частного капитала, не стала единой консолидирующей силой не только для производителей и потребителей, но и в глазах власти. Сложившаяся еще до Первой мировой войны видовая разобщенность сибирской кооперации, заключавшаяся в ее разделении на маслодельную, кредитную и потребительскую, не была преодолена. В итоге в процессе трансформации политической системы на востоке России кооперация так и не смогла занять монопольное положение на рынке, а осталась лишь одной из компонент антибольшевистской экономической политики.

Ключевые слова: сибирская кооперация, гражданская война, «демократическая контрреволюция», контрреволюционные органы власти, продовольственный вопрос, монопольное законодательство, Союз сибирских маслодельных артелей, Синкредсоюз, Закупсбыт, Всекосовет.

Трансформационный политический процесс чаще всего возникает в условиях кризиса власти, спада экономики и эскалации социальных конфликтов. Коренные изменения любой политической системы неизбежно сопровождаются ломкой традиционных общественных институтов и их последующим приспособлением к новым изменившимся условиям. Революция 1917 г. и гражданская война стали мо-

ментом истины как для всего российского общества, так и для отдельных его частей. Своеобразное перерождение произошло с российской кооперацией — одним из ведущих социально-экономических институтов в России на рубеже XIX — XX веков. Первая мировая война, а затем и российская революция 1917 г. значительно изменили ключевые приоритеты кооперации не только в торгово-промышленной, но и в общественно-политической деятельности.

С самого зарождения кооперация воспринималась многими мыслителями как важнейший инструмент в деле переустройства общества. Р. Оуэн, Ш. Фурье, У. Томпсон, П. Прудон, У. Кинг, Г. Крюгер и многие другие считали, что переход от капитализма к социализму будет совершен не революционным, а эволюционным, мирным путем только в том случае, если кооперация станет ведущей силой в экономике. Сторонники так называемого кооперативного социализма выступали также за проведение общественных реформ, сотрудничество классов и гражданский мир. Некоторые из них (как, например, Р. Оуэн) пытались воплотить на практике идеалы кооперативного социализма и создавали утопические сообщества. Большинство же ограничивалось участием в выборных представительных органах власти, написанием политических памфлетов и манифестов.

Российское кооперативное движение долгие годы было аполитичным. Из политической спячки кооператоров вывели революционные события 1905 — 1907 гг., вызвавшие небывалый подъем общественной активности. Именно в те годы идеи кооперации как экономической самоорганизации населения подхватили политические партии неонароднической и социалистической ориентации. Политики стали писать о ней как о надклассовой организации и эффективном средстве освобождения трудящихся от власти капитала. Позже некоторые из них, находясь в ссылке, пробовали на практике создавать кооперативы. В.Н. Махов, бывший член партии эсеров, сам прошедший через политическую ссылку, вспоминал, что, как правило, организаторами кооперативов были революционеры «с несколько потрёпанной революционностью, с тяжелым осадком на душе от проигранной революции [...] люди, заметно сведенные с небес на землю, очень склонные свои силы и способности до лучших дней отдавать на служение не так уж блестящим идеалам [...]. Психике этих людей соответствовала не так-то уж большое, не так-то уже и малое дело — кооперация» [4, с. 29].

Отношение власти к кооперации вплоть до Первой мировой войны оставалось двояким. С одной стороны, правительство оказывало поддержку кредитным и сельскохозяйственным кооперативам, иногда даже искусственно насаждая их, как в Сибири. Местная власть ис-

пользовала кооперативы для достижения своих целей. В некоторых селениях старосты через маслодельные артели собирали подати¹, а иногда крестьянские начальники арестовывали счета кооперативов для уплаты долгов сельского общества². С другой стороны, власть достаточно осторожно относилась к потребительским кооперативам, считая, что через них распространяются оппозиционные настроения среди сельского населения. В 1906 — 1909 гг. предпринимались неоднократные попытки ограничить участие в правлении потребительских обществ сельской интеллигенции и духовенства [2, с. 251].

В годы Первой мировой войны кооперативы стали главными поставщиками сельхозпродукции для воюющей армии и обладали фактически монопольными правами на распределение товаров среди городского и сельского населения. Военный губернатор Забайкальской области А.И. Кияшко в своем обращении в середине 1915 г. заявлял: «Успешному развитию скотоводческих хозяйств в области препятствовали ненормальности, существующие при сбыте населением своих продуктов через посредство всякого рода крупных и мелких перекупщиков [...]. Сеть этих посредников ложиться на население тяжелым бременем, население не добывает за свои продукты огромные деньги, которые и идут этим посредникам. Устранение частных посредников между сельским населением и потребителем возможно лишь кооперативной организацией сбыта продуктов сельского хозяйства [...]. Посему рекомендую населению вверенной мне области принять участие в поставке мяса для армии через посредство товарищества кооперативов (Забайкальское товарищество кооперативов. — *Н.П.*), ибо при этом интересы населения будут более ограждены, нежели при сбыте скота через посредство перекупщиков»³.

В то же время в годы войны значительно ослаб режим содержания политических ссыльных. Многие из них получили право свободного перемещения по Сибири и поселения в более густонаселенных районах. Политссыльные, в особенности члены партии эсеров, использовали предоставленную возможность для активизации деятельности в области кооперации. Один из журналистов столичного кооперативного журнала писал: «Не будет преувеличением, если скажу, что в местах ссылки они (ссыльные. — *Н.П.*) первые являются инициаторами, организаторами кооперативов. Не состоя членами, все же они руководили их детальностью, направляя её по пути наиболее

¹ Алтайский крестьянин (Барнаул). 1913. № 2. С. 10.

² Там же. № 31. С. 21.

³ Кооперативное слово (Москва). 1915. № 19–20. С. 283.

правильного развития, подготавливая кооперативных работников из местного населения [...]. Ссылка дает лучший контингент работников, при этом людей идейных, интеллигентных, что особенно ценно в жизни деревенской кооперации»⁴. Роль политссылных в организации потребительской кооперации в Барнаульском и Мариинском уездах Томской губернии была колоссальна. Их влияние было настолько сильно, что в некоторых деревнях и селах частные предприниматели продавали им товары по ценам ниже, чем всему населению, лишь бы те не вздумали открывать кооперативы⁵. Через кооперативы политссылные пытались агитировать крестьян и распространять среди них политические брошюры. Сами крестьяне воспринимали пропаганду своеобразно. Вот что говорил крестьянин с. Подсосновского Томского уезда: «Получая изредка листки и книжечки, читали их миром, толковали по своему, но не могли понять — каким это образом из настоящего полурабского состояния перейдем сразу к братству»⁶.

Свержение самодержавия в 1917 г. было встречено кооператорами восторженно. Они ожидали изменения внутренней политики государства, внедрения в жизнь общества демократических и гражданских свобод и, безусловно, изменения правового статуса кооперации. Как и большинство российских коллег, сибирские кооператоры в марте — мае 1917 г. поддержали Временное правительство и приняли активное участие в организационном оформлении новых органов власти. Напротив, Октябрьская революция была воспринята кооператорами крайне негативно. Лидеры кооперации выразили своё враждебное отношение к взятию большевиками власти, так как, по их мнению, Октябрьский переворот оборвал тонкие нити хозяйственно-экономической жизни страны, привёл к небывалому падению экономики, гиперинфляции, поставил кооперацию перед угрозой прекращения своей деятельности. Единственной законной властью кооператоры считали Всероссийское Учредительное собрание.

Вопрос об отношении сибирских лидеров кооперации к власти большевиков впервые обсуждался на Первом общесибирском кооперативном съезде в Новониколаевске 25 — 29 ноября 1917 г. Съезд призвал расширить работу кооперативных союзов среди рядовых участников, организовать их вокруг органов местного самоуправления и оказывать всяческое противодействие установлению большевистской власти на местах. Участники съезда поручили руководству

⁴ Там же. № 8. С. 388–389.

⁵ Сибирская деревня (Красноярск). 1915 № 5. С. 14.

⁶ Сибирское сельское хозяйство (Томск). 1915. № 13. С. 422.

крупнейших кооперативных сибирских союзов — Союзу сибирских кооперативных союзов (Закупсбыту), Союзу сибирских кредитных кооперативных союзов (Синкредсоюзу) и Союзу сибирских маслодельных артелей — создать единый орган для согласования совместных действий — Совет всесибирских кооперативных съездов (Всекосовет). Предварительно, до избрания Всекосовета, было образовано Исполнительное бюро совета кооперативных съездов. Именно оно в первой половине 1918 г. выработывало общую позицию сибирских кооперативных организаций по политическим вопросам, что дало впоследствии повод советскому историку Б.В. Иванову назвать его «штабом всех контрреволюционных сил сибирской кооперации» [1, с.177].

В начале 1918 г. сибирские кооператоры не только активно поддерживали противников большевиков, но и участвовали в создании альтернативных органов власти. В частности, во временную Сибирскую областную думу от кооперации было выдвинуто 22 депутата. Сибирская кооперация представляла свою финансовую и организационную помощь руководству антибольшевистского подполья. Например, сотрудниками Закупсбыта числились будущий командующий Сибирской армией А.Н. Гришин (Гришин-Алмазов) и И.А. Михайлов — министр финансов Временного Сибирского правительства. Вопросами финансирования антибольшевистских сил занимался А.В. Сазонов — секретарь правления Закупсбыта, имевший неофициальное прозвище в революционной среде «дедушка русской революции».

Непосредственно в подполье работала лишь незначительная часть кооператоров. Большинство же открыто, насколько это позволяла ситуация, проявляло свою оппозиционность. Выразителем подобного рода настроений в кооперации стал член правления Закупсбыта Н.В. Фомина. В своей статье, опубликованной буквально за месяц до свержения Советской власти в Сибири, он писал, что Россия ещё не достигла такого уровня развития, когда возможно установление диктатуры рабоче-крестьянского класса. Он призывал кооператоров отбросить ложный нейтралитет и вступить на путь активной политической деятельности, считая, что «всеми своими действиями, как в области общеэкономической, так и специально-кооперативной, Советская власть неизбежно толкает кооперацию на путь политической борьбы»⁷.

⁷ *Фомин Н.В.* Советская власть и кооперация // Сибирская кооперация. 1918. № 4–5. С. 17.

Военно-политическая ситуация на востоке России коренным образом изменилась в результате антибольшевистского восстания Чехословацкого корпуса 25 мая 1918 г. Решение о вооруженном выступлении против Советской власти, принятое на совещании военных и политических руководителей корпуса пятью днями ранее, стало полной неожиданностью для антибольшевистского лагеря, так как к концу весны подпольные структуры еще не были готовы к свержению Советской власти. Об этом впоследствии заявлял Н.В. Фомин [3, с. 137].

Кооператоры, участвовавшие в организации подполья, в буквальном смысле оказались в растерянности. Только через сутки после захвата Чехословацким корпусом власти в Мариинске и несколько часов спустя после освобождения Новониколаевска от большевиков ряд кооператоров совместно с другими представителями антибольшевистского подполья приняли участие в заседаниях военно-революционного штаба Временного Сибирского правительства. На заседаниях штаба 26 — 28 мая, присутствовали член правления Закупсбыта Н.В. Фомин и торговый агент Закупсбыта А.С. Попов, руководители «Обского кооператора» Н.А. Гудков, М.Ф. Омельков и А.К. Скворцов, а также член правления новониколаевского рабочего потребительского общества «Энергия» М.М. Михаленко-Дорон, член правления городского кооператива «Экономия» Г.С. Аристов, инструктор Новониколаевского комиссионерства Московского народного банка (МНБ) Е.Н. Пославский и некоторые другие. В течение нескольких суток военно-революционным штабом были рассмотрены и приняты постановления по ключевым вопросам организации власти: об открытии местной городской думы и управы, о создании военно-революционного комитета при уполномоченном Временного Сибирского правительства, об охране города и т. д. Были утверждены постановления, непосредственно касавшиеся кооперации. В частности, участники заседаний договорились о передаче на хранение всех денег, изъятых у Новониколаевского совета, в Новониколаевское комиссионерство МНБ⁸.

28 мая от имени уполномоченных Временного Сибирского правительства член Западно-Сибирского комиссариата М.Я. Линдберг совместно с кооператорами А.В. Сазоновым и Е.Н. Пославским выпустили первое открытое воззвание контрреволюционеров, но не просто

⁸ Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства. Сборник документов и материалов / Сост. и научный редактор В.И. Шишкин. Новосибирск, 2005. С. 27.

к населению, а к «гражданам-крестьянам»⁹. Воззвание было опубликовано спустя несколько дней в первом номере газеты «Народная Сибирь», издававшейся частично на деньги новониколаевской кооперации в типографии Закупсбыта. По своему духу оно восходило к кооперативным воззваниям, появившимся в прессе после Октябрьского переворота. Авторы призывали крестьян поддержать Сибирское Учредительное собрание и Временное Сибирское правительство и выступить против «опостылевшей большевистской власти». В тексте документа утверждалось, что «только путем дружной и совместной работы с Временным Сибирским правительством будет сохранена целостность Сибири и России, только в сплочении с этим органом будет выход из того тупика, в который была загнана страна безответственной самочинной большевистской властью»¹⁰. Заканчивалось воззвание традиционным кооперативным лозунгом: «В единении — сила».

Из документов о деятельности сибирской контрреволюции может сложиться впечатление, что именно местные кооператоры фактически создали Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства — первый региональный орган государственной власти, действовавший после антибольшевистского переворота. Действительно, 30 мая 1918 г. в Новониколаевске состоялось заседание Совета при уполномоченных Временного Сибирского правительства, на котором присутствовали кооператоры Н.А. Гудков, М.М. Михаленко-Дорон, М.Ф. Омельков, Е.Н. Пославский, Н.В. Фомин и др. Совет постановил учредить Западно-Сибирский комиссариат с соответствующими отделами по отраслям деятельности¹¹. Комиссариат являлся временным органом. Предполагалось, что его функции в ближайшем будущем перейдут к Временному Сибирскому правительству, когда с Дальнего Востока вернутся министры, избранные Сибирской областной думой.

Руководящими сотрудниками комиссариата стали многие деятели сибирской кооперации. Н.В. Фомин был назначен заведующим военным отделом, его помощником стал М.Ф. Омельков, а снабжением Западно-Сибирского военного округа занялся опытный торговый агент Закупсбыта В.И. Бородин — первоклассный специалист по рынкам Бухары, Туркестана и Китая. Во главе продовольственного отдела встал бывший член правления Мариинского кооперативного союза

⁹ Там же. С. 34. Воззвание уполномоченных Временного Сибирского правительства «К населению» вышло только спустя два дня и было опубликовано 1 июня в «Народной газете».

¹⁰ Там же. С. 35.

¹¹ Там же. С. 39.

П.Я. Михайлов, а его помощниками были председатель правления Союза сельских кооперативов И.А. Козловский¹² и инструктор Синкредсоюза М.Д. Маракуев. Заведующим отделом промышленных предприятий был назначен член правления Новониколаевского кооператива «Экономия» В.М. Исупов. Юридический отдел комиссариата возглавил бывший юрисконсульт и заведующий юридическим отделом Закупсбыта В.Б. Скворцов. Помощниками заведующего финансовым отделом, руководить которым было поручено И.А. Михайлову, были поставлены инструктор Московского народного банка Н.И. Хрипач и член правления Всероссийского союза потребительских обществ (Центросоюза) А.С. Орлов¹³. Фактически со 2 по 14 июня, т. е. до переезда Западно-Сибирского комиссариата в Омск, кооператоры занимали в нем все ключевые руководящие должности. Была своего рода доля правды в шутке торгово-промышленных кругов Новониколаевска, появившейся в первые дни после переворота, что «власть в Сибири перешла к Закупсбыту»¹⁴. Летом 1918 г. имел широкое распространение слух о том, что власти всерьез намеривалась переименовать Новониколаевск в Кооператорск.

И все же преувеличивать роль и значение сибирской кооперации в антибольшевистском перевороте не стоит. Необходимо помнить, что большинство кооператоров, участвовавших в общественно-политических событиях конца мая — начала июня, в первую очередь были активными членами партии социалистов-революционеров. Для них кооперация была защитным хитомом, а не разящим орудием борьбы. Поэтому уже при первых выстрелах контрреволюции они поспешили ее отбросить. И даже одним из региональных кооперативных идеологов (или, по крайней мере, претендовавших на эту роль) Н.В. Фоминым был совершен грубый тактический просчет. Не позднее 27 мая от его имени во все кооперативные союзы было разослано объявление об отмене общеобразовательных курсов при Закупсбыте, которые должны были пройти в Новониколаевске с 1 по 13 июня. Планировалось, что на курсах будут присутствовать около 300 человек, главным образом крестьян из Алтайской, Енисейской и Томской губерний. Таким образом, Н.В. Фомин фактически отказался от возможности провести антибольшевистскую агитацию среди участников

¹² С 4 июня 1918 г. — заведующий отделом продовольствия Западно-Сибирского комиссариата.

¹³ Народное дело (Красноярск). 1918. № 28 — 29. С. 41; Западно-Сибирский комиссариат... С. 46.

¹⁴ *Фомин Н.В.* Кооперация и переворот в Сибири // Сибирская кооперация. 1918. № 6 — 8. С. 1.

курсов, чтобы те в своих родных селах и деревнях смогли потом рассказать о происшедших событиях с точки зрения контрреволюции.

Между тем в то время вопрос о распространении идей антибольшевистского лагеря стоял очень остро. Сибирской деревне было необходимо как можно скорее рассказать о Временном Сибирском правительстве и Сибирской областной думе, о том, почему на самом деле произошел контрреволюционный переворот. Достаточно хорошо информированы были только близлежащие от Новониколаевска населенные пункты. В них, как сообщал в своем отчете инструктор «Обского кооператора», крестьяне организовывали сходы, на которых выражали единогласное сочувствие перевороту и смещали большевиков, заменяя их представителями земских органов¹⁵. Впрочем, подобный революционный настрой был скорее исключением. Сельское население почти ничего не знало о свержении большевиков. Корреспондент газеты «Заря» сообщал, что в крестьянской среде «распускаются слухи, что Сибирь хочет Россию уморить голодом, что она решила идти на Россию войной [...]. Крестьяне волнуются и просят, чтобы прислали им “указы” или “бумаги какие”, где было бы сказано о том, что такое Временное правительство, из кого оно составлено и какие его цели»¹⁶.

Такое положение вещей было прямым следствием отсутствия надежных источников информации в деревне. Периодическая печать приходила к крестьянам с большим опозданием, а чаще просто пылилась в кооперативных лавках и земских управах. «Кому ее (прессу. — Н.П.) читать? Да и что они в ней поймут?», — говорили руководители кооперативов и сотрудники земских управ, объясняя у себя залежи газет¹⁷. Вместе с тем недостаток оперативной и точной информации у сибирских крестьян нарушил все логические связи между разными политическими событиями. В результате, как писал журналист из «Народной Сибири», в деревне «многие события общеполитического характера являются для крестьян как бы громом в ясную погоду. Тем более за неимением народно-популярных газет в деревне невозможно создать то, что в городе называется общественным мнением. Отсюда и деревенская разногласица. Отсюда и главный источник всевозможных слухов и кривотолков»¹⁸.

Кооперативная газета «Заря» призывала к развернутой агитации

¹⁵ Там же. 1918. 2 июня

¹⁶ Заря (Омск). 1918. 26 июня

¹⁷ Народная Сибирь (Новониколаевск). 1918. 15 сентября

¹⁸ Там же.

сибиркой контрреволюции в деревне, ставя в пример большевистскую агитацию и пропаганду. «У большевиков была бездна недостатков — это факт. Но у них были и прекрасные качества, — признавал журналист “Зари”. — Большевики были последовательны, решительны, энергичны, смелы. Тут они дали пример достойный подражания. В критический момент, если бы спасение их дела зависело от осведомленности населения, они не останавливались бы перед тем, чтобы заставить работать на себя печатные станки всех типографий, чтобы пустить в ход моторы всех автомобилей, чтобы заставить служить на нужное время себе и только себе и почту, и телеграф, и железную дорогу и пароходы»¹⁹.

Руководители ряда кооперативных союзов (Закупсбыта, «Обского кооператора», Мариинского кооперативного союза) на частном совещании 1 июня 1918 г. приняли постановление об усилении инструкторской работы в деревне для разъяснения общественно-политической ситуации. Позже, по мере освобождения территории от большевиков, местные кооперативные союзы принимали аналогичные решения. Некоторые даже увеличили штаты инструкторов для большей эффективности Уже 7 июня в «Народной Сибири» на первой полосе пространное письмо в деревню от имени Закупсбыта с призывом поддержать новую власть. «Братья-крестьяне! — обращались от лица всей сибирской кооперации представители Закупсбыта. — Как только кончится сев, берите оружие, привезенное вами в деревню, формируйте отряды и идите в Новониколаевск»²⁰.

Первая развернутая статья об антибольшевистском перевороте была опубликована в журнале «Кооперативное слово» — органе Новониколаевского Центрального кредитного кооперативного союза²¹. Она носила по большей части информационный характер и лишь описывала по дням (с 26 мая по 24 июня) события, связанные со свержением власти большевиков на местах. Первым агитационно-пропагандистским материалом можно смело считать небольшую заметку о перевороте, опубликованную в конце июня в журнале «Сибиряк-крестьянин», издававшемся Барнаульским отделением Союза сибирских маслодельных артелей. В статье наряду с грозными словами в адрес «мучителей и душителей России» большевиков была показана роль кооперации в спасении страны. «С самого начала русской рево-

¹⁹ Заря (Омск). 1918. 26 июня

²⁰ Народная Сибирь (Новониколаевск). 1918. 7 июня

²¹ Падение Советской власти // Кооперативное слово (Новониколаевск). 1918. № 5–6. С. 49–59.

люции кооперация взяла на себя защиту интересов народного хозяйства, — писал неизвестный автор. — Чем безотраднее было положение, тем большую энергию проявляла кооперация, стараясь охранять от окончательного разрушения производительные силы страны. Во время междоусобной борьбы ее голос призывал к внутреннему миру и единению всех в созидательной работе. [...] В период разрушения кооперация была единственной силой, охранявшей нас от окончательного материального и духовного упадка»²². Автор предрекал, что нормальное функционирование экономики будет возможно лишь в том случае, если население будет опираться на кооперацию. Вскоре подобные статьи, в которых отражалась определяющая роль кооперации в перевороте и ее значение в хозяйственной жизни освобожденной Сибири, обильным потоком хлынули на читателей кооперативной прессы.

Крестьянство, впрочем, встречало новости о перевороте достаточно сдержанно. Вот типичная сельская картина, описанная одним из инструкторов «Обского кооператора»: «В молчании сход выслушал мое сообщение о Временном Сибирском правительстве, о его задачах и целях. При характеристике большевистского режима раздавались отдельные возгласы, весьма не лестного свойства по адресу этой партии»²³. А вот, что сообщал в своем докладе инструктор Енисейского губернского кооператива: «Слушали меня не везде одинаково [...]. По вопросу о происходящих событиях крестьяне больше только пожимали плечами и с печалью раскаивались, что послушались большевиков. Были и противоположные мнения, при которых определенно заявляли: “Нам не надо войны, мы не пойдем воевать”. Против автономии Сибири возражения были очень небольшие и не так основательны. Общее отношение к Временному Сибирскому правительству — выжидающее и сдержанное. К областной думе — неопределенное»²⁴. Инструктор Центросибири, спустя почти месяц после начала выступления Чехословацкого корпуса, описывал схожую ситуацию в деревнях Акмолинской области: «Отношение к Временному правительству — выжидательное. Большинство смотрит на него как результат победы одной партии над другой, а отсюда и неопределенное отношение к мобилизации. Крестьяне в массе своей совершенно чужды политики [...]. Деревня в громадном своем большинстве смотрит на Сибирь как

²² Кооперация и политический момент // Сибиряк-крестьянин (Барнаул). 1918. № 15. С. 2.

²³ Народная Сибирь (Новониколаевск). 1918. 6 июня

²⁴ Цит. по: Журов Ю.В. Енисейское крестьянство в годы гражданской войны. Красноярск, 1972. С. 81–82.

на нераздельную часть Русского государства и ни о каком отделении Сибири от России не помышляет. Что касается формы правления в России, то, к сожалению, монархические традиции в крестьянстве еще сильны, почва же для их культивирования достаточно благоприятна»²⁵.

По мнению Н.С. Ларькова, снижение накала революционных страстей в деревне было связано с фактическим прекращением политической деятельности демобилизованных солдат старой армии весной 1918 г. Крестьяне, сложив оружие и рассеявшись по тысячам сел и деревень, в большинстве своем вернулись к традиционной деятельности — земледелию, стали жить общими трудами и заботами деревни, тем более, что наступила пора весенне-летних полевых работ [3, с. 155]. Они выражали единственную надежду, что новая власть все-таки отменит все ограничения для поставки сельскохозяйственной продукции на рынок. «Передавай там, — давали своеобразный наказ кооперативному инструктору крестьяне одной из деревень, — чтобы никакого не было стеснения на счет продажи хлеба или иного продукта. Чтоб в город можно было все везти на продажу, что есть у мужика»²⁶.

Сибирская кооперация довольно плотно взаимодействовала с руководством Западно-Сибирского военного округа. Она живо откликнулась на призыв Западно-Сибирского комиссариата о формировании добровольческой армии. Представители кооперации совместно с другими общественными организациями приняли участие в коалиционном совещании в Томске 7 июня 1918 г. об организации Сибирской армии. В частности, кооператоры заявили о том, что готовы принять активное участие в вербовке добровольцев в армию²⁷. И действительно, примерно с середины июня и до конца июля 1918 г. в разнообразной кооперативной периодике публиковались обращения к крестьянам с призывом вступать в ряды добровольческой Сибирской армии для защиты дела народовластия. Сибирская кооперация оказывала помощь армии не только печатным словом. В июле — августе 1918 г. Закупсбыт, Союз сибирских маслодельных артелей и Синкредсоюз снабжали войска сибирской контрреволюции необходимым продовольствием. Более того, уполномоченный Западно-Сибирского комиссариата Н.В. Фомин в своей телеграмме от 18 июня на имя командующего Западно-Сибирской отдельной армией даже настаивал

²⁵ Заря (Омск). 1918. 2 августа

²⁶ Народная Сибирь (Новониколаевск). 1918. 6 июня

²⁷ Западно-Сибирский комиссариат... С. 79.

на привлечении представителей Закупсбыта к снабжению войск²⁸. Большое содействие Закупсбыт оказал Чехословацкому корпусу. Организация предоставила Национальному совету чехословаков товаров на пять миллионов рублей, выдала бессрчную ссуду на 300 тыс. фунтов стерлингов²⁹. Чехи с большим уважением относились к сибирской кооперации. Позже член правления Закупсбыта Ф.А. Савченко вспоминал, что во время беседы с ним один из чехословацких офицеров удивленно заявлял: «Я себе не представляю, как можно в Сибири обойтись без кооперации вообще и в частности [без] Закупсбыта. [...] И если армия сыта, одета, то этому в значительной степени обязана кооперации, добросовестно работавшей еще задолго до переворота, кормя проходившие на восток эшелоны чеховойска»³⁰. Но были и те, кто отказывался сотрудничать с кооперацией. Например, командующий II Степным Сибирским армейским корпусом полковник П.П. Иванов (Иванов-Ринов) в июне отказался от услуг Закупсбыта в снабжении корпуса, заявив, что продовольствие ему будут поставлять исключительно частные предприниматели [1, с.243].

И все же ключевое внимание руководителей сибирской кооперации летом 1918 г. было сосредоточено на продовольственном вопросе. Они провозглашали кооперацию «единственной организацией, уцелевшей от большевистских опытов», а потому только ей позволялось участвовать в решении этого жизненно важного вопроса. Член правления Закупсбыта В.Г. Шишканов бросал своим оппонентам из торгово-промышленных кругов: «Кооперация — та организация, которая в этот момент сможет сделать все возможное для решения продовольственного вопроса»³¹.

Уже в первые дни после антибольшевистского переворота кооперативные союзы были допущены на склады в Новониколаевске для распределения среди населения бывшего советского имущества. Преимущественно это были промышленные товары, переданные советским центральным руководством Краесовету³² для ведения пря-

²⁸ Там же. С. 115.

²⁹ ГАНУ. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 1 б. Л. 107. По другим данным Закупсбыт в течение июня — августа 1918 г. выделил чехословацким легионерам около 20 млн руб. [Северосоюз. 1919. № 13. С. 9].

³⁰ Народная Сибирь (Новониколаевск). 1918. 24 октября

³¹ Народная Сибирь (Новониколаевск). 1918. 13 июня

³² Краесовет — Краевой продовольственно-экономический совет Западной Сибири и Урала. Был создан летом 1917 г. в Омске для обмена продовольственных запасов Западной Сибири на промышленные товары Урала.

мого товарообмена в Сибири³³. Позже аналогичные постановления вышли в Мариинске, Томске и Омске. Правление Закупсбыта 1 июня разослало своим пайщикам специальный циркуляр следующего содержания: «В настоящий момент, с падением большевистской власти, несомненно, открываются широкие горизонты для нашей деятельности. Как вам известно, в Сибири в настоящее время находятся огромные запасы разного рода товаров. Много товаров в Омске, бывших в распоряжении Краесвета. Нами по этому поводу приняты срочные меры, командированы в Омск люди, чтобы товары Краесвета попали [к] нам для распределения между кооперативными союзами»³⁴. В конце июня — начале июля Общесибирский союз потребительской кооперации получил монопольное право распределять все товары бывшего Краесвета, находящиеся на территории Сибири, на условиях выплаты в пользу Временного Сибирского правительства отступных в размере 5,0 % от суммы всех полученных товаров³⁵.

С аналогичными идеями выступило правление Синкредсоюза. 9 июня 1918 г. оно обратилось к своим пайщикам с циркуляром «Всем союзам», в котором указывало, что перед кооперацией стоят три задачи: спасение Родины, ее возрождение и развитие хозяйства. Для реализации последней задачи руководство Синкредсоюза требовало для себя и для своих пайщиков монополии в распределении сельхозмашин с бывших складов Переселенческого управления и заключения контрактов с государственными органами о поставках хлебопродуктов³⁶. В середине июля министерство продовольствия Временного Сибирского правительства заключило договор, по которому с августа по декабрь 1918 г. у крестьян было закуплено и передано государственным органам 920,0 тыс. пуд. пшеницы и 635,0 тыс. пуд. овса [5, с. 106].

В более тяжелом положении оказалась маслодельная кооперация. Руководство Союза сибирских маслодельных артелей было фактически отрезано в течение двух недель от основных военнополитических событий, развернувшихся в Средней Сибири в конце мая — начале июня 1918 г. Сотрудники Новониколаевской конторы маслодельного союза не принимали никакого участия в деятельности Западно-Сибирского комиссариата и даже не выступили с самостоятельным заявлением о поддержке антибольшевистского переворота.

³³ ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 1423. Лл. 117 — 118.

³⁴ ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 247. Л. 119.

³⁵ ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 1 б. Л.149.

³⁶ Заря (Омск). 1918. 26 июня

Разгневанный директор маслоделов А.А. Балакшин на частном совещании уполномоченных союза в Кургане распорядился уволить главу Новониколаевской конторы П.Ф. Сергеева, а также часть инструкторов и главного бухгалтера за бездеятельность и неучастие в контрреволюционном перевороте³⁷. Но самое главное — маслодельная кооперация находилась в тяжелом экономическом положении. Введенные еще в 1915 г. царским правительством твердые цены и установление государственной монополии на масло стали тяжким грузом для Союза сибирских маслодельных артелей. Осуществление государственной монополии на масло было передано в руки маслодельного союза на комиссионных началах, и доля последнего в общесибирской маслозакупке уже в 1916 г. составляла 92,6 % [5, с. 160]. Однако твердые цены на масло сделали отрасль нерентабельной. Поэтому уже с 1916 г. в Сибири наблюдался процесс сокращения производства товарного масла. После февраля 1917 г. сначала Временное правительство, а затем и советское руководство сохранили государственную монополию и твердые цены на этот продукт. После антибольшевистского переворота руководство Союза сибирских маслодельных артелей выражало надежду на введении индексированных твердых цен и отмену государственной монополии на масло.

В этих надеждах руководство маслоделов нашло поддержку со стороны Закупсбыта — второго по масштабам деятельности поставщика масла в Сибири. На имя Западно-Сибирского комиссариата была отправлена телеграмма, в которой кооператоры призывали открыть для масла свободный рынок: «Несправедливым отношением стимул для производства масла убит, население потеряло терпение, волнуется, поступают заявления о закрытии заводов. Дабы сохранить долги усилиями и огромными затратами вызванное к жизни сибирское маслоделие, необходимо восстановить среди населения побуждающие к маслоделию стимулы: 1) установить возмещающие себестоимость монопольные цены; 2) установить удовлетворяющий население товарообмен; 3) производить своевременную оплату масла; 4) излишки масла для внутреннего потребления, предположительно 50 % производства, предоставить центральным маслодельным союзам к экспорту за границу для обмена на необходимые маслодельному населению предметы первой необходимости. В противном случае Сибирь свое маслоделие, выпускавшее пять миллионов пудов масла, при[ве]дет в упадок»³⁸.

³⁷ Народная Сибирь (Новониколаевск). 1918. 9 июня

³⁸ Народная Сибирь (Новониколаевск). 1918. 5 июня

Однако Временное Сибирское правительство 6 июля в своем постановлении подтвердило сохранение государственной монополии и принудительные заготовки по твердым ценам³⁹. Общее регулирование заготовки, отпуска и перевозки масла было возложено на масляной отдел министерства продовольствия. При заведующим отделом был создан масляной комитет, в состав которого вошли два представителя от кооперации. Проведя анализ соотношения цен на продовольственные и промышленные товары, члены комитета пришли к выводу, что рентабельная заготовительная цена должна составлять 193 — 215 руб. за пуд. Однако цены на приемку масла министерство продовольствия оставило на прежнем низком уровне, так как, по мнению руководства министерства, существовала реальная опасность не расплатиться за уже сданное масло.

Представители кооперации 15 июня 1918 г., т. е. на следующий же день после назначения Н.С. Зефирова заведующим отделом продовольствия Западно-Сибирского комиссариата, провели с ним частное совещание, в ходе которого обсудили самые разнообразные вопросы, связанные с продовольствием. Наиболее оживленные споры на частном совещании вызвал вопрос о государственной монополии и твердых ценах на хлеб. С докладом по данному вопросу выступил руководитель агрономического отдела Закупсбыта Г.П. Сибирцев. Он утверждал, что существуют две точки зрения: большинство представителей маслодельной и кредитной кооперации выступали за свободную торговлю хлебом и полную отмену монополии; представители потребительской кооперации настаивали на сохранении государственной монополии и твердых цен, которые должны были корректироваться в зависимости от курса рубля. По мнению самого Г.П. Сибирцева, «обладание хлебом дает в руки правительства такие преимущества, от которых отказаться было бы нецелесообразно»⁴⁰. В ответ председатель правления Щадринского кредитного кооперативного союза П.А. Зырянов настаивал, чтобы правительство ограничилось только введением предельных цен на хлеб, которые регулировались бы периодически созываемым общественным бюро⁴¹. Любые же государственные монополии, по мнению П.А. Зырянова, являлись пережитком большевизма.

Страстные споры на совещании вызвал вопрос о методах веде-

³⁹ Временное Сибирское правительство (26 мая — 3 ноября 1918 г.). Сборник документов и материалов. Составитель и ответ. редактор В.И. Шишкин. Новосибирск: Издательский дом «Сова», 2007. С. 146.

⁴⁰ Заря (Омск). 1918. 22 июня

⁴¹ Там же.

ния хлебозаготовок. Представители кредитной и маслодельной кооперации предложили допустить к участию в хлебозаготовках не только кооперативные союзы, городские и земские органы самоуправления, но торгово-промышленные организации в лице биржевых комитетов. Закупочные цены устанавливались бы периодически созываемым специальным бюро при министерстве продовольствия. В проекте резолюции оговаривалось, что «правительство, объявляя предельную цену на хлеб, может реквизировать его для нужд государства»⁴². Представители потребительской кооперации решительно выступили за ограничение любой частной инициативы в области заготовки хлеба. По их мнению, почти все без исключения государственные хлебозаготовки должны были вестись только кооперативными союзами и земскими органами⁴³. В итоге было принято следующее решение: закон о монополии на хлеб, утвержденный еще Временным правительством в марте 1917 г., отменяется, как и любые твердые цены. За Временным Сибирским правительством сохранялось право регулирования и контроля над распределением хлебозаготовок. Кроме того, по каждому району правительство должно было публиковать предельные цены, по которым хлеб мог отчуждаться у производителей для потребностей казны⁴⁴. Позднее резолюция частного совещания легла в основу закона «О регулировании хлебной торговли», изданного Временным Сибирским правительством 6 июля 1918 года⁴⁵.

Наряду с продовольственным вопросом на частном совещании обсуждался чисто политический вопрос: об отношении кооперации к Советам крестьянских депутатов. Члены совещания почти единогласно заявили, что Советы из организации по защите крестьянского населения из-за отсутствия опыта в открытой политической борьбе всецело подпали под влияние Советов рабочих и солдатских депутатов, т. е. фактически большевизировались. Поэтому кооперации было рекомендовано воздержаться «от всякого участия и поддержки по созыву крестьянских съездов и организации Советов крестьянских депутатов»⁴⁶.

После частного совещания руководители кооперативных союзов более решительно выступали против любого сотрудничества с Советами. Так, правление Центросибири, которое возглавлял известный в Сибири правый эсер В.В. Куликов, отказало в финансировании кре-

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Народная Сибирь (Новониколаевск). 1918. 25 июн.

⁴⁵ Временное Сибирское правительство... С. 141–144.

⁴⁶ Народное дело (Красноярск). 1918. № 28–29. С. 47.

стьянского съезда для организации Совета крестьянских депутатов в Омске со следующей формулировкой: «В настоящее время при повсеместном восстановлении демократических органов земского и городского самоуправления, которые отныне должны выражать волю всего населения, восстановление и параллельное существование Советов вообще и крестьянских в частности, с их неизбежно случайным составом вследствие несовершенства конструкции выборов и неопределенности задач, является совершенно излишним и чревато теми же пагубными последствиями, которые имели место до переворота»⁴⁷.

15 июня 1918 г. частное совещание постановило создать специальный орган при Западно-Сибирском комиссариате, который бы состоял из представителей общественности и отвечал за согласование правительственных решений по продовольственному вопросу. Кооператоры долго и подробно обсуждали вопрос о том, каким должен быть новый орган, какими правами и обязанностями он должен обладать. Но дискуссия неожиданно прервал Н.С. Зефилов, который заявил, что уже подписал проект организации бюро. И уже на следующий день после частного совещания на заседании Западно-Сибирского комиссариата был утвержден проект продовольственного бюро Западной Сибири и Степного края. В его состав вошли по два представителя от потребительской, маслодельной, кредитной кооперации и Московского народного банка, шесть представителей от биржевых организаций, два представителя от городов, по одному представителю от каждого губернского или областного земства, по одному представителю от военного и финансового ведомств и государственного контроля. Бюро предоставляло экспертную оценку любым продовольственным мероприятиям, инициированным государственными органами⁴⁸.

Продовольственное бюро провело две сессии и утвердило четыре обращения к органам государственной власти (два — к Западно-Сибирскому комиссариату и два — к Совету министров Временного Сибирского правительства), в которых призвало увеличить доступ населения к текущей информации, созвать Учредительное собрание и создать боеспособную добровольческую армию. Члены бюро составили проект реконструкции Сибирской областной думы, по которому из 189 мест для кооперации предполагалось отвести 42 позиции⁴⁹.

На первой сессии продовольственного бюро 27 июня председа-

⁴⁷ Заря (Омск). 1918. 2 июля

⁴⁸ Западно-Сибирский комиссариат... С. 112.

⁴⁹ ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 1 б. Л. 78.

тельствовал сам Н.С. Зефиров, который выступил с обширным докладом о хлебном вопросе. Он заявили, что отмена хлебной монополии благотворно повлияла на рынок. Вместе с тем, государство оставило за собой право неусыпно следить за ходом хлебозаготовок и последующим распределением хлеба. Последнее планировалось осуществлять посредством заранее заключенных договоров между производителями и потребляющими губерниями⁵⁰. Таким образом, переход к свободной торговле Н.С. Зефиров предлагал проводить постепенно, что частично согласовывалось с идеями потребительской кооперации. Чуть позже в ходе интервью газете «Заря» он отметил, что «было бы ошибочно и рискованно впасть в крайность и отказаться от всяких регулировок»⁵¹. Но проявляя решительность и жесткость в отношении хлеба, о маслозаготовках, как отмечал корреспондент газеты, «заведующий выражался туманно; из его слов можно заключить, что положение безвыходное, правительство может принять на себя только хранение»⁵². В том же интервью Н.С. Зефиров был вынужден признать, что правительство будет просто не в состоянии оплатить летнюю выработку масла⁵³. По поводу распределения товаров среди населения он заявил, что оно будет вестись в основном через кооперативные структуры, хотя возможность привлечения частного капитала им не исключалась⁵⁴.

После майского переворота среди сибирских кооператоров возникло общее чувство единения. Некоторые из них в очередной раз высказывали мысль о необходимости объединить все виды кооперации в Сибири в единый кооперативный союз⁵⁵. Однако споры на частном совещании в середине июня 1918 г., были, пожалуй, наиболее ярким свидетельством отсутствия единства в рядах сибирской кооперации. Не было понимания того, какую ветвь власти необходимо поддерживать больше: законодательную или исполнительную, Временное Сибирское правительство или Сибирскую областную думу. Низовые кооперативы традиционно выражали обоюдную поддержку и правительству и думе, заявляя, что власть в конечном итоге должна перейти к законно избранному Учредительному собранию. Но среди руководства кооперативных союзов такого единения не наблюдалось.

⁵⁰ Заря (Омск). 1918. 29 июня

⁵¹ Там же. 3 июля

⁵² Там же. 29 июня

⁵³ Там же. 4 июля

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Заря (Омск). 1918. 2 августа; Звено (Мариинск). 1918. 20 сентября; Народная Сибирь (Новониколаевск). 1918. 3 октября

Представители маслодельной и кредитной кооперации поддерживали правительство, тогда как Сибирскую областную думу они считали незаконно избранной и не считающейся с мнением крестьянского населения. Руководство Закупсбыта поддерживало оба эти органа, считая, что в данный момент необходимо сконцентрировать все усилия лагеря контрреволюции на борьбе с большевиками.

Безусловно, кооператоры наиболее тесно сотрудничали с Западно-Сибирским комиссариатом, а затем с Советом министров Временного Сибирского правительства. Например, Закупсбыт бесплатно поставил контрреволюционным режимам только товаров на сумму 10,2 млн руб. (в том числе министерству продовольствия — на 2,3 млн руб., министерству снабжения — на 7,5 млн руб.) и выдал 896 тыс. руб. наличными (в том числе 400 тыс. руб. — министерству продовольствия и 116 тыс. руб. — министерству снабжения). Кроме того, Ново-николаевскому уездному комиссару Временного Сибирского правительства он предоставил товаров на сумму 1,2 млн руб. и 814 тыс. руб. наличными⁵⁶. Член правления Закупсбыта В.Г. Шишканов заявлял по этому поводу без ложной скромности: «Мы, кооператоры, приняли самое активное участие в формировании Временного [Сибирского] правительства и поддерживаем его и морально, и всячески. Мы знаем, кто — мы, и знаем — кто они, и нечего закрывать глаза — мы с ними»⁵⁷.

Некоторые кооператоры работали и с другими правительственными образованиями. Например, председатель ревизионной комиссии Закупсбыта А.М. Окороков и член правления Алтайского Центрального кредитного союза М.О. Курский вошли в состав Делового кабинета, образованного 9 июля 1918 г. на станции Гродеково самопровозглашенным Временным правителем России генералом Д.Л. Хорватом. До этого А.М. Окороков и М.О. Курский довольно активно сотрудничали с Дальневосточным комитетом защиты родины и Учредительного собрания, появившемся в Харбине в начале 1918 г. Дальневосточный комитет и Деловой кабинет генерала Д.Л. Хорвата стояли на правых политических позициях. Политическая программа этих организаций по существу совпадала с программой генерала Л.Г. Корнилова. Свою позицию А.М. Окороков аргументировал позже в телеграмме, высланной на имя правления Закупсбыта: «Ставя интересы родины выше партийных стремлений, мы отказались в даль-

⁵⁶ Известия и труды Союза сибирских кооперативных союзов (Закупсбыт). 1919. № 15. С 10.

⁵⁷ ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 333. Л. 27.

нейшем поддерживать правительство Дербера, решили войти в состав правительства Хорвата, составленного [из] политических общественных деятелей чисто делового характера [с] участием социалистов, стоящих на государственной точке зрения»⁵⁸.

Руководство Закупсбыта было удивлено поведением М.О. Курского и А.М. Огорокова. Проходившее в это время общее собрание уполномоченных Закупсбыта обсудило вопрос об их вступлении в Деловой кабинет Д.Л. Хорвата и приняло по этому поводу специальную резолюцию. Оно констатировало, что для вступления в Деловой кабинет М.О. Курский и А.М. Огороков не имели соответствующих полномочий от Закупсбыта, а их действия квалифицировало как личные безответственные поступки [6, с. 71]. В августе 1918 г. правление Закупсбыта осудило участие М.О. Курского и А.М. Огорокова в работе Делового кабинета генерала Д.Л. Хорвата. На этом особенно настаивал Н.В. Фомин. Он предложил «категорически отмежеваться от указанных лиц и заявить, что сибирская кооперация, принявшая самое деятельное участие в создании Сибирской областной думы, считает избранное участие в создании Сибирского областного правительства в Сибири, какому правительству обещает всяческую поддержку в его борьбе за утверждение всей полноты власти в Сибири впредь до созыва Учредительного собрания»⁵⁹.

Крайне критичное отношение кооператоров было к деятельности Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Комучу). Так, бывший член правления Центросибири, а затем уполномоченный Временного Сибирского правительства в Самаре Е.Е. Яшнов высказал следующую точку зрения, довольно распространенную среди кооператоров: «Комитет, в сущности, не имел опоры. Конечно, он мог бы эту опору мало-помалу приобрести путем целесообразной политики. К сожалению, и в этом отношении деятельность комитета оказалось крайне неудачной. Вместо того, чтобы привлечь к руководству опытных специалистов, все ведомства были распределены между своими людьми, благодаря чему большая часть их оказалась в руках невежд»⁶⁰.

Постепенно, однако, споры среди кооператоров стал вызывать сам факт их участия в политической жизни. Часть из них считала, что кооперация должна ограничиться только хозяйственной деятельностью, а в политике занимать нейтралитет. Выразителем подобных

⁵⁸ Там же. Л. 25.

⁵⁹ ГАНУ. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 333. Л. 25.

⁶⁰ Заря (Омск). 1918. 9 октября

мнений стал кандидат в члены правления и заведующий неторговым отделом Закупсбыта И.А. Ловцов. В начале августа 1918 г. он выступил на заседании правления общесибирского союза с обширным докладом, позже опубликованным, о политической деятельности кооперации, в котором заявил, что кооперация должна находиться на позициях аполитизма⁶¹. Сибирская кооперация не должна давать никаких гарантий Временному Сибирскому правительству, так как «в силу неустойчивости политического положения в Сибири и в России вообще, но и в силу того, что сам состав Временного Сибирского правительства может быть изменчив, а, следовательно, может быть изменчива его политика до такой степени, когда кооперация не будет согласна с политикой правительства»⁶².

Но большинство кооператоров, вплоть до колчаковского переворота, выступало сторонниками активного участия в политике. Наиболее последовательно эту идею отстаивал Н.В. Фомин. В своей статье, ставшей в некотором смысле программной, он согласился, что совершенный контрреволюционный переворот заключался в отказе от социалистического строя и возвращения к буржуазным ценностям. По этому поводу он писал с долей разочарования: «Переворот заставил насторожиться многих кооперативных деятелей. Совдепы, конечно, ничего путного кооперации не сулили, однако купца при Совдепах не было. А теперь появился купец... Чувство тревоги за родную кооперацию невольно вселяется в грудь её работников»⁶³. Н.В. Фомин признал естественным наличие буржуазно-капиталистического строя для успешного развития кооперации. При этом он считал, что она должна стать противовесом буржуазии и требовать от власти демократических реформ, направленных к национальному возрождению государства, основанного на «значительной самодеятельности населения»⁶⁴. Он призывал активно вовлекать кооперацию в политическую жизнь, так как только она представляет «значительную организацию демократии, и в момент, когда на место ушедшему большевизму слева уже пришел не менее отвратительный и столь же безгосударственный большевизм справа и снова угрожает интересам страны, государства и прогресса, в этот момент кооперация именем демократии должна заявить, чего она хочет и чего требует от власти: кооперация должна

⁶¹ ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 333. Л. 10.

⁶² Там же. Л. 26.

⁶³ *Фомин Н.В.* Кооперация и переворот в Сибири // Сибирская кооперация. 1918. № 6–8. С. 1.

⁶⁴ Там же. С. 9.

выставить знамя своей кооперативной политики»⁶⁵.

Предстоящий, третий по счету, всесибирский кооперативный съезд должен был устранить все недоразумения и привести к взаимному согласию по ключевым экономическим и общественно-политическим вопросам. В его повестку дня были включены вопросы об отношении кооперации к политике, экономические и финансовые перспективы кооперации, а также о создании Всековета, который должен был «сгладить шероховатости и разлад, отмечающийся в работе на местах разного вида кооперативов». Первоначально съезд планировали провести 5 августа. Но 10 августа руководство Исполкомбюро разослало телеграмму с сообщением о том, что съезд переносится на 29 августа и пройдет в Омске, а не в Новониколаевске. Изменения времени и места были не случайны. Правления Закупсбыта и Синкредсоюза попросили о переносе съезда, так как 25 — 27 августа у этих кооперативных союзов должны были состояться собрания уполномоченных. С просьбой о переносе съезда в Омск к А.В. Сазонову обратился лично министр юстиции Г.Б. Патушинский.

С 20 по 25 августа проходили заседания собрания уполномоченных Закупсбыта, на котором политический вопрос занял центральное место. Инструктор Центросибири Н.Д. Колобов позднее вспоминал, что это был не съезд кооператоров, а съезд политических деятелей [1, с. 239]. После продолжительных споров члены Закупсбыта приняли осторожную резолюцию: «Сибирская кооперация, принявшая самое активное участие в создании Сибирской областной думы, считает избранное думой правительство единственной законной властью Сибири, каковому правительству обещает всяческую поддержку в его борьбе, в согласии с Сибирской областной думой, за утверждение всей полноты власти в Сибири впредь до созыва Учредительного собрания»⁶⁶. Таким образом, Закупсбыт выступал за поддержку и правительства и думы.

В то же время на состоявшемся спустя сутки, но уже в Омске съезде кредитной кооперации было предложено решительно отмежеваться от думы. Члены Сибирской областной думы от кооперации И.П. Бедро и А.Г. Соболева выступили на съезде с докладами, в которых сообщили, что в думе представлен антикрестьянский состав, сильно влияние рабочих. Рядовые участники съезда, преимущественно крестьяне, также говорили о том, что дума не имеет связей с крестьянством. Так, представитель Иркутского кредитного кооператив-

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 333. Л. 48.

ного союза рассказал, что крестьяне губернии совершенно не осведомлены о деятельности думы, не принимали участия в ее выборах, а потому они ее не признают⁶⁷. Делегаты кредитного съезда высказали пожелание о том, чтобы правительство было независимо от любых политических партий и общественных организаций, так как последние недостаточно защищают интересы крестьянства и кооперации⁶⁸. Вместе с тем большинство делегатов проголосовало за резолюцию о безоговорочной поддержке Временного Сибирского правительства.

29 августа в Омске открылся третий всесибирский кооперативный съезд, ставший ключевым событием в жизни сибирской кооперации после контрреволюционного переворота. В нем приняли участие 304 делегата от 87 кооперативных союзов. В числе были 115 участников от потребительской кооперации, 113 — от кредитной и 76 — от маслодельной. Корреспондент газеты «Заря» писал: «Начавшийся кооперативный съезд работает с исключительным подъемом. Этот подъем не тот, которым обычно характеризуется наша общественная работа, но это подъем нервов и фраз. Съехавшиеся в большинстве своем кооперативные работники принесли с собой огромный деловой опыт, подлинное знание жизни и выработанную долгой работой над хозяйственной организацией народной жизни привычку деловито мыслить. [...] Наиболее важным вопросом, занимающим внимание съезда, представляется вопрос о превращении “триединой кооперации в единую”, об объединении всех типов кооперативного дела, которые до сих пор шли самостоятельными дорогами»⁶⁹. А вот какое мнение высказал рядовой участник съезда, крестьянин, представлявший интересы Мариинского кредитного кооперативного союза: «Что там на съезде выкрикивали про какую-то стену, разделяющую нас, кредитников, от потребителей? Про какую-то противоположность интересов? Один у нас интерес — все мы крестьяне! Дешевле я продам, дешевле я куплю. Вот и у нас в деревне — кредитное товарищество и потребиловка живут душа в душу. Да и понятно — и там и тут те же люди. Вот кабы и на верхах тоже»⁷⁰. Итак, большинство выражало надежду на объединение или единство сибирской кооперации.

В качестве почетных гостей на съезде присутствовали министр юстиции Г.Б. Патушинский, управляющий министерством земледелия

⁶⁷ Заря (Омск). 1918. 28 августа

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Заря (Омск). 1918. 31 августа

⁷⁰ Звено (Мариинск). 1918. 20 октября

Н.И. Петров, управляющий министерством продовольствия Н.С. Зефиров, управляющий министерством народного просвещения В.В. Сапожников и товарищ министра финансов Н.Д. Буяновский. Открыл съезд А.В. Сазонов следующими словами: «Братья кооператоры! Учитывая тяжелые условия, в которых кооперации приходится бороться, настоящий съезд своей работой должен показать, что кооперация, хотя она и трехлика по своим формам, но по духу она должна быть единой и в важнейших вопросах, если не во всех»⁷¹.

С приветственным словом к делегатам съезда обратился от имени Временного Сибирского правительства Г.Б. Патушинский. Его появление на трибуне сопровождалось бурными аплодисментами, а выступление было самым ярким и эмоциональным за все время работы съезда. Г.Б. Патушинский сказал: «Может быть то, что я скажу, прозвучит в моих устах, официального представителя правительства, некоторой неприличествующей моему положению сентиментальностью, но я не могу забыть моей последней встречи, моего присутствия на предыдущем съезде в январе нынешнего года в Новониколаевске. Тогда положение было другое; я явился туда также от имени правительства, но какого правительства! Правительство, которое называли «правительством», не иначе как в кавычках, над которым издевались, которое травили справа и слева, правительства, над которым висел дамоклов меч разгона и тюремного заключения. И вот тогда-то я встретил в вашем лице, в лице кооперативного съезда, такое сочувствие, такую моральную поддержку, забыть о которых я не могу. [...] Не в моменты торжества и победы, а в черные дни горя и страдания познается дружба. Позвольте же мне заявить, что между Сибирским правительством и сибирской кооперацией существуют и будут существовать всегда неразрывные узы взаимного понимания и общности взглядов и, я все же употреблю это интимное выражение, — дружбы»⁷². В ответ на эти слова Г.Б. Патушинского зал буквально взорвался аплодисментами, многие делегаты выкрикивали: «Да здравствует доблестная Сибирская армия! Да здравствуют доблестные чехословаки! Да здравствует Сибирское правительство!»⁷³.

2 сентября на съезде, под завершение, перед кооператорами выступил управляющий военным министерством Временного Сибирского правительства и командующий Сибирской армией генерал-майор А.Н. Гришин-Алмазов. Его выступление состоялось накануне отъезда

⁷¹ ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 321. Л. 20.

⁷² ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 321. Л.20 об.

⁷³ Там же.

в Уфу на Государственное совещание. Генерал был встречен делегатами бурными аплодисментами, но в отличие от Г.Б. Патушинского, который официально приветствовал съезд от имени правительства, А.Н. Гришин-Алмазов коротко повторил свою мысль о необходимости создания крепкой и сильной армии. «Я с удовлетворением могу засвидетельствовать перед вами, что этот набор (мобилизация в действующую армию. — *Н.П.*) идет великолепно, он дает таких людей, которые дают полное основание думать, что это — основа будущей сибирской и российской армии, будет основой, на которую будет опираться вся Великая Россия, — говорил А.Н. Гришин-Алмазов. — Для этого достаточно посмотреть на ту готовность, с которой эти люди идут в ряды войск, достаточно посмотреть на те старания, с которыми они усваивают начала нашей мудрой военной науки, достаточно посмотреть в их светлые, открытые лица, чтобы почувствовать, что Великая Россия возрождается, и это возрождение будет возрождением нашей армии»⁷⁴.

Далее А.Н. Гришин-Алмазов коснулся вопроса о создании всероссийской власти: «Через несколько дней делегаты Временного Сибирского правительства, в число которых имею честь входить и я, — и это чрезвычайно показательно как доверие [к] армии, отправятся в Уфу, где будет проходить Государственное совещание и где должна быть [с]конструирована общегосударственная твердая власть. [...] Эта мысль о твёрдой власти, о такой власти, которая шла бы к намеченной цели твёрдой дорогой, власти, которая бы имела единую твёрдую волю, эта мысль совершенно одинакова как у Сибирской армии, так и у Сибирского правительства, и это дает залог того, что на этом Государственном совещании мы эту твёрдую власть создадим»⁷⁵.

Делегаты съезда единогласно постановили отправить приветственные телеграммы Временному Сибирскому правительству, командующему Сибирской армией, руководству Национального Чехословацкого совета и американскому посланнику Гаррисону. В частности, в телеграмме, адресованной правительству, отмечалось: «Кооперация верит, что ныне, когда необходимо сплочение и единение народных сил для достижения общих всему народу задач, народ сумеет стать выше групповых и классовых интересов и дать твердую опору правительству для скорейшего возрождения единства, мощи и силы России»⁷⁶.

⁷⁴ Там же. Л.26 об.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же. Л. 23.

На съезде были заслушаны доклады о принципах кооперативного строительства, об учреждении Всекосовета, о промышленных перспективах кооперации, организации общеккооперативного страхования. Как не парадоксально, но вопрос о политической деятельности был снят. Председатель третьего всесибирского кооперативного съезда А.В. Сазонов отметил, что вопрос о политике не может присутствовать в повестке, так как кооперация находится в полном единении с властью по всем вопросам. Тем самым сибирские кооператоры еще раз подчеркнули свое полное согласие с деятельностью правительства. На вопрос рядовых участников съезда о том, какими директивами им руководствоваться в Сибирской областной думе, съезд рекомендовал основываться на уже принятых резолюциях, т. е. фактически ушел от ответа⁷⁷.

Пожалуй, единственным политизированным вопросом на съезде было отношение к экономической политике правительства. Представители потребительской кооперации были вынуждены признать правильным упразднение хлебной монополии. Но взамен ее они предлагали предоставить вести заготовку хлеба только кооперативам, общественным организациям и биржевым обществам. Представители маслодельной и кредитной кооперации предлагали полностью упразднить монополию государства на все продукты сибирского сельского хозяйства. «Государственное вмешательство в сферу товарообмена должно ограничиться принятием мер к обеспечению армии всем необходимым и [к] ограждению интересов потребляющих районов от возможной спекуляции», — заявил в своем выступлении А.Г. Соболев⁷⁸. Представители потребительской кооперации настаивали на том, что государственная власть должна иметь полные прерогативы при вмешательстве в область торгово-производственных отношений. С ними согласился и выступивший в прениях Н.С. Зефирин. Но в ходе голосования незначительным перевесом голосов (107 против 96) была принята резолюция маслодельной и кредитной кооперации об «упразднении монополий, твердых и предельных цен и отмене запретов свободного перемещения сельскохозяйственных продуктов в пределах автономной Сибири»⁷⁹.

С повестки дня съезда был снят также вопрос об объединении кооперативных союзов в единый общесибирский союз союзов. Организационного единения, о котором так мечтали рядовые кооператоры

⁷⁷ Заря (Омск). 1918. 6 сентября

⁷⁸ ГАНУ. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 321. Л. 24 об.

⁷⁹ Там же. Л. 25–25 об.

ры, не состоялось. Но именно в таких условиях делегаты съезда утвердили устав Всекосовета, т. е. фактически создали принципиально новую кооперативную структуру. Многие кооператоры надеялись, что Всекосовет сможет сгладить непримиримые противоречия в сибирской кооперации. Правда, изрядную долю скептицизма относительно роли Всекосовета выразил Н.В. Фомин. Он считал, что новый орган лишь еще больше бюрократизирует взаимоотношения внутри сибирской кооперации. «Мы прошли все ступени кооперативного движения и достигли таких ступеней, которых даже не знала Европа (я имею в виду Совет кооперативных съездов), — говорил Н.В. Фомин, — но когда мы посмотрим на громадную, поднимающуюся вверх лестницу кооперативного строительства, то каждый из нас скажет, как слаба связь между отдельными ступенями этой лестницы, как мало проникает в кооперативное сознание не только отдельных работников, но и целых организаций та мысль, что они являются членами целого»⁸⁰.

На съезде состоялось избрание членов Всекосовета. В первый состав Всекосовета были избраны А.В. Сазонов (председатель), Е.Я. Бабур, А.А. Балакшин, Г.Н. Берсенев, Ф.Э. Бутенко, А.Ф. Выставных, А.С. Гиганов, Т.В. Говердовский, А.Д. Дианов, А.С. Емельянов, А.И. Золоторев, С.М. Кочергин, М.В. Лебедев, И.А. Ловцов, Н.В. Некрасов, Н.Я. Новомбергский, С.Е. Пузырев, К.Н. Пружковский, Ф.А. Савченко, П.Ф. Сергеев, Г.П. Сибирцев, Н.Н. Суслов, А.Г. Станкеев, А.А. Трутнев, Н.В. Фомин, И.К. Черкозьян, Г.Н. Шур и С.В. Шустов. Всего 26 человек, в том числе от Закупсбыта — девять человек, Союза сибирских маслодельных артелей — пять, Московского народного банка — четыре, от кредитных союзов — два и восемь человек от различных общественных организаций.

Всекосовет должен был собираться в промежутках между кооперативными съездами. Членами его могли быть только зарегистрированные кооперативные союзы всех степеней, имевшие не менее 10 тыс. рядовых пайщиков и не входящие ни в одно из местных союзных объединений, или кооперативы, распространявшие свою деятельность на территорию не менее губернии. Каждый член должен был ежегодно вносить в кассу Совета 0,1 % с оборота товаров или 5 % с прибыли.

Необходимо отметить, что третий Всесибирский кооперативный съезд, несмотря на нервную атмосферу, создавшуюся на нем в результате возникших разногласий по вопросу об экономической политике

⁸⁰ ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 348 а. Л. 29.

правительства, в практическом отношении сделал гораздо больше двух предыдущих съездов. Был создан принципиально новый кооперативный орган — Всекосовет, в обязанности которого входило представлять интересы кооперативных учреждений перед правительственными и общественными учреждениями, содействовать объединению культурно-просветительной и инструкторско-ревизионной деятельности сибирской кооперации.

Создание подобной структуры должно было придать новый импульс работе всей сибирской кооперации. Однако большинство кооператоров было разочаровано итогами третьего съезда. Журналист «Народной Сибири» писал: «Сфинкс разгадан. Та сила, которую представляли как нечто большое, огромное, могучее — разъяснена. После блестящей розни на III всесибирском съезде все стало ясно. У нас нет ничего, на что можно было бы опереться. Многие из кооперативных деятелей не напрасно тревожились»⁸¹.

Все большие противоречия вызывало отношение к современной политической обстановке. Так, наибольшие споры возникли при оценке событий, происходивших в лагере восточной контрреволюции осенью 1918 г. Конфликт в сибирской кооперации произошел на первой сессии Всекосовета, состоявшейся 1–5 октября 1918 г. Кооператоры обсуждали правительственный кризис, разразившийся в Омске в начале 20-х чисел сентября 1918 г. и связанный с противостоянием Административного совета Временного Сибирского правительства и Сибирской областной думы, олицетворявших исполнительную и представительную ветви власти. На первой сессии Всекосовета были рассмотрены два проекта резолюции. Первая резолюция, предложенная И.А. Ловцовым и С.Е. Пузырёвым, предлагала прекратить вражду между Сибирской областной думой и Временного Сибирского правительства. Дума должна была сохраниться в прежнем составе, но ограничена законодательно лишь подготовкой Всесибирского Учредительного собрания.

Во второй резолюции, предложенной А.В. Сазоновым, признавалось, что примирение между Сибирской областной думой и правительством невозможно, и предлагалось Временному Всероссийскому правительству (Директории), созданному на Уфимском государственном совещании, распустить думу. Директория должна была реорганизовать трёх «оставшихся полномочных министров (гг. Вологодского, Михайлова и Серебренникова) в Административный совет, облакая его всей полнотой прав, принадлежащих Совету министров в преде-

⁸¹ Народная Сибирь (Новониколаевск). 1918. 3 сентября

лах компетенции автономной сибирской власти»⁸².

Единственным, кто выступил против принятия такой резолюции, был Н.В. Фомин. В своем заявлении Н.В. Фомин утверждал, что «резолюция Совета по своему существу оправдывает и узаконяет лозунги, сплотившие вокруг себя реакционно-реставрационные силы, и в этом смысле укрепляет торжествующую в Сибири реакцию»⁸³. Он заявил, что оставит за собой право на несогласие с принятой резолюцией. Будучи членом правления Закупсбыта, Н.В. Фомин распространил своё мнение по всем кооперативным союзам в виде специального циркуляра.

Заявление Н.В. Фомина о несогласии с резолюцией Всековета произвело в кооперативной среде эффект взорвавшейся бомбы. Союз сибирских маслодельных артелей и большинство кредитных союзов выступили против заявления Н.В. Фомина. Разные мнения были озвучены руководителями кооперативных потребительских союзов. Правление Центросибири выразило полную поддержку Всековету, заявив, что «кооперация должна поддерживать власть, осуществляющую национальную задачу, власть, ведущую Россию к порядку, к спокойствию, к свободе»⁸⁴.

Но абсолютное большинство пайщиков поддержало протест Н.В. Фомина против резолюции Всековета. Часть руководителей кооперативных союзов заявила о том, что необходимо принять резолюцию, в которой бы осуждалась деятельность Административного совета и лично министра финансов И.А. Михайлова. Большинство заявило, что кооперация не должна участвовать в политической жизни, а обязана сохранить принцип нейтралитета и аполитизма. В связи с этим многие пайщики потребовали от правления Закупсбыта прекратить финансирование газеты «Заря» как «органа, не отражающего взглядов кооперации и компрометирующего сибирскую кооперацию в глазах трудовых масс»⁸⁵.

Правление Закупсбыта поддержало сторонников аполитизма. На совещании правления 26 — 27 октября 1918 г. была принята следующая резолюция: «Правление считает своевременным констатировать, что в своих взаимоотношениях с государственной властью Закупсбыт не может выступать в качестве организации политического характера

⁸² ГАОО. Ф. 2105. Оп. 1. Д. 3. Л. 23.

⁸³ Закупсбыт: хронико-документальная летопись первого общесибирского потребительского союза (1916 – 1923). / Отв. ред. и сост. А.А. Николаев. Новосибирск, 1999. С 141.

⁸⁴ ГАНУ. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 315. Л. 10.

⁸⁵ Там же. Л. 13 об.

и по чисто политическим вопросам»⁸⁶. Главным идеологом кооперативного аполитизма в Сибири стал И.А. Ловцов. По его мнению, взаимоотношения с правительством кооперация должна была выстраивать на началах дружественного или враждебного нейтралитета.

Дружественный нейтралитет возможен только тогда, когда государство проводит в жизнь экономическую политику, согласующуюся с тактикой и принципами кооперации. Враждебный нейтралитет допускался в том случае, когда экономическая политика и общественно-политическое устройство государства противоречили установкам кооперации. И.А. Ловцов предлагал вступить кооперации на путь «реального аполитизма». Под последним он понимал прямое участие кооперации в выборах в органы законодательной власти, но отказ от финансирования государственных органов, политических организаций и изданий⁸⁷.

Однако, несмотря на декларировавшийся нейтралитет, кооперация еще с конца лета 1918 г. стала восприниматься многими правительственными лицами и военными как социалистический элемент. Военные откровенно называли кооператоров «бандой жуликов, воров и полубольшевиков»⁸⁸. При любом удобном случае они проводили незаконные реквизиции товаров. В сентябре 1918 г. в Екатеринбурге военное командование запретило отправку 72 вагонов мануфактуры, аргументируя это тем, что деятельность Закупсбыта на Урале была незаконна. Только после вмешательства командования чехословацких войск, к которому обратились представители организации, провоз товаров был обеспечен⁸⁹. Отмечали изменившиеся настроения и сами кооператоры. Так, журналист «Народной Сибири» писал: «В настоящее время вопрос о кооперации в умонастроении многих общественных кругов ставится в совершенно новом освещении и рассматривается под новым углом зрения: ее отрицания»⁹⁰.

Правления трех ведущих кооперативных союзов потребовали от власти законодательно оградить кооперацию от посягательств на её собственность со стороны военных. 17 ноября 1918 г. кооператоры обратилось непосредственно к Совету министров Временного Всероссийского правительства с докладом о притеснениях от самовольных реквизиций товаров, производимых командующими отдельными воинских частей. Член Директории В.А. Виноградов пообещал взять ситуа-

⁸⁶ ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 315. Л. 14.

⁸⁷ ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 338. Л. 6.

⁸⁸ ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 1 б. Л. 133.

⁸⁹ Там же. Л. 133.

⁹⁰ Народная Сибирь (Новониколаевск). 1918. 8 сентября

цию под контроль и наказать виновных⁹¹. Но ни один контрреволюционный режим так и не опубликовал ни одного законодательного акта или хотя бы распоряжения об отношении к кооперации, как это в своё время сделали большевики.

После государственного переворота 18 ноября 1918 г. в Омске и провозглашения адмирала А.В. Колчака Верховным правителем и Верховным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России кооператоры окончательно разделились. Меньшая их часть в лице руководства Всекоосовета и Союза сибирских маслодельных артелей приветствовала переворот и приход к власти А.В. Колчака. Абсолютное же большинство отказалось выступать с поддержкой диктатуры и заявило о прекращении любой политической деятельности.

В свержении большевистской власти в Сибири в конце мая — июле 1918 г. сибирская кооперация сыграла видную роль. На подготовку и проведение контрреволюционного переворота, в том числе на поддержку антибольшевистского подполья и легионеров Чехословацкого корпуса, она израсходовала значительные финансовые и материальные ресурсы. Ряд ее квалифицированных сотрудников перешел на службу в созданные Временным Сибирским правительством органы власти и управления. Наиболее активно кооператоры участвовали в решении продовольственного вопроса, в особенности в деятельности продовольственного бюро Западной Сибири и Степного края. После переворота многие кооперативные союзы были допущены к распределению бывшего советского имущества, хранившегося на государственных складах.

Однако сибирские кооператоры были далеки от консолидации. Спорным был вопрос о государственном регулировании хлебозаготовок, не было единства в том, оказывать максимальную поддержку только исполнительной власти в лице Временного Сибирского правительства или и законодательной — Сибирской областной думе. Многие кооператоры после переворота находились в состоянии эйфории, считали, что необходимо объединение всех видов кооперации в единый общесибирский кооперативный союз. Экономическая политика контрреволюции, базировавшаяся на идее предоставления равных возможностей для хозяйственной деятельности частнокапиталистическим и кооперативным предприятиям, только подстегивала объединительные тенденции. Предполагалось, что третий Всесибирский кооперативный съезд и утверждение устава Всекоосовета должны

⁹¹ ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 315. Л. 18 об.

стать консолидирующей платформой. Однако этого не произошло. Напротив, обсуждение политических вопросов на первой сессии Всекосовета продемонстрировало, что конфликт в сибирской кооперативной среде зашел слишком далеко и нуждался в кардинальной переоценке политических идей. Но главное, была окончательно разбита иллюзия сибирских кооператоров о том, что после антибольшевистского переворота интересы государства и кооперации могут превратиться в тождественные.

Литература

1. *Иванов Б.В.* Сибирская кооперация в период Октябрьской революции и гражданской войны. Томск, 1976.
2. *Корелин А.П.* Кооперация и кооперативное движение в России в 1860–1917 гг. М., 2009.
3. *Ларьков Н.С.* Начало Гражданской войны в Сибири: Армия и борьба за власть. Томск, 1995.
4. *Махов В.Н.* Откуда и как пошла сибирская потребительская кооперация. Новониколаевск, 1923.
5. *Рынков В.М., Ильиных В.А.* Десятилетия потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг. Новосибирск, 2013.
6. *Шишкин В.И.* Общественная и государственная деятельность А.М. Огорокова (1917 — конец 1920-х годов) // Вестник НГУ. Серия: история, филология. 2012. Т. 11. Вып. 1. С. 65 — 77.

В.В. Журавлев

СОВЕЩАНИЯ УПРАВЛЯЮЩИХ УЕЗДАМИ НА ВОСТОКЕ РОССИИ В ОКТЯБРЕ 1918 — МАРТЕ 1919 Г.

Институт истории СО РАН

Настоящая статья посвящена истории совещаний уездных администраторов территории, находившейся под контролем Временного Сибирского правительства, а затем Российского правительства адмирала А.В. Колчака. Вопрос о проблематике, оказавшейся в центре внимания данных совещаний, рассматривается в контексте функционирования системы государственной власти антибольшевистского движения на востоке России в октябре 1918 — марте 1919 г. Делаются выводы о том, что попытка децентрализовать законодательную работу, повысить качество принимаемых правительством нормативных актов за счет местной администрации оказалась безуспешной. Обсуждение политического положения на территориях востока России, назревших и возможных политических мер даже на закрытых для публики административно-бюрократических совещаниях создавало слишком неприглядную, критическую картину положения вещей в тылу белых армий. Правительственная власть не воспользовалась рекомендациями и материалами, предоставленными снизу для корректировки законодательной практики и тем более для политических шагов.

Ключевые слова: гражданская война, контрреволюция, Временное Сибирское правительство, Российское правительство, А.В. Колчак, местное управление, государственный аппарат

Гражданская война в России 1917–1922 гг. являлась, в значительной степени, временем масштабнейших «полевых испытаний» различных подходов и практик в области государственного строительства, различных принципов, форм и методов организации и функционирования государственной машины. Неудивительно, что вопросы институциональной динамики многочисленных политических режимов, сформировавшихся на территории бывшей Российской империи в ходе разрушительного и одновременно творческого конфликта, традиционно привлекали внимание современников и историков. В том, что касается контрреволюционного лагеря и его важнейшей территориальной базы — востока России, это внимание фо-

кусировалось почти исключительно на органах центральной власти, в то время как местный уровень изучался в этом отношении меньше¹. В частности, неисследованной остается такая форма деятельности государственной машины восточно-российской контрреволюции, как состоявшиеся в девяти административно-территориальных единицах (трех губерниях, пяти областях и округе), подконтрольных сначала Временному Сибирскому, а затем Российскому правительству, совещания и съезды местных администраторов — уездных комиссаров и управляющих уездами.

За все время изучения гражданской войны на востоке России лишь четырежды историки обращались к материалам состоявшихся совещаний, при этом половина из них никогда не попадала в поле зрения исследователей. Д.К. Шелестова заинтересовали прозвучавшие на совещании управляющих Алтайской губернии характеристики состояния политического положения, в частности, деятельности карательных отрядов на Алтае², В.Т. Агалакова — участие в съезде управляющих уездами Иркутской губернии управляющего Киренским уездом А.П. Доровского³. С.Н. Полторак также использовал негативные характеристики деятельности карательных отрядов, прозвучавшие на алтайском и томском совещаниях⁴. С.П. Звягин обратился к сюжету

¹ *Журов Ю.В.* Органы сельской власти и управления в Енисейской губернии в годы гражданской войны. Июнь 1918 — январь 1920 гг. // Из истории крестьянства Восточной Сибири. Красноярск. 1966; *Журавлев В.В.* Кадровый состав комиссарского корпуса Временного Сибирского правительства // Материалы XXXIII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: История. Новосибирск, 1995. С. 91–95, *Он же.* Комиссариаты Временного Сибирского правительства // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 2. С. 113; *Шишкин В.И.* Алтайский губернский комиссар Временного Сибирского правительства В.З. Малахов // Актуальные вопросы истории Сибири. Шестые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина (5–6 октября 2007 г.). Барнаул, 2007. Ч. 2. С. 27–38; *Он же.* Комиссары и управляющие Акмолинской области (июнь 1918 — ноябрь 1919 г.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 2007. № 13. С. 160–171; *Он же.* Алтайский губернский комиссар А.М. Окоороков // Актуальные вопросы истории Сибири. Восьмые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. Барнаул, 2011. С. 19–22.

² *Шелестов Д.К.* Борьба за власть Советов на Алтае в 1917–1919 гг. М., 1959. С. 108.

³ *Агалаков В.Т.* Киренский уезд Иркутской губернии в 1917–1920 гг.: изучение истории провинциальной России. Иркутск, 1994. С. 24.

⁴ *Полторак С.Н.* Актуальные вопросы российской военной истории. СПб., 2001. С. 135.

преобразований волостных и местных судов на материалах совещания управляющих уездами Томской и Енисейской губерний и Акмолинской области, организации уголовного розыска на материалах совещания управляющих уездами Алтайской губернии⁵.

Кроме того, существует единственная специальная публикация, посвященная одному из данных собраний — съезду управляющих уездами Томской губернии 30 января — 5 февраля 1919 г.⁶ Т.В. Мальцева и Н.И. Наумова кратко охарактеризовали состав съезда и уделили основное внимание общей характеристике обсуждавшихся тем и принятых решений. Однако в отрыве от других подобных совещаний список поднятых тем не слишком информативен. В результате авторами публикации были зафиксированы намерения и принципы, выраженные участниками съезда. «Съезд управляющих уездами Томской губернии, — считают Т.В. Мальцева и Н.И. Наумова, — продемонстрировал стремление к созданию действенного механизма власти и управления, судебного устройства на низовом уровне». По мнению названных авторов, съезд «зафиксировал необходимость координации деятельности центральных органов власти», а также «информированности о работе всех уровней власти». Наконец, Т.В. Мальцева и Н.И. Наумова посчитали, что работа съезда прошла под знаком «следования законом» как основы деятельности органов государственной власти.

Цель настоящей статьи — рассмотреть проблематику, оказавшуюся в центре внимания совещаний и съездов управляющих уездами в контексте функционирования системы государственной власти антибольшевистского движения на востоке России в октябре 1918 — марте 1919 г.

* * *

Первый из состоявшихся на востоке России съезд уездных комиссаров был создан в Иркутске губернским комиссаром П.Д. Яковлевым 24 октября 1918 г. Его заседания проходили до 30 октября⁷.

В заседаниях съезда приняли участие 13 чиновников: губернский комиссар П.Д. Яковлев (он председательствовал на съезде), помощник

⁵ Звягин С.П. Правоохранительная политика А.В. Колчака. Кемерово, 2001. С. 88–89, 213.

⁶ Мальцева Т.В., Наумова Н.И. Вопросы организации местной власти и управления на Съезде управляющих уездами Томской губернии 30 января — 5 февраля 1919 г. // Труды Томского областного краеведческого музея. Т. XII. Томск, 2002. С. 150–156.

⁷ Журнал заседаний съезда уездных комиссаров Иркутской губернии // ГА РФ. Ф. Р-148, оп. 4, д. 6, л. 4–6.

губернского комиссара П.П. Агапьев, четыре уездных комиссара: иркутский — Г.Н. Надеждин, Нижнеудинский — М.А. Кравков, Киренский — В.Т. Гончарук, Балаганский — А.М. Сорокин, два аймачных: ангарский — А.А. Убугунов и эхирит-булагатский — Ц.А. Алсаханов, советник губернского комиссара по милиции М.И. Постников, а также два товарища прокурора Иркутской судебной палаты, советник первого отделения и бухгалтер канцелярии губернского комиссара. Таким образом, если не считать председателя съезда, то число представителей местных и губернского аппаратов было равным.

Съезд начался с обсуждения компетенции и функций уездных комиссаров и их помощников, прописанных в положении Временного правительства от 19 сентября 1917 г. При этом те или иные нормы данного акта трактовались, как правило, расширительно.

Первый вопрос, привлечший внимание съезда, касался постановки информационной работы. Поводом для этого обсуждения явилась норма об обязанности комиссара «предпринимать меры к ознакомлению населения с законами». Действительно, к октябрю 1918 г. в Иркутской губернии на местах по-прежнему не было налажено регулярное получение как законодательной, так и общеполитической информации из Омска. Комиссары просили организовать регулярную доставку главных органов печати, в которых публиковались нормативные акты — «Сибирского вестника» и «Собрания узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства». Попутно, без всякой связи с «ознакомлением с законами», к правительству обращались с просьбой «о возможно подробной специальной информации всех комиссаров о политическом положении путем рассылки особых телеграмм». Также внимание было уделено деятельности губернского информационного бюро (информационного отдела при губернском комиссаре). Обсуждались технические аспекты его функционирования, использование и финансирование услуг телеграфа. Уездные комиссары должны были осведомлять губернское информационное бюро на основании данных участковых комиссаров, уездного начальника милиции, волостных земских управ и «добровольных корреспондентов», причем о «выдающихся событиях» им предлагалось телеграфировать.

Следующим предметом обсуждения было «право уездного комиссара осуществлять надзор за состоянием и деятельностью всех уездных правительственных установлений». Из этого опять же широко трактуемого процесса «надзора за... деятельностью» положением изымались суды, государственный банк, высшие и средние учебные заведения. К этому перечню съезд посчитал необходимым добавить

податных инспекторов, однако подчинив при этом комиссарам уездные комиссии, осуществлявшие ревизии казначейств.

Съезд выступил за ликвидацию должностей помощников уездных комиссаров и участковых комиссаров, что способствовало бы концентрации власти в уезде в руках уездного комиссара. Заместителем уездного комиссара при его отъезде или болезни определялся председатель уездной земской управы или уездный податный инспектор — оба должностных лица, формально независимых от комиссара.

В качестве пожелания был сформулирован следующий принцип взаимоотношений с земскими и городскими самоуправлениями: комиссары должны были использовать «свои личные отношения» с членами земских и городских управ и предварительно, до окончательного решения того или иного вопроса, «инструктировать бы их в порядке частного собеседования».

Рассматривался также налоговый вопрос, причем было подчеркнуто, что сбор податей, вопреки тому, что комиссар вроде бы не должен был контролировать деятельность податной инспекции, обязан был привлекать «самое серьезное внимание» комиссаров, которым вменялось «постоянно внимательно следить» за раскладками и поступлениями, подключаться к работе по взысканию недоимок с уклоняющихся от платежей.

Следующим вопросом был вопрос о классе должности уездного комиссара (он, неопределенный в положении Временного правительства, был съездом обозначен как пятый), а также связанный с ним вопрос об окладе должности. Оклад бодайбинского комиссара был определен в 900 рублей, киренского — 825, иркутского, нижнеудинского и черемховского — в 750, балаганского — 638, ангарского и эхирит-булагатского — в 500. Разница в окладах определялась различными факторами: местными ценами, отдаленностью от губернского центра и численностью населения уезда или аймака.

Было принято решение о введении для уездных комиссаров особых знаков различия — кокарды на головной убор (в виде герба Иркутской губернии) и щитка на левый рукав («двуцветных, разделенных по диагонали, зелено-белых с гербом губернии посередине и позументом внизу»).

Наконец, последней группой вопросов, обсуждавшихся на съезде, стали проблемы деятельности местной милиции. Во-первых, были утверждены новые расширенные штаты уездной милиции. Во-вторых, съезд высказался за необходимость подчинения начальников уездной милиции уездному комиссару. В-третьих, от местных само-

управлений потребовали вносить долю средств на содержание милиции, возложенную на их бюджеты, ежемесячно, причем на месяц вперед. В-четвертых, съезд потребовал в обязательном порядке подчинить частную милицию (Черемховских копей, Николаевского завода, китайскую стражу в Иркутске и др.) начальникам милиции соответствующих уездов. В-пятых, съезд ходатайствовал перед МВД о разрешении сократить штаты уголовно-розыскных бюро, оставив в каждом уезде лишь по 3–4 агента уголовного розыска.

Итак, как видно по тематике вопросов, рассмотренных съездом 24–30 октября 1918 г., и по принятым им решениям, съезд носил внутривластный характер. Необходимость обращения иркутских губернских властей к такой форме административной деятельности вызывалась, судя по всему, рядом обстоятельств. В первую очередь, противоречием правовой базы и реальных задач, стоявших перед институтом уездных комиссаров. Далее, даже процесс первичного оформления административной власти Временного Сибирского правительства на местах никак нельзя было признать завершенным в полной мере, что вызывало целый ряд затруднений. Наконец, взаимоотношения с местными самоуправлениями постепенно осложнялись, и возникла необходимость согласовать взаимодействие комиссаров с земскими и городскими органами.

Не ясно, в какой степени прецедент данного мероприятия был оценен положительно центральной властью. Министерство внутренних дел оказалось глубоко вовлечено в бурные процессы трансформации центральной власти, приведшие сначала к образованию Временного Всероссийского правительства, после — формированию его Совета министров, а затем и к государственному перевороту, превратившему последний в Совет министров Российского правительства. В ходе этих процессов 4 ноября 1918 г. на пост управляющего министерством внутренних дел был назначен А.Н. Гаттенбергер, бывший до того томским губернским комиссаром (он приступил к исполнению обязанностей главы ведомства 17 ноября 1918 г.).

Спустя месяц, 16 декабря 1918 г., А.Н. Гаттенбергер получил служебную записку от тобольского губернского комиссара В.Н. Пигнатти. В ней, в частности, губернский комиссар ставил своего начальника в известность о том, что решил 30 декабря 1918 г. созвать съезд уездных комиссаров Тобольской губернии, так как «тяжесть власти на местах лежит исключительно на губернском и уездных комиссарах и [...] их мнения по разным вопросам представляют первостепенный интерес». Кроме того, В.Н. Пигнатти выдвинул следующее предложение: «Я полагаю, что необходимо было бы созвать в ближайшее время

съезд губернских комиссаров хотя бы Сибири»⁸.

Инициатива подчиненного, судя по всему, вызвала положительную реакцию управляющего министерством, и планы созыва в Омске совещания губернских и областных комиссаров были оформлены в циркулярном письме от 23 декабря 1918 г. Цель мероприятия формулировалась следующим образом: «Для установления единообразия деятельности органов министерства внутренних дел на местах [...], для выяснения, путем совместного обсуждения, разного рода вопросов по организации административного управления на местах». Созыв совещания планировался на февраль 1919 г., о чем предполагалось дополнительно уведомить руководителей. Управляющий министерством обращался к губернским и областным комиссарам с просьбой выработать программу тех вопросов, которые, по их мнению, «могли бы быть внесены на обсуждение названного совещания». В рамках подготовки совещания А.Н. Гаттенбергер находил «вполне целесообразным и полезным [...] для объединения деятельности уездных комиссаров и преподания им руководящих указаний по управлению уездами» созвать в губернских и областных центрах совещания уездных комиссаров⁹.

Вскоре была определена и предполагаемая дата будущего совещания — 20 февраля 1919 г.¹⁰

Первым в ряду таких мероприятий стал прошедший 31 декабря 1918 г. — 4 января 1919 г. съезд уездных комиссаров Тобольской губернии. Это совещание было несколько представительней иркутского. В его работе приняли участие 29 чиновников: тобольский губернский комиссар В.Н. Пигнатти, его заместитель К.Ф. Копачелли, помощник губернского комиссара М.С. Ланитин, 11 уездных комиссаров: тобольский — Г.М. Делинин, березовский — Р.И. Биржишко, курганский — М.В. Алексеев, сургутский — Н.А. Замятин, тарский — И.Ф. Барановский, тюменский — В.Э. Бончковский, тюкалинский — И.А. Клайшевич, ялуторовский — А.И. Калунин, ишимский — П.П. Колыбин, туринский — К.В. Хавский, ирбитский — М.А. Аتماкин, два помощника уездных комиссаров: тобольского — Н.С. Матиасевич и тюкалинского (заведующий Калачинским районом) — Н.И. Болтин, заведующие отделами Тобольского губернского комиссариата — административным и (по совместительству) воинским, строительным, призрения, милиции, местного хозяйства, управляющий делами губернского комиссариата, шесть

⁸ ГА РФ. Ф. Р-148, оп. 4, д. 14, л. 1–10б.

⁹ ГАТО. Ф. Р-1362, оп.1, д. 22, л. 103.

¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-148, оп. 4, д. 21, л. 7.

представителей ведомств: врачебно-санитарный инспектор, помощник начальника управления земледелия и государственными имуществами, управляющий Тобольской казенной палатой, товарищ председателя административного отделения и прокурор Тобольского окружного суда, председатель Тобольской следственной комиссии, заведующий переселенческим делом в Тобольской губернии. Кроме того, полноправными участниками съезда являлись три представителя самоуправления: товарищ председателя Тобольской губернской земской управы Л.С. Сумцов, тобольский городской голова М.М. Шалабанов и председатель Тобольской уездной земской управы А.М. Тимофеев¹¹.

Программа занятий съезда включала в себя 21 вопрос. 1) О положении уездного и волостных земства и работе этих земств; 2) о милиции; 3) о бессудности деревни; 4) об изменении названия «комиссар»; 5) о предоставлении комиссарам административной власти; 6) о создании в волостях административных должностей; 7) о выдаче пособий и пенсий жертвам служебного долга; 8) о распространении закона 26 декабря 1905 г. на инвалидов войны с Германией; 9) о мерах, необходимых в настоящее время для успешного взыскания государственных и земских сборов; 10) о правонарушениях; 11) о штатах уездных комиссариатов; 12) о протестах на постановления волостных земских управ и на приговоры сельских обществ; 13) о мерах борьбы с пьянством; 14) об улучшении быта секретарей волостных земских управ; 15) о спекуляции и жилищной нужде; 16) о необходимых изменениях и дополнениях в «Положение о губернских (областных) и уездных комиссаров и их помощников»; 17) о вопросах, необходимых для внесения в предполагаемый в г. Омске съезд областных и губернских комиссаров; 18) об общем политическом положении губернии; 19) о следственных комиссиях; 20) о взаимоотношениях гражданской и военной властей¹².

Важной частью работы съезда было заслушивание ряда обзорных докладов по наиболее актуальным вопросам, с которыми выступили губернский комиссар и некоторые другие участники. Открывая съезд, В.Н. Пигнатти в установочном общеполитическом докладе так сформулировал три «вехи предстоящей работы»: «В повседневной нашей жизни с тремя важнейшими органами государственными мы имеем постоянно дело [...] Самоуправление — хозяйство страны, армия — военная сила, милиция — орган исполнительный государства». Политически принципы взаимодействия комиссаров с этими

¹¹ ГА РФ. Ф. Р-148, оп. 4, д. 14, л. 9–10.

¹² ГА РФ. Ф. Р-148, оп. 4, д. 14, л. 8–8об.

тремя государственными органами он определил следующим образом: «мы должны помнить ежеминутно, что силы наши и наш труд мы отдаем затем, чтобы воля народа выявилась свободно и была выполнена беспрекословно. Вот почему мы должны бережно относиться к земским и городским самоуправлениям, ибо в хозяйстве страны его мощь, и без благосостояния народа нет ни культуры, ни силы государственной [...]. Без военной силы нет государства, но воины, входящие в Рим, должны оставить оружие у ворот города. Не дело воина политика [...]. И линия нашего поведения определена: воин действует тогда, когда его призывает гражданин. [...] Милиция — это слепая машина государства, но работа ее должна быть безукоризненна». Место института комиссара в этой системе В.Н. Пигнатти определил лаконично: «Комиссар обязан осуществлять собой власть твердую, власть законную. Поэтому в его деятельности две грани, два рубежа: он хранитель государственности и он страж закона»¹³.

Работа съезда была организована по следующей схеме: по тому или иному пункту повестки выступал один, реже — несколько участников съезда с докладами, потом следовало обсуждение всеми желающими. Затем предлагались проекты резолюций, которые после обсуждения и корректировки (иногда с созданием специальной комиссии) принимались. Работа съезда велась достаточно интенсивно. Точки зрения участников далеко не всегда совпадали, что зафиксировалось в ряде «особых мнений».

Главным результатом работы съезда стали несколько подробно разработанных законопроектов: во-первых, проект Положения об участковых старшинах, во-вторых, проект новой редакции Положения о губернских и уездных комиссарах, сопровождаемый проектом изменения статей 73 и 74 Положения о земских учреждениях в Сибири и статьи 101 Городового положения¹⁴.

В совокупности эти законопроекты были вызваны к жизни теми же затруднениями, которые стояли перед участниками иркутского съезда. Однако способ их разрешения был избран радикально иной. Вместо попытки перетолковать законодательный акт Временного правительства, основанный на идее передачи административных функций органам местного самоуправления, прямо противоположно его смыслу, выдвигалась инициатива законодательно оформить создание на местах полномочной административной вертикали, сильной местной административной власти.

¹³ ГА РФ. Ф. Р-148, оп. 4, д. 14, л. 82–94.

¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-148, оп. 4, д. 14, л. 49–50об.

Следующим собранием, инициированным циркуляром А.Н. Гаттенбергера, стало совещание управляющих уездами Алтайской губернии, прошедшее 22–26 января 1919 года¹⁵. Состав совещания вполне может быть охарактеризован как узкий: председательствовал управляющий губернией А.П. Стрельман, участвовали управляющие уездами: Барнаульским — Ф.И. Краснопевцев, Бийским — А.А. Доброхотов, Змеиногорским — Н.Ф. Кошлаков, Каменским — Н.В. Чистяков и временно исполняющий обязанности управляющего Каракорумским уездом А.П. Суворов.

А.П. Стрельман без обсуждения предложил для рассмотрения участников совещания несколько вопросов, первым из которых был вопрос о политическом настроении населения губернии.

По-разному характеризуя положение дел в подведомственных им уездах, управляющие единодушно указывали на один и тот же источник антиправительственных настроений населения: действия военных властей, карательных отрядов и контрразведки. Однако в качестве рецепта преодоления данной «болезни» предлагалось прежде всего создание на уездном уровне подчиненной гражданской власти спецслужбы («гражданской контрразведки») — штата агентов политического сыска в структуре уездной милиции. Что касается действий войск по отношению к населению, то выдвигалось требование совершать их при обязательном присутствии и контроле представителя гражданской власти.

Далее совещание перешло к вопросам о состоянии милиции, о волостном земском самоуправлении, сельском управлении и волостных судах, о внесении изменений в положение о губернских и уездных комиссарах. Протокол совещания не отразил каких-либо разногласий среди его участников. В целом все предложения алтайского совещания имели тенденцию к восстановлению дофевральских принципов, практик и форм управления.

Схожим образом может быть охарактеризовано и совещание управляющих уездами Енисейской губернии, прошедшее 26–27 января 1919 г. Председательствовал на совещании управляющий губернией П.С. Троицкий, участвовали и. д. помощника управляющего губернией К.И. Хруцкий, заведующий административным отделом губернского управления А.В. Востоков и управляющие уездами: Енисейским — А.А. Платонов, Красноярским — И.А. Рудольф и Минусинским — П.Н. Тарелкин, а также исправляющий должность помощника управляющего Красноярским уездом.

¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-148, оп. 4, д. 2, л. 6–20.

Программа, предложенная для обсуждения, включала 13 пунктов: 1) отношение к населению; 2) отношение к сельскому управлению; 3) отношение к должностным лицам сельского управления; 4) отношение к волостному земству; 5) отношение к уездному земству; 6) отношение к уездным правительственным установлениям гражданского ведомства; 7) порядок действий по делам спорного разбирательства сельских граждан; 8) порядок действий по делам, производящимся в волостных судах; 9) надзор по податной части; 10) надзор за продовольственными запасами селений; 11) прочие обязанности управляющих уездами как ближайших помощников управляющего губернией; 102) обязанности управляющих уездами как председателей уездных присутствий; 13) обязанности управляющих уездами в качестве членов уездных присутствий¹⁶.

По сути дела, все совещание оказалось чисто бюрократическим, внутренним вопросом. Так, пункт с многообещающим названием «Отношение к населению» скрывал в себе три подпункта: «1. Созыв и посещение мирских сходов. 2. Прием посетителей в назначенных пунктах и в назначенное заранее время. 3. Замещение управляющего уездом во время отсутствия». Если первые два вопроса действительно имели отношение к взаимодействию управляющего уездом с населением, по третий лишь по загадочному недоразумению мог быть отнесен к этой сфере, на самом деле являясь чисто внутренним аспектом организационного функционирования административной машины.

Все без исключения постановления совещания несли отпечаток административно-бюрократического подхода.

Съезд управляющих уездами Томской губернии прошел 30 января — 5 февраля 1919 года¹⁷. Участие в его работе приняли управляющий Томской губернией Б.М. Михаловский, помощники управляющего губернией П.И. Троицкий и М.Ф. Дорогов, управляющие уездами: Томским — А.И. Колмаков, Каинским — И.И. Дзепо, Кузнецким — Н.В. Белевич, Тогурским — П.П. Владимиров, Мариинским — А.Н. Осинский, Татарским — М.В. Нилов, помощник управляющего Томским уездом К.П. Тюшняков, начальник Томской уездной милиции В.М. Сыэрд, председатель Томской губернской следственной комиссии К.Н. Иванов, заведующие отделами управления Томской губернии: юридическим, призрения, административным, информационным, врачебным, помощник заведующего отделом городских и земских учрежде-

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-148, оп. 4, д. 2, л. 9–11.

¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-148, оп. 4, д. 15.

ний, а также бухгалтер управления Томской губернии.

Открывая совещание, управляющий губернией Б.М. Михаловский подчеркнул законотворческие цели работы: «правительство, в своей многосложной работе законодательного творчества, наметив съезды управляющих уездами по всем губерниям и областям, предполагает, что последние, в роли администраторов, как близко соприкасающиеся с жизнью населения, тем самым осветят положение на местах и отметят все пробелы и недостатки современного законодательства».

Обширная программа совещания была сформирована «после оживленного обмена мнениями» и включала 21 пункт: 1) административное управление: конструкция сельских, волостных и уездных управлений; 2) милиция, рассмотрение инструкций, штатов и организация милиции; 3) волостной суд; 4) административный суд; 5) податное дело: раскладка податей, взыскание их; натуральные повинности; 6) распорядительные комитеты: предметы ведения, смета на содержание канцелярии; 7) земство и его взаимоотношения с представителями власти на местах; 8) городское самоуправление; 9) жилищный вопрос; 10) гоньба; 11) призрение, пайки, призрение военнопленных, Алексеевский комитет, комитеты о народной трезвости, увечные воины; 12) народное здравие, отношение управляющих уездами к земским врачебным организациям и отдельным врачам; 13) печать: осведомление населения о действиях правительства; о содействии к взысканию подписной платы за издания правительства; 14) следственные комиссии: настоящие и предполагаемые организации следственных комиссий; отношение губернской следственной комиссии и управляющих уездами; 15) о денационализации имуществ и предприятий (ликвидационные комиссии); 16) о воинских присутствиях; 17) взаимоотношения между гражданскими и военными властями; 18) об инородцах Нарымского края; 19) борьба с пьянством; 20) охрана казенных лесов; 21) текущие дела.

Под каждый пункт повестки была сформирована комиссия из членов совещания. Однако эта повестка оказалась столь обширной, что обсудить все вопросы в полном объеме и в пленарном формате не удалось. Основная работа была сосредоточена в комиссиях. Важнейшими результатами работы совещания были четко сформулированные предложения по внесению изменения в законодательство по вопросам об административном управлении в уездах и о милиции.

Как и алтайское совещание, томское высказалось за восстановление института сельских старост, а в том, что касается полномочий управляющего уездом, совершенно определенно постановило: «Управляющий уездом непосредственно под руководством управляюще-

го губернией управляет вверенным ему уездом и, действуя в качестве его ближайшего помощника, осуществляет надзор за точным и повсеместным соблюдением законов, постановлений и распоряжений правительства местными правительственными учреждениями и подлежащими органами самоуправления, наблюдает за делами общего благоустройства, охраняет права гражданской свободы, общую безопасность, тишину и спокойствие и содействует всем другим управлениям в исполнении законов».

Следующим по времени проведения был съезд управляющих уездами Тургайской области, состоявшийся 1 февраля 1919 года¹⁸. В работе съезда приняли участие четыре должностных лица: управляющий областью А.В. Матвеев и трое управляющих уездами: Кустанайским — А.И. Федорович, Актюбинским — А.А. Каретников и Тургайским — Алмазов. Работа съезда уложились в один день. Были обсуждены семь вопросов: о проекте реформы уездных административных учреждений, предложенном профессором Н.И. Лазаревским¹⁹; об участковых помощниках управляющего уездом; о взаимоотношениях управляющего уездом и волостного земского самоуправления; о передаче дорожного дела в ведение администрации; о форменной одежде для управляющих уездами и их помощников.

После беглого и лаконичного обсуждения предложенных вопросов тургайский съезд последовательно высказался за укрепление власти управляющих уездами и подчинение им деятельности волостного и уездного земства.

Совершенно иным был характер деятельности совещания управляющих уездами Приморской области, прошедшего 1–3 февраля 1919 года²⁰. В съезде приняли участие управляющий областью И.И. Циммерман, его помощник С.Н. Козеко, управляющие уездами: Иманским — И.А. Андрушкевич, Никольск-Уссурийским — М.Н. Богданов, Ольгинским — Н.С. Воскресенский, Хабаровским — А.И. Фыгин, а также начальники двух отделов Приморского областного управления. По числу принятых к рассмотрению вопросов приморский съезд являлся абсолютным рекордсменом — их было пятьдесят.

К политическим могут быть отнесены такие вопросы: 1) о мерах борьбы с большевизмом; 2) об информационной работе с населением.

К организационно-административным: 3) о пересмотре положения о комиссарах; 4) об учреждении административных совещаний; 5)

¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-148, оп. 4, д. 16.

¹⁹ Сибирский вестник. 1918. 28 августа. № 10; 30 августа. № 11.

²⁰ ГА РФ. Ф. Р-148, оп. 4, д. 10, л. 5–8.

о предоставлении населением подвод для целей администрации и почтовой службы; 6) о уездных распорядительных комитетах; 7) о волостных и сельских органах управления; 8) о разъездных; 9) о пайковом довольствии; 10) о выдаче пенсий.

К военным и вопросам правопорядка: 11) о мобилизации; 12) о разоружении; 13) о милиции; 14) хунхузничеству; 15) о судебной медицине; 16) о волостных судах; 17) о задержании бродяг и беглых; 18) о сроке обжалования приговоров; 19) о нотариальных функциях; 20) о выдаче владельных записей; 21) о содержании арестантов при волостных правлениях.

К вопросам самоуправления: 22) об органах самоуправления; 23) о выборах в городские думы; 24) о ревизии городских и земских самоуправлений;

К социальным: 25) о рабочем вопросе, 26) о земельном вопросе; 27) о призерии; 28) об инородческом вопросе; 29) о санитарии; 30) о борьбе с венерическими болезнями; 31) о военнопленных.

К вопросам политического режима: 32) о регистрации союзов и обществ; 33) о печати.

К финансовым и экономическим: 34) о взыскании налогов; 35) о крестьянской опеке; 36) о винокурении, тайной продаже спирта и контрабанде; 37) о подоходном налоге; 38) о выдаче промысловых свидетельств; 39) о табаке и сборах с него; 40) о производстве торгов; 41) о распорядительных действиях по отграничению земель; 42) о продаже с торгов земель, заложенных в крестьянском банке; 43) о пригильном скоте; 44) о розыске хозяев задержанных животных; 45) о вознаграждении за уничтоженное и истребленное имущество; 46) о казенных подрядах и поставках; 47) о поставке лошадей.

К вопросам статистики и учета: 48) о статистике; 49) об учете населения; 50) о ведении метрических книг для сектантов.

По каждому вопросу были подготовлены доклады, далее проводилось их обсуждение и принимались постановления.

Так, по первому вопросу повестки дня — по вопросу о мерах борьбы с большевизмом — участники совещания посчитали необходимым две группы мер: во-первых, ускорить пересмотр рабочего законодательства и расширить «правильную информацию деревни», а, во-вторых, предпринять целый ряд карательных мер — от введения «внесудебных обысков и арестов» до создания «политической милиции».

По вопросу «об информации» было принято решение усилить информационную работу на местах, расширить «Приморские областные известия» неофициальным разделом и организовать бесплатную поставку газеты «в каждую деревню», для чего испросить необходи-

мое финансирование.

По поводу взаимоотношений администрации и самоуправления было предложено «в качестве временной переходной меры изъять некоторые функции административного управления из ведения органов местного самоуправления».

По вопросу о мобилизации признавалось возможным в качестве исключительной меры, «вызываемой условиями переживаемого момента», посылку военных отрядов, если население «окажет сопротивление ходу мобилизации или набору».

По вопросу о печати признавалась необходимым организация совместного надзора за печатью со стороны как гражданских, так и военных властей.

Предлагалось изъять из списка полномочий волостного земства более 30 прав и обязанностей, возлагавшихся предшествующим законодательством на волостное правление и волостного старшину.

С 30 января по 3 февраля 1919 г. состоялся съезд управляющих уездами Семипалатинской области²¹. К участию в его работе были привлечены как управляющие уездами, так и чиновники областного управления, а также представители самоуправлений. Программа совещания включала 14 пунктов. В том числе рассмотрению подлежали вопросы «политические»: о взаимоотношениях с военными властями, об информировании населения о «выдающихся событиях политической жизни».

Совещание констатировало такую ситуацию, когда имеет место «или полное подчинение управляющего уездом военной власти или полное устранение его от обязанностей, возложенных на него законом». В качестве решения проблемы было предложено издание верховной властью инструкции, четко и однозначно разграничивающей полномочия гражданских и военных властей.

К началу февраля 1919 г. материалы большинства прошедших совещаний поступили в министерство внутренних дел. Согласно распоряжению управляющего министерством А.Н. Гаттенбергера они сопровождалась предложениями о возможной программе совещания управляющих губерниями. Причем предложенные программы отличались от программ самих уездных совещаний.

Типичным в этом отношении были предложения управляющего Тургайской областью А.В. Матвеева. Он считал важнейшими вопросами два. Во-первых, разработку нового положения об управляющих губернией (областью) и уездом. В нем А.В. Матвеев выделял отноше-

²¹ ГА РФ. Ф. Р-148, оп. 4, д. 17.

ние управляющих к центральной власти, к местным государственным учреждениям, к органам местного самоуправления, к административному суду, а также к местным военным властям в условиях военного положения. Во-вторых, организацию губернских правлений: структура отделов и милиции²².

Вопрос о военно-гражданских взаимоотношениях включали в состав своих предложений практически все управляющие.

Наиболее развернутые и подробные предложения представил временно исполняющий обязанности управляющего Челябинским округом (Приуральским округом) А.В. Баженов²³. Им было предложено рассмотреть шесть блоков вопросов с многочисленными подпунктами. Первый блок — управление губерниями и областями — включал две части: общие положения (а именно: а) управляющие губерниями и областями и помощники управляющих, б) общий принцип управления губерниями и областями — централизация и децентрализация управления, в) взаимоотношения правительственных органов административного управления Министерства внутренних дел с органами других ведомств, г) взаимоотношения административных органов с органами местного самоуправления, д) права и обязанности управляющих и их помощников) и вопросы об органах губернского административного управления (например, вопрос о принципе единоличной или коллегиально-межведомственной организации управления, и т. п.). Второй блок вопросов был посвящен управлению уездами, третий — органам волостных и сельских управлений, четвертый — сельскому управлению как таковому. Пятый и шестой предусматривали рассмотрение органов единоначального и коллегиально-межведомственного административного управления соответственно.

Главы Забайкальской, Камчатской, Семиреченской областей, Оренбургской и Уфимской губерний сообщили о невозможности проведения совещаний уездных администраторов. Мотивировка этих отказов была однотипна: напряженное положение на местах и невозможность длительного отсутствия управляющего в подведомственном уезде²⁴.

7 февраля 1919 г. за подписью управляющего канцелярией министерства внутренних дел Н.И. Бевада в губернские и областные центры востока России были отправлено циркулярное письмо следующего содержания: «Министр приказал уведомить, что съезд управ-

²² ГА РФ. Р-148, оп. 4, д. 16, л.1-2.

²³ ГА РФ. Ф. Р-148, оп. 4, д. 8, л. 2-5.

²⁴ ГА РФ. Ф. Р-148, оп. 4, д. 5, 7, 8, 13, 17.

ляющих губерниями и областями, предполагаемый в конце февраля, откладывается на неопределенное время»²⁵. Впрочем, по инерции в трех регионах — Акомлинской области²⁶, Приуральском округе²⁷ и в Иркутской губернии²⁸ в течение февраля — марта 1919 г. прошли запланированные совещания управляющих.

Письмо не содержало никакой мотивировки решения отмене совещания управляющих губерниями и областями. Впрочем, эти мотивы могут быть вполне реконструированы.

Руководство антибольшевистского движения на востоке России, и прежде всего сам Верховный правитель адмирал А.В. Колчак, скептически относились к полезности гражданских реформ. Главный ключ к успеху в гражданской войне они видели не в преобразованиях государственного аппарата и системы взаимодействия с обществом, а в успешных военных действиях. В частности, именно вооруженные силы рассматривались в качестве главного, несущего каркаса контрреволюционного политического режима. В этой связи предложения разнообразных гражданских реформ, предложенных уездными администраторами, вероятно, рассматривались как бесполезные, а попытки ограничить всевластие военных в пользу гражданской администрации — как вредные.

Попытка децентрализовать законотворческую работу, повысить качество принимаемых Советом министров нормативных актов за счет провинциальной администрации оказалась столь же неуспешной, как и другие попытки колчаковского режима создать структуры «обратной связи», суррогаты представительных структур²⁹. Оказалось, что обсуждение политического положения на территориях востока России, назревших и возможных политических мер даже на закрытых для публики административно-бюрократических совещаниях создавали слишком неприглядную, критическую картину положения вещей в тылу белых армий.

Работа, проделанная участниками состоявшихся в губерниях и областях востока России совещаний, пропала втуне. Министерство

²⁵ ГА РФ. Ф. Р-148, оп. 4, д. 21, л. 10.

²⁶ ГА РФ. Ф. Р-148, оп. 4, д. 1.

²⁷ ГА РФ. Ф. Р-148, оп. 4, д. 8.

²⁸ ГА РФ. Ф. Р-148, оп. 4, д. 6.

²⁹ См.: *Киреева Л.В.* Режим Колчака и судьба идеи национального Учредительного собрания // Роль Сибири в истории России: Бахрушинские чтения 1993 г. Новосибирск, 1993. С. 71–77; *Журавлев В.В.* Идея народного представительства в период колчаковской диктатуры // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск, 1998. С. 148–152.

внутренних дел, Совет министров не воспользовались рекомендациями и материалами, предоставленными снизу для корректировки законодательной практики и тем более для политических шагов.

Литература

1. *Агалаков В.Т.* Киренский уезд Иркутской губернии в 1917–1920 гг.: изучение истории провинциальной России. Иркутск, 1994. С. 24.
2. *Журавлев В.В.* Идея народного представительства в период колчаковской диктатуры // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск, 1998. С. 148–152.
3. *Журавлев В.В.* Кадровый состав комиссарского корпуса Временного Сибирского правительства // Материалы XXXIII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: История. Новосибирск, 1995. С. 91–95.
4. *Журавлев В.В.* Комиссариаты Временного Сибирского правительства // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 2. С. 113.
5. *Журов Ю.В.* Органы сельской власти и управления в Енисейской губернии в годы гражданской войны. Июнь 1918 — январь 1920 гг. // Из истории крестьянства Восточной Сибири. Красноярск. 1966.
6. *Звягин С.П.* Правоохранительная политика А.В. Колчака. Кемерово, 2001. С. 88–89, 213.
7. *Киреева Л.В.* Режим Колчака и судьба идеи национального Учредительного собрания // Роль Сибири в истории России: Бахрушинские чтения 1993 г. Новосибирск, 1993. С. 71–77.
8. *Мальцева Т.В., Наумова Н.И.* Вопросы организации местной власти и управления на Съезде управляющих уездами Томской губернии 30 января — 5 февраля 1919 г. // Труды Томского областного краеведческого музея. Т. XII. Томск, 2002. С. 150–156.
9. *Полторак С.Н.* Актуальные вопросы российской военной истории. СПб., 2001. С. 135.
10. *Шелестов Д.К.* Борьба за власть Советов на Алтае в 1917–1919 гг. М., 1959. С. 108.
11. *Шишкин В.И.* Алтайский губернский комиссар А.М. Окороков // Актуальные вопросы истории Сибири. Восьмые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. Барнаул, 2011. С. 19–22.
12. *Шишкин В.И.* Алтайский губернский комиссар Временного Сибирского правительства В.З. Малахов // Актуальные вопросы истории Сибири. Шестые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина (5–6 октября 2007 г.). Барнаул, 2007. Ч. 2. С. 27–38.
13. *Шишкин В.И.* Комиссары и управляющие Акмолинской области (июнь 1918 — ноябрь 1919 г.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 2007. № 13. С. 160–171.

В.М. Рынков

**ВО ИМЯ СПАСЕНИЯ ДИКТАТУРЫ:
ОБРАЗОВАНИЕ, РЕФОРМИРОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ПРЕДСТАВИТЕЛЬНО-СОВЕЩАТЕЛЬНОГО ОРГАНА
НА ВОСТОКЕ РОССИИ (НОЯБРЬ 1918 — ДЕКАБРЬ 1919 Г.)**

Институт истории СО РАН

В статье раскрыта история создания и деятельности Чрезвычайного государственного экономического совещания, детально проанализированы реформы, нацеленные на расширение его полномочий до законосовещательных и в перспективе законодательных, на создание более широкого представительства и в то же время, на усовершенствование качества законодательных процедур. Автор показал борьбу различных политических сил и конкретных лидеров за влияние внутри совещания и самого совещания на внутривнутриполитическую ситуацию, обозначил итог деятельности совещания на разных этапах его существования. Направление эволюции полномочий и функций совещания соответствовало ожиданиям влиятельных кругов общественности, но противоречило логике событий Гражданской войны и природе колчаковского режима как военной диктатуры.

Ключевые слова: Гражданская война, Азиатская Россия, колчаковская диктатура, политические реформы, парламентаризм, оппозиция, законотворческий процесс.

В истории российской Гражданской войны одной из ключевых является дилемма выбора между демократическими и диктаторскими режимами. Особенно явно это проявилось в антибольшевистском лагере, где открытые сторонники военной диктатуры, считавшие, что только она может успешно противостоять большевизму и остановить распад государства, противостояли общественным деятелям, выступавшим за расширение выборного начала при формировании власти на всех уровнях. На востоке России в период существования колчаковского режима политическая элита попыталась пройти сквозь угольное ушко компромисса, то есть институционализировать общественное представительство в органе, полномочия которого не нарушили бы принципа диктатуры. Для этой цели было создано Чрезвычайное государственное экономическое совещание, позже называвшееся Гос-

ударственное экономическое совещание (далее ЧГЭС/ГЭС), неоднократно претерпевавшее изменение как функций, так и принципа формирования.

Его часто упоминали в исследованиях по истории Гражданской войны на востоке России, но редко удостоивали пристального внимания. С точки зрения Г.З. Иоффе, «совещание» нужно было «для либерального прикрытия» диктатуры, а главным образом было рассчитано на создание положительного ее имиджа за границей. Назвав ЧГЭС/ГЭС пустой говорильней, не имевшей никаких результатов, Г.З. Иоффе записал в его актив только встречу членов с Верховным правителем летом 1919 г., на которой они критиковали действия военных и попросили предоставить им законодательные права. Даже слово «совещание» советский историк неизменно брал в кавычки. Впрочем, он не видел разницы между первой сессией и второй, хотя состав, правовые основания и даже название совещания изменились [1, с. 228–229].

Три публикации Н.И. Дмитриева специально посвящены истории представительно-совещательного органа [1, 2, 3]. Уральский исследователь проанализировал нормативную базу, на основании которой функционировало ЧГЭС/ГЭС, ввел в научный оборот новые архивные документы и детально воспроизвел свидетельства мемуаристов, что позволило ему дать обстоятельное описание истории созыва и работы совещания. Правда, в самой объемной своей публикации автор выступил в стиле исторического нарратива, намеренно избегая постановки научных проблем и их решения.

Вопрос о значении совещания большинству историков сегодня кажется решенным. М.В. Шиловский пишет (воспроизводя при этом фактические ошибки из монографии Г.З. Иоффе): «В сфере экономики политику колчаковского правительства определяло Государственное экономическое совещание, образованное 23 ноября 1918 г.» [4. С. 337]. Между тем, в литературе, посвященной характеристике политического режима и системе органов государственной власти сибирской контрреволюции, ЧГЭС/ГЭС обычно либо не упоминается вообще [5, 6], либо рассмотрено в связи с неудачной попыткой преобразования осенью 1919 г. в выборный орган власти [7].

Лишь в двух новейших исследованиях имеется дополнительный материал и новые суждения о проблеме. К.Ф. Шацилло подробно изложил ход некоторых заседаний ЧГЭС, основываясь на мемуарах и газетных публикациях [8, С. 113–114, 116, 119–120.]. Он полагает, что ЧГЭС зимой 1918–1919 г. стало рупором буржуазии, а его члены оказывали закулисное влияние на курс правительства. Но о деятельно-

сти ЧГЭС/ГЭС весной — осенью 1919 г. автор не упомянул вообще. В.Ж. Цветков привел обширные цитаты из выступлений участников торжественного открытия ЧГЭС в ноябре 1919 г. и ГЭС в июне 1919 г., предпочитая описание замыслов реформ представительного органа анализу его практической работы. Он подробно описал инициативу членов ГЭС по превращению его в законодательный орган с более широким представительством, опираясь на мемуары Л.А. Кроля и документы совещания [7, С. 50–57, 63–68.]. Характерно, что оба автора проигнорировали публикации Н.И. Дмитриева по данной тематике.

Вместе с тем, работа ЧГЭС/ГЭС очень хорошо документирована. Имеется почти полный комплекс протоколно-резольютивных документов, докладов, поступавших на обсуждение, подготовительных и иных делопроизводственных материалов, отразивших деятельность ЧГЭС/ГЭС; разнообразные по жанру газетные и журнальные публикации, позволяющие проанализировать освещение хода работы ЧГЭС/ГЭС. Наконец, многие политические деятели той эпохи оставили мемуарные свидетельства о работе совещания. Давно назрела необходимость вписать ЧГЭС/ГЭС в систему органов государственной власти сибирской контрреволюции, оценить достоверность и информационный потенциал источников, различных по видовой принадлежности, ведомственному и идеологическому происхождению.

Вопрос о создании совещательного органа возник уже через три дня после государственного переворота в Омске, в результате которого Верховным правителем России был провозглашен А.В. Колчак. За основу был взят проект, разработанный Председателем Всероссийского совета съездов торговли и промышленности С.Г. Феодосьевым еще до прихода к власти А.В. Колчака [9, с. 22.]. Верховный правитель подправил одобренный Советом министров Российского правительства проект о ЧГЭС, и на следующий день, 22 ноября 1918 г., Совет министров утвердил его в качестве постановления. Если первоначально Совет министров предлагал сформировать ЧГЭС под председательством самого Верховного правителя, то А.В. Колчак предпочел назначить председателя. Корректировки состава совещания были незначительны (добавлен один представитель от кооперации), а полномочия остались неизменными по сравнению с проектом. В задачи ЧГЭС входили «разработка в спешном порядке экстренных мероприятий в области финансов, снабжения армии и восстановления торгово-промышленного аппарата». В соответствии с положением членами ЧГЭС стали 6 министров и государственный контролер, по 3 представителя от Совета всесибирских кооперативных съездов и правлений частных и кооперативных банков и 5 представителей Всероссийского совета

съездов торговли и промышленности. Кроме того, председатель имел право приглашать на заседания «сведущих лиц»¹. Таким образом, в заседаниях участвовало обычно около 20 человек.

Сессия ЧГЭС проходила с 23 ноября 1918 г. по 29 мая 1919 г. За это время прошло 41 заседание. В шести первых председательствовал Верховный правитель А.В. Колчак, в дальнейшем — С.Г. Феодосьев. Работе совещания придавали настолько значимый характер, что заседания Совета министров даже перенесли с 20-00 на 14-00, чтобы не ставить под угрозу кворум совещания, заседания которого начинались в 20-00². Между тем, четкого плана работы совещания не было оглашено. На первом заседании говорили о необходимости его выработать, но утвердили пока единственную ближайшую задачу — обсудить проблему снабжения армии.

Именно этому посвятили первые шесть заседаний, на которых председательствовал А.В. Колчак. Были заслушаны доклады Министров военного, продовольствия, снабжения, путей сообщения, финансов, образована комиссия по вопросам снабжения армии, которая уже к четвертому заседанию подвела итоги работы, огласив перечень срочно необходимых для армии предметов и предположения о том, где и в какие сроки их можно заготовить или произвести. На пятом заседании 27 ноября 1918 г. присутствующие решили образовать еще одну комиссию для устранения несогласованности в действиях ведомств по снабжению армии. По своей сути эта комиссия была типичным междудеPARTMENTным совещанием, только с участием представителей от предпринимателей и кооперации и под председательством А.А. Гаврилова, общественного деятеля, а не чиновника. 28 ноября представители торгово-промышленников заявили, что они готовы взять на себя заказы на производство или закупку недостающих предметов военного довольствия³. Эта инициатива выдавала очевидное стремление группы лиц, занимавших ключевые посты во Всероссийском совете съездов торговли и промышленности получить контроль над распределением военных заказов. Так завершился первый, весьма кратковременный, этап работы ЧГЭС, длившийся с 24 по 28 ноября 1918 г.

Следующий этап начался опять с обсуждения программы работы совещания в заседании 29 ноября 1918 г. Здесь столкнулись две точки зрения: А.А. Гаврилова и П.П. Маслова. Оба были едины в том,

¹ ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 48. Л. 8, 9–9об, 10об. Правительственный вестник (Омск). 1918. 27 ноября.

² Там же. Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

³ Там же. Д. 6. Л. 1об.

что следует заслушать доклады руководителей всех ведомств и наметить меры улучшения положения в каждой отрасли народного хозяйства. Но первый предполагал сделать это достаточно быстро, опираясь по возможности на мнения практиков-членов совещания, тогда как второй, обращая внимание на сложность предмета обсуждения и общероссийский масштаб принимаемых мер, настаивал на необходимости длительных консультаций со специалистами и сбора статистических материалов⁴. Кроме того, Совет Всесибирских кооперативных съездов составил самостоятельный проект, предполагая основной задачей совещания сделать подготовку материалов к будущей мирной конференции по итогам Первой мировой войны. Для этого кооператоры считали необходимым разделить совещание на секции по направлениям экономической политики и заняться тщательным выверением национальных позиций⁵. Но инициаторы даже не стали озвучивать свою позицию, так как большинство присутствовавших склонились к точке зрения председателя. Но именно А.А. Гаврилов настоял, в виде исключения, на необходимости отклониться от общего плана деятельности совещания и посвятить ближайшие заседания вопросу о «снятии оков» государственного регулирования с торговли и промышленности. Этот вопрос обсуждался в шести заседаниях со 2 по 11 декабря 1918 г. Работа была нацелена на выработку конкретных предложений Совету министров. Выступали управляющий министерством продовольствия Н.С. Зефирин, товарищ министра снабжения И.А. Молодых и управляющий министерством торговли и промышленности Н.Н. Шукин. Члены совещания подвергли деятельность правительства критике. Наибольшую активность при этом проявили представители Всероссийского совета съездов торговли и промышленности А.А. Гаврилов, А.А. Крапоткин, К.Н. Неклютин. Совещание сформировало комиссию по выработке предложений о реорганизации министерств продовольствия и снабжения. В результате обсуждения были спешно подготовлены и приняты Советом министров постановления от 10 декабря 1918 г. «Об отмене регулирования хлебной, мясной и масляной торговли» и от 20 декабря 1918 г. «Об упразднении министерств продовольствия и снабжения и об учреждении взамен них Министерства продовольствия и снабжения»⁶. Эти меры отвечали интересам предпринимательских организаций, еще до прихода к власти

⁴ Там же. Д. 7. Л. 4–10.

⁵ Там же. Л. 19–20.

⁶ Правительственный вестник. 1918. 14 дек.; 1919. 11 янв.

А.В. Колчака планировавших добиться соответствующих решений от его предшественника — Временного Всероссийского правительства.

С 12 декабря 1918 г. совещание перешло к следующему этапу своей деятельности, который проходил примерно в соответствии с программой, намеченной А.А. Гавриловым, и предусматривал заслушивание и обсуждение докладов о работе отдельных министерств и ведомств. Совещанию были представлены доклады о работе транспорта, финансовом положении, деятельности Государственного банка, денежном обращении, податном деле и реформе налогообложения, о сахарной и кожевенной монополиях. Докладчики готовились очень тщательно, порой представляя обширные аналитические тексты со множеством статистических выкладок. Например, министр путей сообщения Л.А. Устругов выступал два заседания подряд, а третье посвятили обсуждению его доклада. В этот период наметился отход от практицизма первых дней. Присутствовавшие выясняли подробности, выступали с репликами и развернутыми оценками, но не сформулировали ни одного конкретного предложения. В некоторых случаях, как, например, в ходе обсуждения доклада товарища министра финансов И.Н. Хроновского о податном деле, совещание углубилось в сугубо теоретические вопросы об основаниях будущих реформ денежного обращения. Хотя в то же время совещание в своей работе ушло от импровизаций первых дней. Тексты докладов передавались заранее для знакомства каждому члену совещания, и это позитивно сказалось на качестве обсуждения.

Н.И. Дмитриев утверждал, что уже в середине февраля 1919 г. А.В. Колчак пришел к мнению о бесполезности созданной им ранее «говорильни». Ставка им была сделана на другой, чисто бюрократический орган — Комитет экономической политики, который возглавил министр земледелия Н.И. Петров. Именно он отныне должен был заниматься выработкой стратегии экономического развития. Возникла необходимость разграничить полномочия ЧГЭС и комитета. Между тем, члены ЧГЭС и его председатель хотели сохранить преимущественное влияние предпринимателей на верховную власть и не желали перемен. Это вынудило А.В. Колчака призвать к руководству совещанием нового человека — Г.К. Гинса и возложить на него задачу преобразования совещания из чрезвычайного в орган планомерного рассмотрения вопросов финансово-экономического характера. Задуманные мероприятия должны были привести к кардинальному расширению состава совещания за счет увеличения представительства от общественных организаций и органов местного самоуправления. Никаких документальных доказательств своей концепции уральский историк не привел. Обильно

привлекая делопроизводственные документы для освещения других сюжетов, концептуальную сторону истории взаимоотношений ЧГЭС/ГЭС с Верховным правителем и Советом министров Н.И. Дмитриев воспроизвел в интерпретации Г.К. Гинса путем обильного цитирования его мемуаров.

Действительно Г.К. Гинс утверждал, будто весной 1919 г. сложилось противостояние между сторонниками создания широкого представительного органа с законосовещательными правами, к которым он причислял себя, и теми, кто стремился к организации узкого закрытого совещательного органа, назначаемого Верховным правителем [9, с. 214]. Внесение в Совет министров проекта о реформировании ЧГЭС Георгий Константинович представил как свою заслугу. Он подчеркнул, что совещание продолжало работу после того, как было решено пополнить его состав и расширить права. Г.К. Гинс подробно изложил содержание нескольких заседаний, прошедших под его председательством, совершенно не упомянув о его работе в январе — первой половине апреля [9, с. 218–225]. Стремление автора преувеличить свою роль в преобразовании совещания очевидно, но при этом он аккуратно излагал события, не входя в явное противоречие с фактами. Но мемуары Г.К. Гинса были проинтерпретированы Н.И. Дмитриевым достаточно вольно. В частности, мемуарист нигде не противопоставлял ЧГЭС Комитету экономической политики. Более того, известно, что Положение о комитете Совет министров утвердил 18 февраля, а идею о реформировании ЧГЭС начали обсуждать еще раньше, и инициаторами выступили сами члены совещания. В дальнейшем оба органа продолжали сосуществовать, первый — как место межведомственной координации в процессе выработки экономической политики, второй — как площадка для взаимодействия представителей правительства и общественности.

К февралю 1919 г. совещание выполнило свою первоначальную программу. Стали непонятны цели его дальнейшего существования и деятельности. В этом и был настоящий корень проблемы. Не случайно в последнюю неделю ноября 1918 г. ЧГЭС провело 7 заседаний, в декабре — 17, в январе 1919 г. — всего два, в феврале — 7. Дело не только затянувших рождественских каникулах.

На февральских заседаниях наметились два варианта дальнейшей эволюции совещания. Во-первых, можно было продолжать обсуждение докладов, все более детализируя направления деятельности правительства. Примером стал доклад Н.Н. Щукина о положении дел на Черемховских каменноугольных коях. Развитие такой практики превращало ЧГЭС в законосовещательный орган, место экспер-

тизы правительственных начинаний. Второй вариант сводился к превращению ЧГЭС в дискуссионный клуб о проблемах современной российской экономики. Два февральских заседания прошли примерно в таком русле. На одном Н.Д. Буяновский проанализировал состояние денежного обращения. Министр финансов И.А. Михайлов выступал по этому поводу пятью заседаниями ранее и отбил от множества нападок, убедив присутствующих, что его Министерство готовит почву для финансовой стабилизации. Теперь бывший товарищ министра финансов представил контрдоклад, убеждая в отсутствии поводов для оптимизма, привнесенного министром. Но возникшие в ходе обсуждения предложения о мерах разрешения финансовых проблем были очень далеки от сибирских реалий и являлись скорее упражнением из области теории финансов. Другой доклад сделал сам председатель ЧГЭС С.Г. Феодосьев. Он посвятил свое выступление роли иностранного капитала в деле возрождения России, уводя присутствовавших еще дальше от решения практических и срочных вопросов.

Но оба варианта работы ЧГЭС никак не были закреплены в положении. К разработке новой программы работ совещания приступили 6 февраля. Ее опять представил С.Г. Феодосьев, и она сводилась к обсуждению перспектив развития производительных сил России, но уже в более детальном и детализированном виде. Совещание рисковало утонуть в отвлеченных от жизни дискуссиях, далеких от чрезвычайных задач, поставленных перед ним Верховным правителем. С каждым новым заседанием это становилось все более очевидно ее участникам, которые стали инициаторами обновления. 13 февраля 1919 г. представители кооперативных организаций внесли предложение о преобразовании ЧГЭС в Экономический совет, по структуре и полномочиям напоминавший аналогичный орган при Временном правительстве в 1917 г.⁷ 17 и 22 февраля 1919 г. совещание обсуждало проект своего реформирования. На этом заседании ни у кого из присутствовавших не возникало сомнения в необходимости расширения представительства. Обсуждались детали, в частности, соотношение выборных, выдвигаемых и назначаемых членов, их численность, принципы выдвижения. После длительных согласований, в том числе за пределами заседаний, 12 марта члены ЧГЭС пришли к консенсусу. Именно тогда решено было убрать слово «чрезвычайное» из названия совещания. Таким образом, Г.К. Гинс приписывает себе инициативу в том, что обсуждалось задолго до его появления в совещании, а ко времени его прихода к руководству этим органом было практически

⁷ ГА РФ. Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 87. Л. 300–306об.

предрешено.

Г.К. Гинса утвердили в должности председателя ЧГЭС 9 апреля 1919 г. Под его руководством совещание собралось в апреле еще дважды для обсуждения законопроектов об изъятии из обращения «керенок» и о комитете по внешней торговле. Третье заседание состоялось 1 мая 1919 г. и не было связано с конкретными законодательными инициативами правительства. Новый председатель посвятил его обсуждению двух докладов о финансовом положении. Именно на этом заседании утвердили окончательный текст положения о ГЭС, внесенный на следующий день Г.Г. Тельбергом на обсуждение Совета министров. Но никакого обсуждения положения в этот день не происходило. Для членов совещания данный вопрос считался уже в целом решенным и не вызвал прений. Дискуссии о полномочиях и составе совещания отгремели до прихода Г.К. Гинса к руководству им, а сам он, заняв кресло председателя, сделал акцент на обсуждении совершенно других проблем. 2 мая 1919 г. Совет министров утвердил Положение о ГЭС⁸. В него была внесена лишь одна важная поправка — председатель обязательно должен был оставаться членом Совета министров. Более того, в заседании Совета министров 2 мая 1919 г. министр финансов И.А. Михайлов высказал предложение объединить управление делами Комитета экономической политики и ГЭС с тем, чтобы эти два близких друг другу органа вели общее делопроизводство, которое и было утверждено⁹. Данное обстоятельство лишний раз подтверждает, что в Совете министров не считали эти органы противопоставленными друг другу.

Полномочия ГЭС простирались на более широкий круг вопросов, который включал, помимо прежних, сельское хозяйство, трудовые отношения, транспорт. Причем перечень не был завершеным. Положение позволяло обсуждать и иные проблемы экономической жизни. Совещание получило право рассматривать роспись государственных доходов и расходов. Наконец, оно должно было обсуждать законопроекты, касавшиеся круга его ведения и выносить свое суждение по ним председателю Совета министров. Совещание имело право обращаться непосредственно к Верховному правителю, перед которым и только перед ним отчитывался председатель ГЭС о его работе. Все это очень напоминало полномочия Государственного совета до преобразований 1906 г. Характер представительства оказался, наоборот, близок к уже реформированному Государственному совету. Но некоторые нюансы

⁸ Правительственный вестник. 1919. 16 мая.

⁹ ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 91. Л. 11.

придавали обновленному ГЭС уникальность, не позволяющую вписать его в готовые образцы. Законодатели попытались совместить четыре различных принципа формирования. Как и для ЧГЭС, закон предусматривал членство по должности. На этот раз число министров — членов ГЭС возросло до одиннадцати (считая государственного контролера), к ним прибавился начальник штаба Верховного главнокомандующего. Одновременно предусматривалось корпоративное представительство, то есть указывался круг организаций, получивших определенные квоты на выдвижение: Всероссийский совет съездов торговли и промышленности (5), Совет всесибирских кооперативных съездов (5), центральные профессиональные организации (2), частные банки (2) и Московский народный банк (1), сельскохозяйственные общества (2), Центральный военно-промышленный комитет (1), Общество сибирских инженеров (2), самоуправления казачьих войск (4). Как видно, теперь перечень корпораций стал шире, и все вместе они получили 24 места. Кроме того, губернским/областным земским управам и городским думам городов, являвшихся губернскими/областными центрами, предоставили право выдвигать кандидатов в члены ГЭС. Верховный правитель мог назначить из их списка до 20 членов. Наконец, положение предусматривало право Верховного правителя по представлению председателя назначить членом совещания любое иное лицо.

Пункт об избрании органами местного самоуправления лишь утверждаемых Верховным правителем кандидатов в проект положения Совета министров был внесен по предложению Г.К. Гинса. Если бы не это правило, 16 административных единиц, находившихся под контролем Российского правительства, вместе выдвинули бы в ГЭС 32 члена. Военные успехи, а на них все очень рассчитывали весной 1919 г., могли сулить только увеличение числа выдвиженцев от земств и городов, позволяя рассчитывать им на численное преобладание над всеми остальными членами. Таким образом, предлагавшийся самими членами ЧГЭС принцип формирования состава будущего совещания, предусматривал более широкое представительство выборных органов местного самоуправления. С привлечением же Г.К. Гинса к выработке положения количество таких членов ограничили и исключили их преобладание в составе совещания. Он объяснял свой ход стремлением ограничить количество членов совещания максимум шестью десятками человек, полагая, что более многочисленная коллегия окажется неработоспособной. Но Г.К. Гинс явно кривил душой, когда писал «Это обидело земства, между тем никакой задней мысли здесь не было» [9, с. 216]. Он добивался своего, сокращая лишь

численность «народных» представителей, выхолащивая их статус процедурой утверждения. Кроме того, данная поправка являлась несправедливой по существу. Она нарушала правильное представительство, допускала, что от одной губернии или области по воле Верховного правителя в состав членов ГЭС могло попасть два члена, а от другой — ни одного. Таким образом, изображая себя в мемуарах поборником народного представительства, понаторевший в околоправительственных интригах бывший управляющий делами Совета Министров, в действительности, попытался его ограничить, превратить в фикцию.

Следует отдать должное организаторским способностям Г.К. Гинса. Вскоре по утверждению Положения он разослал в упомянутые в нем организации и учреждения просьбы о скорейшем проведении выборов или назначений членов ГЭС и кандидатов. После 2 мая 1919 г. Г.К. Гинс провел еще три заседания ЧГЭС старого состава. При этом он активно использовал право председателя приглашать «сведущих людей». Уж это точно можно отнести к заслугам нового председателя, так это его стремление превратить совещание в законосовещательный орган парламентского типа. На заседаниях были заслушаны доклады о снабжении армии, железнодорожном и водном транспорте. Как утверждал в своих мемуарах Г.К. Гинс, именно после первого из этих заседаний, адмирал А.В. Колчак убедился в необходимости израсходовать часть золотого запаса, чтобы спасти армию от катастрофы [9, с. 221]. И действительно, вскоре после этого широкой огласке были преданы сведения том, что Российское правительство стало продавать и закладывать небольшие партии золота в обмен на валюту. Между тем, первая отправка золота во Владивосток для передачи под депозит иностранных банков произошла 10 марта 1919 г., а переговоры об этом начались еще раньше. Мемуарист опять стремился придать вес всему, что происходило на совещании. На самом деле, члены совещания лишь сформулировали мысль, давно волновавшую правительство и общественность — неизбежность использования золота.

Н.И. Дмитриев утверждает, что 15 июня 1919 совещание собралось на частное заседание, утвердив три комиссии: по организации открытия, выработке наказа и проверки полномочий членов, но не подкрепляет эту информацию ссылками на источники [2, с. 81]. Официально ГЭС приступило к работе 19 июня 1919 г. и до 18 декабря 1919 г. провело 38 заседаний: 4 в июне, 9 — в июле, 6 в августе, по 8 в сентябре и октябре, и 3 в декабре. Большинство заседаний вел лично председатель ГЭС Г.К. Гинс, но часто его заменял товарищ председа-

теля. Сначала этот пост занимал бывший член Директории В.А. Виноградов, а с 19 августа 1919 г. Н.К. Волков, который прибыл в составе делегации от А.И. Деникина, но имел опыт работы в Сибири.

Если исходить из утвержденного положения, состав ГЭС должен был расширяться минимум до 56 членов. Лишь некоторые общественные организации, земства и городские управы успели провести соответствующие выдвижения кандидатов и назначения. Профессиональные союзы вообще отказались от своего права выдвинуть двух членов ГЭС. К первым заседаниям состав совещания был далеко не полным. А.В. Колчак активно занимался назначением новых членов. Причем меньшая часть получивших статус члена ГЭС являлась выдвиженцами земских и городских органов самоуправления. Н.И. Дмитриев и В.Ж. Цветков указывают, что членов ГЭС было 74 [2, с. 83; 7, с. 55]. Трудно понять, на чем они основывались. Привлеченные первым из них источники отражают количество членов лишь присутствовавших на заседании, а не назначенных членов. Известно, что А.В. Колчак, произведя основные назначения в июне — июле 1919 г., периодически пополнял состав совещания новыми членами. Одновременно со второй половины сентября стали лишать полномочий тех, кто не посещал заседания. Следовательно, количество членов совещания не могло быть постоянным.

Член ГЭС, левый кадет Л.А. Кроль подметил, что среди назначенцев А.В. Колчака оказались видные ученые, известные своим оппозиционным настроем [10, с. 179–180]. Добавим, что еще больше выделялись две другие категории: во-первых, отправленные в отставку министры и высокопоставленные чиновники Российского правительства (Н.Н. Щукин, И.А. Михайлов) и, во-вторых, общественные деятели, в том числе, бывшие государственные служащие царской администрации, прибывавшие из европейской части страны. Верховному правителю важен был их административный опыт. Он также старался сделать состав ГЭС менее «сибирским». Для некоторых из них членство в ГЭС стало своеобразным периодом адаптации к сибирским условиям и позволило им вскоре перейти на государственную службу (П.А. Бурьшкин, А.А. Червен-Водали). Л.В. фон-Гойер был назначен членом совещания, как специалист по финансовым вопросам, вскоре занял пост министра финансов в Российском правительстве, а уйдя в отставку, возобновил участие в ГЭС.

Реформированное совещание уделило гораздо больше внимания процедурным моментам и организации своего делопроизводства. Со второго заседания оно занялось составлением регламента работы, который был оформлен в виде «Наказа», утвержденного частями на

двух заседаниях, 23 и 26 июня 1919 г.¹⁰ У совещания появилась собственная канцелярия, насчитывавшая 26 штатных единиц. Интересно, что выступивший на втором заседании с докладом о работе Комитета по экономической политике министр земледелия Н.И. Петров высказал вскоре Г.К. Гинсу свои соображения по поводу объединения управлений делами и канцелярий Комитета и Совещания. Ему не казалось, что у этих учреждений общие задачи и профиль работы. «Полною противоположностью Комитету является Государственное экономическое совещание, — писал он. — Включая в свой состав представителей общественности и служа органом выражения общественного мнения по вопросам хозяйственно-экономической жизни страны, оно не носит характера постоянного учреждения, с постоянным составом членов и с определенной компетенцией»¹¹.

С первых же заседаний началось формирование комиссий, в которых со временем предполагалось сосредоточить всю техническую работу. 26 июня 1919 г. утвердили состав земельной, бюджетной и торгово-промышленной комиссии, 30 июня — финансовой и по делам призрения, 7 июля 1919 г. — по санитарному состоянию фронта и тыла и транспортной, 10 июня и 21 июля — по продовольствию и снабжению армии, 28 июля — по рабочему вопросу. Еще ряд комиссий специально занимался обсуждением отдельных законопроектов: 1) об институте сельского хозяйства и промышленности; 2) об институте исследования Сибири; 3) о продлении действия ст. 23 Закона о введении земств в Архангельской губернии и в Сибири; 4) по борьбе со спекуляцией; 5) по вопросу о Политехническом институте в г. Владивостоке. Известные нам материалы позволяют говорить о работе 9 общих и 5 специальных комиссий. В каждую комиссию выдвинули по 7–9 человек. Кроме того, судя по периодическим докладом на пленарных заседаниях, продолжала собираться комиссия по личному составу. Уже в середине июля установился следующий порядок работы совещания: на пленарном заседании объявлялось о поступивших из министерств и главных управлений законопроектах, и они распределялись для обсуждения в соответствующие комиссии. Именно там и происходили основные прения, а на утверждение пленарного заседания через несколько дней выносилась рекомендация комиссии, которая, если не возникало спорных вопросов, принималась.

Серьезной проблемой в работе ГЭС стал недостаток людей. В ходе обсуждения Положения о ГЭС Г.К. Гинс добился сокращения коли-

¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 44. Л. 39–41.

¹¹ Там же. Оп. 2. Д. 3. Л. 1об.

чества его членов. В результате уже при формировании состава комиссий пришлось некоторых членов совещания выбирать заочно еще до того, как они прибыли в Омск и приступили к работе. Но скорого качественного укрепления совещания не произошло. Многие его члены посетили только несколько заседаний. Одновременно присутствовало обычно чуть более тридцати человек. Получалось, что в среднем каждый член совещания должен был заседать минимум в трех — четырех комиссиях. В действительности нагрузка оказывалась еще большей: члены по должности не могли работать в комиссиях с полной отдачей. Совещанию неоднократно приходилось исключать «мертвые души» из состава комиссий, распределяя ставшие вакантными места между активно работавшими участниками совещания. Потом начали исключать «прогульчиков» из состава ГЭС. Вместе с тем, состав некоторых комиссий оказался высококвалифицированным. Например, двое из членов финансовой комиссии в дальнейшем последовательно занимали посты министра финансов. Вскоре у большинства комиссий образовалось собственное делопроизводство. Предметным и конструктивным оказалось участие в ГЭС отставных высокопоставленных чиновников, профессионально владевших обсуждаемым материалом, настроенных обычно критически, но не оппозиционно.

Для формирования более полного представления о ситуации в различных отраслях экономики в комиссиях или на пленарных заседаниях часто заслушивались развернутые доклады руководителей ведомств. Комиссии также отчитывались на пленарном заседании о своей работе, представляя членам ГЭС, в том числе и назначенным членам Совета министров, свое заключение о состоянии дел и результативности деятельности правительства. Работа над поступающими из министерств законопроектами уже в августе 1919 г. приобрела характер квалифицированного обсуждения в первом чтении. Прошедшие через совещание законопроекты получали всестороннюю оценку, предложения о поправках были тщательно мотивированы и, как правило, принимались во внимания самими министерствами. Многие законопроекты экономического характера с этого времени Совет министров утверждал именно в редакции, предложенной ГЭС. Постепенно накапливался опыт как работы внутри ГЭС, так и его взаимодействия с правительством.

Л.А. Кроль с иронией описал в мемуарах работу совещания этого периода. В его интерпретации, бессмысленное с практической точки зрения, оно использовалось им как трибуна для критики правительства и ширма для закулисной оппозиционной деятельности. Но дело-

производство ГЭС свидетельствует, что Л.А. Кроль являлся одним из самых активных участников всех дискуссий, выступал всегда деловито и конструктивно, тянул гигантский воз технической работы и до декабря 1919 г. не давал повода усомниться в своей лояльности правящему режиму. В полную противоположность Л.А. Кролю, Г.К. Гинс утверждал, что на заседаниях напрочь отсутствовал дух партийности и царили «государственные настроения» [9, с. 251]. Причем, судя по содержанию протоколов заседаний ГЭС и его комиссий, на этот раз Г.К. Гинс близок к истине.

Но деловая работа не могла долго продолжаться в атмосфере военных неудач. Катастрофа на фронте внесла двусмысленность в деятельность совещания. Совет министров все более аккуратно отсылал для обсуждения свои законопроекты, и работа ГЭС становилась все более и более рутинной. Как настоящий парламент, оно все более увязало в законотворческой работе, не поспевая за темпом правительства. И это в то время, когда фронт подкатывался к Омску, а члены ГЭС буквально разбегались, повально подавая заявления об отпуске. В комиссиях становилось некому заседать. Наконец, чрезвычайная обстановка отступления, почти бегства армии с фронта ставила на повестку дня задач немедленной мобилизации ресурсов на организацию сопротивления и эвакуации. Неторопливый стиль работы совещания, нацеленный на всесторонний анализ поступавших материалов, не удовлетворял ситуации, требовавшей от власти молниеносной реакции. Некоторые законопроекты, дойдя в совещании до стадии утверждения, уже теряли свою актуальность. Очевидно, что осенью 1919 г. ГЭС превратилось в излишнее звено государственного аппарата.

Но вопреки всему этому именно тогда активизировалось обсуждение планов очередного реформирования ГЭС. В июле 19 членов совещания в рамках частных встреч подготовили А.В. Колчаку записку с предложением преобразовать ГЭС в Государственное совещание с правом высшего законосовещательного органа по всем вопросам законодательства и государственного управления. Л.А. Кроль, а воспроизводя без ссылок его аргументы и В.Ж. Цветков утверждают, что эта своеобразная «фронда» предлагала лишить Совет министров законодательных прав, а Верховному правителю — принять полномочия утверждать или отклонять предложенные совещанием проекты [10, с. 182, 7, с. 56].

Обращает на себя внимание кардинально отличающаяся оценка этого события в воспоминаниях Л.А. Кроля и Г.К. Гинса. Если первый всячески подчёркивает, что с первых дней работы ГЭС на заседаниях

звучали настоятельные требования ввести народное представительство, то второй неизменно говорит об умеренных позициях членов совещания, множестве сомнений, обуревавших участников заседаний по поводу того, своевременно ли выдвигать подобные требования. Различия видны даже в персональных характеристиках. Если Л.А. Кроль, настоятельно доказывавший преобладание оппозиционеров правящему режиму в совещании, относит к ним и второго представителя Пермского земства Н.А. Вармунда, то в рассказе Г.К. Гинса он предстает умеренным и вполне тактичным в общении с А.В. Колчаком «старым земцем» [9, с. 253, 10, с. 179]. Более того, тогдашний председатель ГЭС утверждал, что он и сам принялся агитировать в пользу реализации представленного в записке проекта, лишний раз подчеркивая этими свою демократичность и полную лояльность составителей проекта.

Подлинный текст упомянутой записки не выявлен. В.Ж. Цветков ссылаются на сохранившуюся в фонде ГЭС незаверенную копию, на которой не проставлена дата. В копии упомянуто 18 фамилий лиц, подписавших документ, и оставлено место для еще одной фамилии. Во-первых, известные оппозиционные деятели, близкие к земствам и эсеровским кругам (Н.П. Огановский, А.Н. Алексеевский, В.В. Никифоров), соседствовали с бывшими высокопоставленными чиновниками, такими как ушедший с поста управляющего министерства торговли и промышленности Н.Н. Щукин. Во-вторых, авторы записки сформулировали предложение превратить Государственное совещание (именно такое название они предлагали) в законосовещательный орган с правом законодательной инициативы. Но они ловко закамуфлировали свою мысль. Хитрость состояла в том, что записка предусматривала передачу законопроектов из Совета министров на обсуждение в Экономическое совещание, а оттуда на утверждение Верховному правителю. Пафос записки усиливался намеком на необходимость обновить состав Совета министров: «п.5. Создание солидарного Совета министров на определенной демократической основе»¹². Причем подготовку нового положения об Экономическом совещании намеревались возложить на ГЭС действующего состава.

Предложенный А.В. Колчаку членами ГЭС проект не допускал самостоятельной законодательной инициативы представительного органа, но делил законодательные функции между совещанием и Сове-

¹² ГА РФ. Ф. Р-190. Оп. 6. Д. 2. Л. 1об. Г.К. Гинс, приводивший обширные выдержки из этого документа, точен в своих цитатах (9, с. 251–253), тогда как Л.А. Кроль в некоторых случаях за цитату выдавал близкий к тексту пересказ (10, с. 182).

том министров.

Хотя на июльской встрече с Верховным правителем делегаты от инициативной группы членов ГЭС договорились, что в ближайшее время их предложения будут рассмотрены в Совете министров, они не стали пассивно ждать, и решили сохранить инициативу в своих руках. В августе в ГЭС действовала неофициальная комиссия по составлению проекта Положения о Государственном совещании, который решено было представить правительству в готовом виде.

Тем не менее, А.В. Колчак оставлял решающее слово за своими министрами, явно не желавшими терять свои прерогативы. 16 сентября 1919 г. он направил в Совет министров Грамоту и письмо-поручение подготовить соответствующее законоположение¹³, основываясь на которых, Совет министров образовал согласительную комиссию совместно с ГЭС на паритетных началах (по 5 человек) во главе с государственным контролером Г.А. Красновым¹⁴. 6 октября министры и главноуправляющие уже познакомились с результатами работы комиссии, проведя постатейное обсуждение представленного Г.К. Гинсом проекта о новом порядке формирования и полномочиях представительного-совещательного органа. 31 октября 1919 г. они вторично вернулись к этому вопросу¹⁵. Омск жил в преддверии падения, правительственные учреждения готовились к эвакуации, и казавшийся недавно столь срочным проект отнесло на второй план. 5 ноября 1919 г. были приняты разработанные Советом министров Положение о Государственном земском совещании (далее ГЗС) и положение о выборах в ГЗС. Они предусматривали создание совершенно нового органа, состав которого формировался сложным путем, объединявшим, как и раньше, выдвижение от общественных организаций, выборы от органов местного самоуправления и назначения Верховным правителем. Полномочия ГЭС прекращались с момента начала работы ГЗС. Изменение концепции представительного органа было кардинальным. В частности, предусматривались не только выборы от земских и городских органов, но и многоступенчатые выборы от сельского населения. Выдвижение членов ГЗС получало характер формирования широкого представительства от общественности. Право представительства получили не только кооперативные и торгово-промышленные организации, но также высшие и начальные учебные заведения, союзы земств и городов, объединения профсоюзов, православные приходы.

¹³ Правительственный вестник. 1919. 17 сент.

¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 245. Л. 179об, 184. Примечательно, что председатель ГЭС Г.К. Гинс пытался уклониться от участия в этой комиссии (там же. Л. 188)

¹⁵ Там же. Л. 194, 224.

Положение предусматривало выборы председателя и двух его товарищей. Полномочия ГЭС в целом соответствовали тому, что предлагала августовская записка частного совещания членов ГЭС. При возникновении разногласий между ГЭС и Советом министров они подлежали урегулированию в специальной согласительной комиссии, а если и в ней достичь консенсуса не удавалось, то Верховный правитель получал право отклонить законопроект, опираясь на мнение ГЭС¹⁶.

На протяжении ноября — декабря 1919 г. в прессе постоянно обсуждался вопрос о формировании народного представительства. Из правительственного лагеря раздавались обещания создать его, как только стабилизируется положение на фронте. Общественность выражала недовольство такой медлительностью. Вместе с тем, все дружно призывали органы местного самоуправления выдвигать кандидатов, чтобы в нужный момент не тратить на это время, а быстро собраться и приступить к работе. Дискуссии о порядке представительства интересов населения привели к двукратным корректировкам Положения о выборах в ГЭС. 30 ноября 1919 г. были приняты дополнения к Положению о выборах в ГЭС, нацеленные на организацию более широкого выборного представительства, а 3 декабря исключили из состава будущего ГЭС членов по назначению, существенно увеличили нормы представительства от сельского населения и общественных организаций¹⁷. Усилия современников очень точно охарактеризовал С.П. Мельгунов: «Увлечение фикциями отнюдь не знаменует реального понимания требований жизни» [11, с. 269]. Очевидно, что в сложившихся условиях создать представительный орган было архитрудной задачей, но и в этом случае он не мог подпереть рушившуюся власть, не мог стать и альтернативой ей.

На фоне обсуждения предстоящего созыва народных представителей продолжалась обычная работа ГЭС. За сентябрь и октябрь оно провело 16 заседаний, что отразило очередной пик деловой активности этого органа. Последний раз в Омске ГЭС собралось 30 октября 1919 г. Накануне, 29 октября, Верховный правитель подписал указ о перерыве заседаний в связи с эвакуацией¹⁸. Следующее заседание состоялось уже в Иркутске 8 декабря. Всего до 21 декабря 1919 г. удалось провести три заседания, возобновили работу комиссии: финансовая, бюджетная и по снабжению армии. Протокольные документы фиксируют только будничные мероприятия: утверждаются подго-

¹⁶ Правительственный вестник. 1919. 9 нояб.

¹⁷ Там же. 2, 3, 7 дек.

¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-190. Оп. 2. Д. 1. Л. 112.

товленные законопроекты, другие признаются нуждающимися в дальнейшей доработке в комиссиях. Словно не замечая краха на фронте, члены совещания вели себя так, словно впереди их ждала длинная сессия. Официальные документы совещания плохо передают атмосферу тех дней. Выступавшие на многолюдном (собралось 42 члена совещания) заседании 8 декабря допускали резко оппозиционные высказывания в адрес правительства [12, с. 220]. Но протокол заседания сообщает, что совещание выразило полную поддержку правительству и армии. Лишь последний пункт его «формулы перехода к очередным делам» провозглашал «немедленный созыв народного представительства для законодательства и контроля над действиями законодательной власти»¹⁹. Кроме того, утверждение новых членов комиссий взамен выбывших выдает массовое бегство членов ГЭС на восток. Под занавес, 22 декабря 1919 г., члены ГЭС от кооперации подали заявление о своем коллективном выходе из его состава²⁰. Но оно оказалось лишено смысла. Назначенное на этот день заседание не состоялось. Начавшееся через несколько дней вооруженное восстание в Иркутске привело к падению Российского правительства.

* * *

В структуре органов власти колчаковского режима ЧГЭС/ГЭС отводилась важная роль. Не случайно оно появилось в первые дни после установления колчаковской диктатуры и прекратило свою работу почти одновременно с падением власти А.В. Колчака; трижды его пытались реформировать, меняя статус, характер работы и полномочия, а вопросы о его преобразовании и деятельности всегда находились в центре внимания политических лидеров и общественности. Вместе с тем, большинство исследователей, даже обращаясь к документальным свидетельствам, остаются в плену оценок мемуаристов, активных участников событий. Эти далекие от объективности исторические источники, создатели которых склонны к искажениям прошлого в угоду собственной героизации, лишь при рентгеновском просвечивании способны пролить дополнительный свет на события, связанные с ГЭС, но не получившие достаточного отражения в делопроизводственных документах.

ЧГЭС/ГЭС, несомненно, представляет собою пример суррогатного представительного органа псевдопарламентского типа. Но практическая польза от его функционирования была несомненна. Его работа, во-первых, обнаружила недостатки в деятельности большинства ми-

¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 77. Л. 2.

²⁰ Там же. Ф. Р-190. Оп. 2. Д. 1. Л. 124.

нистерств и ведомств, а обсуждение, подчас нелицеприятное, но деловое, позволило наметить возможные пути исправления ситуации. ЧГЭС/ГЭС постепенно эволюционировало в сторону законосовещательного органа, усиливалась его практическая роль как инстанции подготовки законопроектов. Во-вторых, в условиях колчаковской диктатуры накапливался опыт конструктивного взаимодействия различных политических сил и власти, разработки и усовершенствования законотворческой процедуры, чем создавались предпосылки для перехода к режиму парламентского типа. Но в условиях неэффективности власти, функционировавшей в условиях «полураспада» единого правового и экономического пространства, подобные результаты не следует преувеличивать.

Трансформация важнейшей подпорки власти от совещательного органа (ЧГЭС) к законосовещательному (ГЭС), и оставшаяся в полшаге от реализации ее дальнейшей преобразование в законодательный орган (ГЗС), хотя и поддается вполне логическому описанию, но не кажется органичной. Эта мучительная и постепенная мутация продемонстрировала одно фундаментальное противоречие диктатуры, пытающейся опереться на общественность в условиях войны или кризиса. Логика эволюции представительного органа вела к постепенному расширению представительства и усложнению процедур согласования интересов в процессе разработки законодательства, тогда как обстоятельства требовали от правящей власти молниеносной реакции на вызовы, а значит упрощения всех процедур принятия решений. В этом смысле голоса скептиков, считавших несвоевременным эксперименты по расширению представительства общественности и полномочий совещательного органа, кажутся куда более взвешенными и разумными, чем весома и, в конце концов, одержавшая верх позиция сторонников «демократизации» режима.

Литература

1. *Иоффе Г.З.* Колчаковская авантюра и ее крах. М.: Мысль, 1983. 298 с.
2. *Дмитриев Н.И.* Из истории Чрезвычайного государственного экономического совещания // История «белой» Сибири. Кемерово, 1995. С. 64–67;
3. *Дмитриев Н.И.* Государственное экономическое совещание 1918–1919 гг. в литературе и документах // История России первой трети XX в.: историография, источниковедение. Екатеринбург, 1996. С. 41–43;
3. *Дмитриев Н.И.* Чрезвычайное государственное экономическое совещание: как это было? // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 1996. № 1. С. 65–98.
4. *Шиловский М.В.* Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 428 с.
5. *Никитин А.Н.* Государственность «белой» России: становление, эволюция,

- крушение. М.: Право и закон, 2004. 336 с.
6. *Зими́на В.Б.* Белое дело взбунтовавшейся России. М.: Рос. гуманит. ун-т, 2006. 467 с
 7. *Цветков В.Ж.* Белое дело в России. 1919 г. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2009. 636 с.
 8. *Шаццлло М.К.* Российская буржуазия в период Гражданской войны и первые годы эмиграции 1917 — начало 1920-х годов. М.: Наука, 2008. 342 с.
 9. *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент в русской истории 1918–1920: впечатления и мысли члена Омского правительства. Пекин, 1921. Т. 2. 622 с.
 10. *Кроль Л.А.* За три года. Владивосток, 1922. 212 с.
 11. *Мельгунов С.П.* Трагедия адмирала Колчака. М.: Айрс-пресс, Лагуна-Арт., 2005. Кн. 2. 496 с.
 12. *Вологодский П.В.* Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925) / Сост., предисл. и коммент. Д.Г. Вульф, Н.С. Ларькова, С.М. Ляндерса. Рязань, 2006. 660 с.

В.В. Журавлев
Д.Г. Симонов

О НАГРАДНОЙ СИСТЕМЕ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ РЕЖИМОВ ВОСТОКА РОССИИ (СЕРЕДИНА 1918 — НАЧАЛО 1920 Г.)

Институт истории СО РАН

В статье рассматривается вопрос о наградной системе антибольшевистских режимов востока России применительно к деятельности Временного Сибирского, Временного Всероссийского и Российского правительств. Делается вывод о том, что практика награждений носила противоречивый и разнонаправленный характер. Попытки адаптировать традиционную русскую наградную систему к радикально изменившимся обстоятельствам приводили к девальвации этих наград в глазах общества и армии. В данных обстоятельствах стала проявляться тенденция к учреждению новых, оригинальных знаков отличия. История учреждения новых орденов отразила идейно-политическую неоднородность антибольшевистского движения и низкую эффективность деятельности государственного аппарата. Несмотря на существенное внимание, уделявшееся лидерами антибольшевистского движения вопросу о наградах, целостная и эффективная наградная система на востоке России в период гражданской войны так и не сложилась.

Ключевые слова: гражданская война, армия, наградная система, ордена.

К 1917 году Российское государство имело развитую наградную систему, формировавшуюся на протяжении веков и отражавшую его сословную структуру, историю имперского строительства и политическую идеологию. Свержение императорской власти, Октябрьская революция и начавшаяся гражданская война раскололи бывшую единую государственную структуру на множество самостоятельных военно-политических образований. В каждом из них господствовавшие политические силы выстраивали свое отношение к предшествовавшей государственной традиции, искали свои варианты идейно-политического оформления власти. В наградной практике важнейших противников Советов, которыми являлись антибольшевистские режимы востока России, эти процессы отразились особенно ярко и характерно.

Вопрос о наградах в антибольшевистских вооруженных формиро-

ваниях периода гражданской войны в России, в том числе и на востоке страны, неоднократно освещался исследователями. Основоположником данной темы в историографии является эмигрантский историк П.В. Пашков, сделавший общий обзор наградной системы белых армий и описавший известные ему конкретные знаки отличия¹. Среди российских исследователей интерес к антибольшевистским наградам стал активно проявляться в 1990-е годы и сохраняется до настоящего времени. Так, в 1991 г. вышла книга А.А. Кузнецова, которая, следует заметить, является не чем иным, как переизданием исследования П.В. Пашкова, но под другим авторством². Издание П.В. Пашкова стало главным источником также для каталога П.В. Доценко³.

Важным направлением изучения темы является максимально полное введение в научный оборот документальных, прежде всего архивных, материалов. В этом отношении следует отметить публикации Д.И. Петерса⁴. В совокупности публикаций по теме можно выделить два главных сюжета, пользующихся особым вниманием авторов: о георгиевских наградах и об ордене «Освобождения Сибири». В рамках первого сюжета исследовательский интерес сосредоточен вокруг персональных данных георгиевских кавалеров и боевых обстоятельств, предшествовавших их награждению⁵.

¹ Пашков П.В. Ордена и знаки отличия гражданской войны 1917–1922 годов. Париж, 1961.

² Кузнецов А.А. О Белой армии и ее наградах. М., 1991.

³ Доценко В.Д. Каталог орденов и знаков отличия белого движения и русской военной эмиграции. СПб.: Петрополис, 1992.

⁴ Петерс Д.И. Материал к истории наград периода Гражданской войны и Белого движения 1918–1922. Филадельфия, 1996; *Он же*. Дополнительные материалы к истории наград периода Гражданской войны и Белого движения 1918–1922 гг. Филадельфия, 1997.

⁵ Езеев А. К вопросу о «допустимости», «легитимности» и «правомочности»... (Из истории Георгиевских наград на Востоке России в 1918–1919 гг.) // Военная быль. № 4(133). 1993. С. 9–15; Шевелев Д.Н. Георгиевские награды в Русской армии адмирала Колчака // История белой Сибири: Тезисы 4-й научн. конф. 6–7 февраля 2001 г. Кемерово, 2001. С. 124–127; Кузнецов Н.А. Последние Георгиевские кавалеры Российского флота // Доброволец. 2003. № 2. С. 14–17; Каревский А.А. Георгиевские награды Особого Маньчжурского отряда атамана Г.М. Семенова // Белая гвардия. № 8: Казачество России в Белом движении. М.: Посев, 2005. С. 285–286; Крицкий Н., Буяков А. Некоторые особенности награждения Георгиевскими наградами в белом движении на Дальнем Востоке России (1918–1922 гг.) // Нумизматика і Фалеристика. 2002. № 4(24). С. 19–21; Петров А.А. Знак Отличия Военного Ордена «За Великий Сибирский поход» как Георгиевская награда // Рейтар. № 35 (2/2007). М., 2007. С. 188–199;

Об ордене «Освобождения Сибири» одним из первых написал П.В. Пашков, заметив, что сведения о нем скудны и не особенно достоверны. В книгах И.В. Можейко (Всеволодова) об этом ордене содержится противоречивая информация. Сначала автор сообщил, что орден учредил адмирал А.В. Колчак в июле 1919 г., а затем высказал предположение, что он был «придуман во времена Сибирской директории, но с падением ее и переходом власти к Колчаку последним сохранен». А.А. Кузнецов и Н.И. Чепурнов утверждают, что орден был учрежден осенью 1918 г. Временным Всероссийским правительством (Директорией). И.Ф. Плотников также полагает, что орден был учрежден Директорией, но в июне 1919 г. А.В. Колчак ввел его «новый статус»⁶.

Наиболее подробно тема о наградах отражена в публикациях А.И. Рудиченко. Автор рассмотрел нормативную базу и практику награждений российскими императорскими наградами в антибольшевистских вооруженных формированиях в условиях гражданской войны 1918–1921 гг. Важной исследовательской составляющей работ А.И. Рудиченко является введение в научный оборот широкого комплекса источников. Им составлены списки кавалеров ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия, получивших эти награды в гражданскую войну; на основании изучения большого количества Георгиевских крестов и медалей частного производства предложена их классификация. А.И. Рудиченко привел сведения о 90 нагрудных знаках, наградах и кольцах, учрежденных в Белом движении и хранящихся в настоящее время в частных и музейных коллекциях России и зарубежных стран. Должное внимание в его публикациях уделено и наградам востока России⁷.

В целом в центре внимания исследователей и публикаторов, изучавших наградную систему контрреволюционных режимов в период гражданской войны, находится выявление и аккумуляция эмпириче-

Пыхалов И.В. Георгиевские кресты для «белых орлов» // Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana). 2009. № 4. С. 32–40.

⁶ *Пашков П.В.* Ордена и знаки отличия гражданской войны 1917–1922 годов. Париж, 1961. С. 20; *Всеволодов И.В.* Беседы о фалеристике. Из истории наградных систем. М., 1990. С. 259; *Кузнецов А.А., Чепурнов Н.И.* Наградная медаль. М., 1995. Т. 2. 1917–1988. С. 53–54; *Плотников И.Ф.* Александр Васильевич Колчак. Жизнь и деятельность. Ростов н/Д: Феникс, 1998. С. 217.

⁷ *Рудиченко А.И.* Награды императорской России в период Гражданской войны: законодательство, практика награждения, типы и разновидности. М., 2007; *Он же.* Награды и знаки белых армий и правительств 1917– 1922 гг. Учредительные документы, изготовление, практика награждения, типы и разновидности. М., 2008.

ских материалов. В то же время очевиден явный дефицит исторического анализа и интерпретации этих материалов. В данной статье мы намереваемся, с одной стороны, осветить процесс возникновения и функционирования наградной системы на востоке России, а с другой — выявить его логику и закономерности⁸.

* * *

Крупнейшим объединением антибольшевистских войск на востоке России в 1918 г. являлась Сибирская армия. Она начала формироваться из русских офицеров, добровольцев и казаков в конце мая — начале июня 1918 г. в ходе выступления Чехословацкого корпуса. В политическом отношении войска армии находилась под руководством Западно-Сибирского комиссариата. На первых порах военнослужащие Сибирской армии не получали каких-либо наград. В условиях, когда исход антибольшевистского восстания еще не был ясен, вопрос о наградах вряд ли мог кем-нибудь приниматься всерьез. Но к началу июля положение белых упрочилось; Сибирская армия стала весьма грозной силой, и ее боевая деятельность приобрела вид планомерных наступательных операций.

Судя по сохранившимся документальным материалам, впервые вопрос о необходимости введения в Сибирской армии наград за боевые отличия был поднят командиром Средне-Сибирского корпуса подполковником А.Н. Пепеляевым и командующим чехословацкими войсками, действовавшими восточнее Омска, капитаном Р.Гайдой. Соответствующее ходатайство 29 июня 1918 г. Пепеляев направил в штаб армии. Эту позицию активно поддержал уполномоченный Западно-Сибирского комиссариата Н.В. Фомин. 29 июня 1918 г. он направил на адрес комиссариата телеграмму, в которой заявил о необходимости учреждения почетного знака отличия «За храбрость» и предоставления А.Н. Пепеляеву и Р. Гайде права награждения этим знаком от имени правительства автономной Сибири⁹. В телеграмме от 30 июня Фомин еще раз сообщил, что «из разговоров с комкором и

⁸ Подобный подход к изучению наградных систем в литературе последних лет реализован в исследованиях Б.И. Колоницкого, А.И. Савина и В. Деннингхауса (см.: *Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры российской революции 1917 года. 2-е изд., испр. и доп.* СПб.: Лики России, 2012; *Савин А.И., Деннингхаус В. «Смотришь, и Мане и Тане какой-то „Знак Почета“ попадает...» Брежневская «индустрия» награждений и советское общество // Российская история. 2014, № 2. С. 127–149).*

⁹ ГА РФ. Ф. Р.-176. Оп. 1. Д. 1, Л. 322. (Документ предоставлен проф. В.И. Шишкиным, авторы благодарят его за этот и ряд др. источников, использованных в данной статье).

капитаном Гайдой уяснил необходимость создания награды за храбрость»¹⁰.

Именно в этот день, 30 июня 1918 г., Западно-Сибирский комиссариат передал свои властные полномочия на освобожденной от большевиков территории Сибири Совету министров Временного Сибирского правительства под председательством П.В. Вологодского, а 1 июля командующий Сибирской армией полковник А.Н. Гришин-Алмазов был официально назначен управляющим военным министерством этого правительства с оставлением в должности командующего армией. Решая многочисленные вопросы по организации военного ведомства Временного Сибирского правительства, Гришин-Алмазов не оставил без внимания и вопрос о наградах. К этому его могло подтолкнуть и ходатайство А.Н. Пепеляева, хотя, как профессиональный военный, Гришин-Алмазов должен был понимать, что награды — один из необходимых атрибутов любой армии. Поэтому он вынужден был, так или иначе, решить данный вопрос.

По распоряжению А.Н. Гришина-Алмазова 2 июля 1918 г. была образована специальная комиссия по выработке статута «Ордена Сибирской армии». Председателем комиссии был назначен дежурный генерал штаба Сибирской армии подполковник К.А. Троицкий, членами — начальник инженерных войск армии подполковник Н.А. Завьялов, инспектор артиллерии армии подполковник П.А. Бобрик, командир 4-го Степного Сибирского стрелкового полка капитан А.Г. Онушкевич и подъесаул Михайлов. Обсудив вопрос о награждении орденами, комиссия признала, что «установление в настоящее время какого бы то ни было ордена или внешнего знака отличия — преждевременно».

Свое решение комиссия аргументировала тремя обстоятельствами. Во-первых, бойцы Сибирской добровольческой армии — люди, безусловно, идейные, и для них знак внешнего отличия не будет играть существенной роли. Во-вторых, многие из них рассматривают борьбу за свободу Сибири и Сибирское Учредительное собрание как составную часть борьбы за Россию во главе с Всероссийским Учредительным собранием. Для таких борцов орден от Временного Сибирского правительства не станет достаточно высокой наградой. В-третьих, «награждение орденами теперь, когда состав армии почти исключительно офицерский, даст повод для демагогии». В то же время, сознавая необходимость сохранить для потомков имена и подвиги лиц, особо отличившихся в боях и в деле воссоздания армии и государства, комиссия признала желательным учредить особую «Почет-

¹⁰ ГА РФ. Ф. Р.-151. Оп. 1. Д. 7. Л. 91.

ную книгу», в которую предлагалось заносить имена этих лиц с описанием их заслуг и подвигов. В будущем эту книгу предполагалось передать Учредительному собранию, «которое одно вправе оценить и вознаградить заслуги, оказанные государству»¹¹.

Из приведенной выше информации явствует, что члены комиссии прежде всего обсуждали возможность или невозможность учреждения особого знака отличия для военнослужащих Сибирской армии, а вопрос о восстановлении прежней, дореволюционной, системы наград скорей всего даже и не поднимался. Временное Сибирское правительство отнюдь не являлось преемником царского и Временного 1917 года правительств. В его декларации «О государственной самостоятельности Сибири» от 4 июля 1918 г. прямо говорилось о том, что российская государственность распалась и ее возрождение — дело будущего¹². В этой связи у Временного Сибирского правительства и, соответственно, командования Сибирской армии не было никаких оснований использовать наградную систему не существующего государства.

А.Н. Гришин-Алмазов утвердил решения комиссии, добавив, что почетные книги надлежит вести в штабах корпусов. Одновременно командарм приказал объявить, что за боевые отличия военнослужащие будут награждаться чинами, назначением на более высокие должности, а также сообщением о подвигах в приказах по полкам, дивизиям, корпусам и армии¹³. Приказом по Сибирской армии от 2 июля 1918 г. первые четыре военнослужащих получили производство в следующие чины, в том числе командир Степного Сибирского корпуса полковник П.П. Иванов-Ринов — в генерал-майоры, командир Средне-Сибирского корпуса подполковник А.Н. Пепеляев — в полковники, командир роты отряда есаула Красильникова капитан К.В. Неофитов-Неволин — в подполковники (посмертно) и начальник гарнизона г. Тайга доброволец В. Кротов — в прапорщики¹⁴. В тот же день полковник Гришин-Алмазов приказал командирам корпусов представить по команде к производству в следующие чины особо отличившихся в боях офицеров и добровольцев. В приказе обращалось внимание на то, что «должны быть представлены только самые достойные с должным разбором, и начальникам не руководствоваться нежеланием

¹¹ РГВА. Ф. 39512. Оп. 1. Д. 58. Л. 12.

¹² Временное Сибирское правительство. 26 мая — 3 ноября 1918 г. Сб. документов и материалов. Сост. и науч. редактор В.И. Шишкин. Новосибирск, 2008. С. 117–118.

¹³ РГВА. В. 39512. Оп. 1. Д. 58. Л. 12.

¹⁴ Сибирская речь. 1918. 12 июля.

обидеть, причинить неприятность»¹⁵. С этого времени за боевые или иные заслуги военнослужащие Сибирской армии стали производиться в следующие чины вплоть до генеральских¹⁶.

Вопрос о награждении орденами, однако, решался независимо от позиции штаба Сибирской армии и военного министерства Временного Сибирского правительства. 21 августа 1918 г. командующий войсками Восточного фронта полковник Р. Гайда приказал командиру Средне-Сибирского корпуса полковнику А.Н. Пепеляеву и начальнику чехословацких войск капитану Э. Кадлецу «для рассмотрения представлений к награждению орденом Св. Георгия за подвиги, оказанные с 20 июля по 20 августа», собрать 23 августа при штабе фронта в г. Верхнеудинск Георгиевскую думу. Членов Георгиевской думы, председателем которой Р. Гайда объявил себя, предлагалось назначить А.Н. Пепеляеву совместно с капитаном Э. Кадлецом¹⁷.

Собравшаяся Георгиевская дума приняла решение о награждении ряда русских и чехословацких офицеров орденами Св. Георгия. Орденами IV степени были награждены начальник штаба Восточного фронта подполковник Б.Ф. Ушаков (посмертно), начальник чехословацких войск Восточного фронта капитан Э. Кадлец и старший адъютант оперативного отделения штаба Средне-Сибирского корпуса поручик Макаров. В числе награжденных III степенью ордена оказались командующий Восточным фронтом полковник Р. Гайда и командир Средне-Сибирского корпуса полковник А.Н. Пепеляев. С морально-этической точки зрения данное решение выглядит весьма неоднозначно, так как Гайда и Пепеляев осуществили не что иное, как самонаграждение высшим российским боевым орденом. Но, с другой стороны, постановление Георгиевской думы могло приобрести силу только после его утверждения высшим органом государственной власти — Временным Сибирским правительством.

О решении Георгиевской думы 28 августа Гайда сообщил Гришину-Алмазову с надеждой, что тот утвердит ее решение или посодействует этому. Однако командующий Сибирской армией весьма критически, даже болезненно, отреагировал на данную инициативу. В тот же день по его приказу в штабе Сибирской армии собрались 36 находившихся в Омске офицеров, являвшихся георгиевскими кавалерами

¹⁵ ГАТО. Ф. 1362. Оп. 1. Д. 213. Л. 145.

¹⁶ А.Н. Гришин-Алмазов был произведен в генерал-майоры указом Временного Сибирского правительства от 10 июля 1918 г., А.Н. Пепеляев — приказом по Сибирской армии от 10 сентября 1918 г., Р. Гайда — приказом Чехословацкого национального совета в России от 2 сентября 1918 г.

¹⁷ РГВА. Ф. 39888. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

и кавалерами Георгиевского оружия, для решения вопроса о награждении офицеров и солдат орденами Св. Георгия, Георгиевским оружием, Георгиевскими крестами и Георгиевскими медалями. Собравшиеся офицеры единогласно высказались за то, что такие награждения уместны лишь в войне с внешним врагом, но неуместны в войне гражданской¹⁸.

Вечером того же дня, точнее в 24 часа 28 августа, Гришин-Алмазов отправил телеграмму, адресованную Отделению Чехословацкого национального совета, штабу Средне-Сибирского корпуса, командиру Чехословацкого корпуса генералу В.Н. Шокорову и представителю французского военного командования в Сибири майору А. Гине. В этой телеграмме Гришин-Алмазов заявил, что бесспорное право решения всех вопросов, связанных с награждением офицеров и солдат Георгиевскими крестами, принадлежит только ему, «как русскому генералу и командующему всеми русскими войсками». «Я, — заявил Гришин-Алмазов, — принял решение не награждать никого на территории Сибири этим святым для нас, русских, орденом до тех пор, пока не будет назначен главнокомандующий». Констатируя тот факт, что Гайда игнорирует его распоряжения и «продолжает настаивать на своем», Гришин-Алмазов потребовал от адресатов принять соответствующее решение.

По всей видимости данный вопрос вызвал дискуссию среди «союзников», в силу чего Гришин-Алмазов в 18 час. 29 августа направил тем же адресатам (исключая штаб Средне-Сибирского корпуса) еще одну телеграмму, в которой, повторив и усилив свои прежние аргументы, категорично заявил, что «у полковника Гайды нет ни юридического, ни морального права отдавать подобные приказы», и предложил для преодоления инцидента «действовать в соответствии с законом, т. е. предоставить решение этой проблемы мне».

В свою очередь Гайда 30 августа отправил из штаба Средне-Сибирского корпуса следующую телеграмму, в которой, не только без каких-либо серьезных доводов продолжал настаивать на своем праве созывать Георгиевскую думу, но и в крайне оскорбительной форме охарактеризовал Гришина-Алмазова как военачальника, не принимавшего участия в боях, тылового командира без войск¹⁹. Отметим, что прямо или косвенно выпады Гайды против Гришина-Алмазова

¹⁸ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 147. Л. 129; Заря. 1918. 1 сентября.

¹⁹ *Ориан Э.* Русские награды от чехословацкого генерала // Русская традиция: Общественная организация. [Электронный ресурс].

<http://www.ruslo.cz/articles/914/>

являлись составной частью, организованной «союзниками» широко-масштабной кампании по дискредитации командующего Сибирской армии и управляющего военным министерством Временного Сибирского правительства, завершившейся его отставкой 6 сентября 1918 г.

23 сентября 1918 г. на Государственном совещании в Уфе было образовано Временное Всероссийское правительство (Директория), местопребыванием которого был избран Омск. В отличие от Временного Сибирского это правительство вполне могло претендовать на право восстановить прежнюю наградную систему. Однако член Директории и назначенный ею Верховный главнокомандующий генерал В.Г. Болдырев не только был противником награждения традиционными русскими орденами, но и официально запретил производство в чины за боевые заслуги.

В этих условиях августовские инициативы Р. Гайды могли вылиться в политический и международный скандал, учитывая, что тот продолжал настаивать на своих правах и даже заказал екатеринбургской фирме «Липин» изготовление нескольких сотен экземпляров русских орденов и солдатских Георгиевских крестов. 16 октября 1916 г. Отделение Чехословацкого национального совета, желая разрешить эту неприятную для него проблему, через свой военный отдел направило письмо командиру Чехословацкого корпуса генералу Я. Сыровому: «В приказах чехословацким войскам восточнее Омска № 26, 28 обнародованы списки награжденных в последних боях офицеров и рядовых. Чехословацкая армия, будучи самостоятельным подразделением, не вправе присуждать иностранные награды, тем более в теперешнее время награды русские. Это абсурд, а потому мы просим, чтобы были сделаны шаги, предотвращающие подобную практику, которая для нас позор перед всем военным миром». Штаб Чехословацкого корпуса присоединился к этому мнению, но, сознавая необходимость наградить ранее отличившихся в боях солдат и офицеров, предложил заменить уже присужденные русские награды только что учрежденными чехословацкими — орденом «За свободу» и медалью Яна Жижки²⁰.

Очевидно, что Гайда не имел никаких, даже формальных, прав награждать традиционными русскими орденами. И дело не только в том, что Гайда являлся офицером чешской службы. Ордена являются государственными наградами, а официальный представитель тогдашнего государства, управляющий военным министерством Временного Сибирского правительства А.Н. Гришин-Алмазов, совершен-

²⁰ Там же.

но четко высказалось в том смысле, что награждений орденами и другими знаками отличия в ближайшее время не предполагается.

Совершенно неуместны ссылки Гайды на права, которыми он как командующий фронтом якобы располагал согласно утвержденному в 1914 г. «Положению о полевом управлении войск в военное время». Согласно этому положению командующий фронтом действительно мог от имени императора награждать орденами. Фронт — высшее оперативно-стратегическое объединение войск — группа армий под началом одного главнокомандующего. За все время гражданской войны на востоке России под это определение подпадал только образованный адмиралом Колчаком в июле 1919 г. фронт, официально именованный «Восточным». Этот фронт, подразделявшийся на три армии, просуществовал до февраля 1920 г. Летом — осенью 1918 г. широко применялось понятие фронта как совокупности войск, действовавших на каком-либо самостоятельном направлении. При этом на таких фронтах могло находиться от нескольких сотен до нескольких тысяч бойцов. Кроме Восточного фронта (направления), войска которого находились под командованием Гайды, в июле — августе 1918 г. существовали также Ишимский, Шадринский, Тобольский, Славгород — Барнаульский, Семиреченский, Екатеринбургский, Верхнеуральский и другие фронты (направления). И, пожалуй, никому, кроме Гайды, не приходило в голову приравнивать полномочия командующего войсками такого фронта к полномочиям главнокомандующих Юго-Западного, Северо-Западного, Западного, Северного и Кавказского фронтов времен Первой мировой войны.

Несмотря на позицию и русского, и чехословацкого военного командования, Гайда, а вместе с ним и Пепеляев, продолжали осуществлять самочинные награждения. Приказом от 17 ноября 1918 г. за храбрость, проявленную частями в прошедших боях, А.Н. Пепеляев награждал каждый из шести действующих полков своего I Средне-Сибирского корпуса десятью Георгиевскими крестами. Каждая сотня и эскадрон, а также комендантская рота штаба корпуса получили по три креста, комендантская рота 1-й Сибирской стрелковой дивизии и телеграфная рота корпуса — по два креста, офицерская рота 1-й дивизии — пять крестов. Кроме того, командирам частей предлагалось немедленно представить к Георгиевским крестам особо отличившихся солдат и к наградам — офицеров. Ввиду того, что заказанные кресты еще не были изготовлены, Пепеляев предложил нашивать вместо них георгиевские ленточки²¹. «За блестящие бои» 28 ноября —

²¹ РГВА. Ф. 39509. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.

2 декабря 1918 г. командующий Екатеринбургской группой генерал Р. Гайда приказом от 2 декабря пожаловал на каждые батарею, роту, эскадрон, сотню и команду войск генералов Г.А. Вержбицкого, В.В. Голицына и А.Н. Пепеляева по два Георгиевских креста для награждения особо отличившихся²². Кроме того, 4 декабря Гайда награждал каждую батарею, роту, эскадрон и сотню по одной чешской медали Яна Жижки III степени. Эти награды предлагалось выдать солдатам «за особенно оказываемые подвиги»²³.

Адмирал А.В. Колчак, провозглашенный 18 ноября 1918 г. Верховным правителем и Верховным главнокомандующим, смотрел на подобное самоуправство своих подчиненных — генералов Гайды и Пепеляева — сквозь пальцы. И к тому были основания. Во-первых, войска под их командованием одерживали победы и, во-вторых, оба они поддержали государственный переворот, в результате которого Колчак пришел к власти. В ознаменование их военных и политических заслуг и с тем, чтобы снять ранее возникшее напряжение, Верховный правитель в начале декабря 1918 г. утвердил постановление Георгиевской думы при штабе Восточного фронта. Кроме того, признание награждения офицеров чешской службы Р. Гайды, Б.Ф. Ушакова и Э. Кадлеца являлось своего рода жестом доброй воли в отношении Чехословацкого корпуса, войска которого в это время начали покидать фронт.

* * *

В преддверии весеннего наступления колчаковских армий военное министерство Российского правительства закончило разработку единой системы наград, и 8 февраля 1919 г. Колчак утвердил «Правила награждения офицеров, военных врачей, военных чиновников, военных священников и солдат орденами и другими знаками отличия». В соответствии с этими «Правилами» восстанавливались награждения орденам Св. Георгия и Георгиевским оружием, орденами Св. Владимира до II ст. включительно и Св. Анны всех четырех степеней, Георгиевскими крестами и Георгиевскими медалям. Награждение орденом Св. Станислава всех степеней отменялось, но получившим этот орден в прежнее время предоставлялось право его ношения. Отменялось также награждение офицеров Георгиевскими крестами с лавровыми ветками, а ношение этих крестов не разрешалось.

Представления о награждениях орденом Св. Георгия IV ст. лиц ниже начальника дивизии выносились на рассмотрение Георгиевских

²² Свободное слово. 1918. 10 декабря.

²³ Отечественные ведомости. 1918. 8 декабря.

дум, учреждаемых командующими армиями. Представления же о награждениях орденами Св. Георгия III ст., а также представления о награждениях орденами Св. Георгия начальников дивизий и выше разбирались в Думах, учреждаемых при штабах фронтов или при штабе Верховного главнокомандующего. Награждения орденами Св. Анны III и IV степеней осуществлялось командующими армиями, а орденами до Св. Анны II ст. включительно — главнокомандующими армиями фронтов. Все эти награждения подлежали окончательному утверждению Верховным правителем. Право награждения солдат Георгиевскими крестами предоставлялось командирам корпусов, Георгиевскими медалями — начальникам дивизий.

Из-за отсутствия готовых орденов устанавливалось взамен их ношение соответствующих орденских ленточек в виде горизонтально нашитых полосок на левой стороне груди. Если у офицера или генерала имелись ордена всех степеней, то на первой нижней полоске располагались ленточки нагрудных орденов Св. Георгия IV ст., Св. Владимира IV ст. и Св. Анны 3 ст., а также ленточки медалей за участие в войнах; на второй — средней — полоске нашивались ленточки шейных орденов Св. Георгия III ст., Св. Владимира III ст. и Св. Анны II ст.; на третьей — верхней — полоске располагались ленточки орденов Св. Георгия II ст., Св. Владимира II ст. и Св. Анны I ст., причем на ленточках двух последних орденов прикреплялись звездочки, установленные для погон. Награжденные в прежнее время орденами Св. Станислава I, II и III степеней носили ленточки этого ордена левее ленточек орденов Св. Анны I, II и III степеней.

Награжденные Георгиевским оружием и орденом Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость» за неимением темляков носили темлячные квадратные ленточки, которые нашивались над петлей клапана левого нагрудного кармана. Для солдат, награжденных Георгиевскими крестами, также устанавливалось ношение ленточек, расположенных посередине левой стороны груди. Ниже носили ленточки Георгиевских медалей²⁴.

Отметим, что официально возобновленное награждение русскими орденами и медалями касалось только военнослужащих, но не гражданских лиц. В этом отношении Российское правительство сохраняло преемственность с Временным правительством 1917 г.

Наиболее почитаемыми и знаковыми в карьере любого офицера были георгиевские награды — ордена и оружие. Согласно списку, приведенному в монографии А.И. Рудиченко, в период гражданской

²⁴ РГВА. Ф. 39466. Оп. 1. Д. 31. Л. 1–5, 9.

войны в вооруженных формированиях востока России георгиевские награды получили, как минимум, 124 генерала и офицера, в том числе 10 человек были награждены орденом Св. Георгия III ст., 88 человек — орденом IV степени и 26 человек — Георгиевским оружием. Из них трое были удостоены георгиевских наград дважды — генералы С.Н. Войцеховский и В.О. Каппель — орденов IV и III степеней, а штаб-капитан К.А. Бокин — ордена IV степени и Георгиевского оружия²⁵.

В числе награжденных был и адмирал А.В. Колчак. 15 апреля 1919 г. состоялось заседание Георгиевской думы при штабе Сибирской армии в Екатеринбурге. В состав Думы, в которой председательствовал командующий армией генерал Р. Гайда, входили генералы А.Н. Пепеляев, Г.А. Вержбицкий, Б.М. Зиневич, Б.П. Богословский, В.(П.)Л. Томашевский и полковник А.Н. Лабунцов. Дума постановила: «За разгром армий противника Русскими армиями под управлением Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего адмирала А.В. Колчака, на основании параграфа 1 статьи 8-ой Георгиевского статута, просить Верховного правителя и Верховного главнокомандующего адмирала Колчака принять орден Святого Георгия 3-ей степени». 20 апреля 1919 г. Колчак подписал приказ № 121, утвердивший это постановление. В приказе также было сказано: «Принимая эту высокую воинскую награду, я уверен, что доблестная возрожденная Русская армия не ослабеет в своем порыве и до конца доведет дело освобождения России от врагов и поможет ей снова стать могучей и сильной в среде великих держав мира»²⁶.

Офицеры награждались орденами Св. Георгия и Георгиевским оружием не только за боевые отличия в ходе гражданской войны, но и за подвиги, совершенные во время Первой мировой. Например, приказом от 22 июня 1919 г. по удостоению постоянной Думы ордена Св. Георгия в Омске адмирал А.В. Колчак наградил орденом Св. Георгия IV ст. «бывшего 163-го Ленкоранско-Нашебургского полка, ныне помощника начальника 11-й Сибирской стрелковой дивизии полковника Ивана Лескова за то, что в бою 22 июля 1917 года у м. Боян, командуя 2-м батальоном полка и находясь в передовых цепях его под сильным ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем противника, примером личной храбрости воодушевив роты батальона, стремительно атаковал противника в лесу Должок, быстро овладел лесом

²⁵ Рудиченко А.И. Награды императорской России в период Гражданской войны: законодательство, практика награждения, типы и разновидности. М., 2007. С. 105–112.

²⁶ Езеев А. К вопросу о «допустимости», «легитимности» и «правомочности»... С. 10.

и с незначительными потерями батальона нанес жестокое поражение противнику, захватив в плен 15 офицеров, 425 солдат и 7 действующих пулеметов, частью обращенных сейчас же против неприятеля. Благодаря атаке, главная линия обороны была вынесена вперед и закреплена за нашими войсками»²⁷.

Приказом от 12 июля 1919 г. по удостоению постоянной Думы Георгиевского оружия в городе Омске А.В. Колчак наградил Георгиевским оружием капитана 2-го ранга Петра Тихменева «за то, что, будучи в чине старшего лейтенанта командиром эскадренного миноносца „Войсковой“, 6 октября 1917 г., получив приказание поставить минное заграждение на рейде Куйвасту, с успехом выполнил таковое, несмотря на огонь 2-х неприятельских миноносцев, старавшихся не допустить постановки минного заграждения, имевшей важное значение для хода наших морских операций»²⁸.

Приказом от 22 сентября по удостоению той же Думы Георгиевским оружием был награжден подъяесаул Забайкальского казачьего полка Николай Аникьев «за то, что, будучи в чине хорунжего, в боях 11, 12 и 13 июня 1917 года при взятии высоты правого опорного пункта турецкой позиции по левому берегу реки Абиширвина, в течение трех суток отбивал ожесточенные атаки превосходящего в силах противника, сходясь до метания ручными гранатами, что заставило противника оттянуть к этому пункту значительные силы от Бистанских позиций, взятых вследствие этого нашими частями. В бою 18 июня того же года под Пинчвинским массивом, занятым одним батальоном с двумя пулеметами и одним орудием противника, атакой в конном строю, подавая пример личной храбрости, под ружейным и пулеметным огнем противника довел свою сотню до удара холодным оружием, выбил турок из правого участка Пинчвинских высот и занял их»²⁹.

Основными наградами для офицеров являлись ордена Св. Владимира и Св. Анны. По понятным причинам немногочисленными были награждения их высшими (генеральскими) степенями. Ордена Св. Владимира II ст. с мечами был удостоен командующий войсками Приамурского военного округа и Главный начальник Приамурского края генерал С.Н. Розанов, ордена Св. Анны I ст с мечами — командир III Уральского корпуса генерал В.В. Голицын и командир бригады 7-й

²⁷ Русская армия. 1919. 12 июля

²⁸ Русская армия. 1919. 23 июля

²⁹ Русская армия. 1919. 19 октября.

Уральской дивизии горных стрелков генерал М.С. Тарасевич³⁰. Наиболее распространено было награждение «обер-офицерскими» орденами Св. Анны III и IV степеней.

Массовый характер носило награждение солдат Георгиевскими крестами и медалями. При этом ряд лиц, ранее отличившихся на фронтах Первой мировой войны, во время войны гражданской стали полными георгиевскими кавалерами. Так, приказом по Сибирской армии от 28 февраля 1919 г. Георгиевскими крестами 1-й степени были награждены двое военнослужащих: младший унтер-офицер 9-го Иркутского Сибирского стрелкового полка С.С. Кудрявцев за то, что «в бою 20 августа 1918 г. у ст. Верхнеудинск при проходе броневика через станцию первым выскочил из вагона и под сильным ружейным и пулеметным огнем в штыковой атаке выбил противника со ст. Верхнеудинск»; старший унтер-офицер 10-го Байкальского Сибирского стрелкового полка С.И. Ткаченко за то, что «в бою 7 августа 1918 г. под станцией Мурино, будучи с пулеметом в передовой цепи, под сильным ружейным и пулеметным огнем противника продвинулся с пулеметом вперед и своим огнем заставил замолчать пулемет противника, после чего совместно с бойцом Иркутского полка бросился вперед и забрал пулемет системы „Максим“»³¹.

17 апреля 1919 г. А.В. Колчак утвердил «Правила о награждении медалями с надписью „За усердие“ строевых солдат, зауряд военных чиновников, чиновников военного времени, не имеющих классных чинов, сестер милосердия и лиц равного звания, состоящих в действующих армиях». Эти медали предназначались для награждения лиц, которые по роду своей службы не могли заслужить награждения Георгиевскими крестами или медалями. Право награждения медалями от имени Верховного правителя и Верховного главнокомандующего предоставлялось начальнику штаба Верховного главнокомандующего, главнокомандующим армиями фронта и командующим армиями «за отлично-боевую службу под огнем противника» и «за отлично-усердную и особо ревностную службу и труды, понесенные на театре военных действий».

При награждениях предписывалось руководствоваться «медальной постепенностью, а именно: 1) серебряная нагрудная на национальной ленте, 2) серебряная нагрудная на Аннинской ленте, 3) золотая нагрудная на национальной ленте, 4) золотая нагрудная на Аннинской ленте, 5) серебряная шейная на национальной ленте, 6) се-

³⁰ Русская армия. 1919. 12, 23 июля, 3 августа.

³¹ Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010. С. 565.

ребриная шейная на Аннинской ленте, 7) серебряная шейная на Владимирской ленте, 8) серебряная шейная на Александровской ленте, 9) золотая шейная на национальной ленте, 10) золотая шейная на Аннинской ленте, 11) золотая шейная на Владимирской ленте, 12) золотая шейная на Александровской ленте и 13) золотая шейная на Андреевской ленте.

Лица, имевшие Георгиевские кресты III или IV степеней должны были представляться в качестве первоначальной награды к серебряной шейной медали на национальной ленте, кресты I или II степеней — к золотой шейной на той же ленте. Имевших Георгиевские медали III или IV степеней следовало представлять к награждению серебряной нагрудной медалью на Аннинской ленте, I и II степеней — к золотой нагрудной на национальной ленте. К награждению медалями «за усердие» разрешалось одновременно представить не более 25 % списочного состава воинской части или учреждения, а межнаградной срок устанавливался в шесть месяцев³².

В отличие от Георгиевских крестов и медалей, награждения медалями «За усердие» применялись нечасто. Например, в Сибирской армии нами выявлен единственный такого рода случай — приказом по армии № 272 от 5 мая 1919 г. были награждены серебряной нагрудной медалью с надписью «За усердие» на аннинской ленте 23 военнослужащих 1-го Красноуфимского добровольческого батальона, в том числе «за отлично-боевую службу под огнем противника» — фельдфебель Г. Северюхин, старшие унтер-офицеры С. Волков и Ф. Анферов, В. Гостюхин, А. Стахийев и В. Конюхов, младшие унтер-офицеры П. Мартюшев, И. Константинов, С. Петухов, Глазков и И. Глазков, ефрейтор Н. Феденев, рядовые Д. Рябухин, Ф. Петухов, Ш. Садыков, А. Токмаков и И. Карпов; «за отлично-усердную и особо ревностную службу и труды, понесенные на театре военных действий» — батальонный писарь В. Пономарев, старшие писари Г. Дьяков, Н. Кузнецов, М. Пономарев, М. Чернавин и Г. Телемин³³.

В июне — июле 1919 г. в Российском правительстве активно обсуждался вопрос о создании единой системы наград. 6 июня, управляющий делами Верховного правителя и Совета министров Г.Г. Тельберг отдал распоряжение юрисконсультской части своего управления образовать комиссию для рассмотрения предложенного В.В. Энгель-

³² ГА РФ. Ф. Р.-176. Оп. 1. Д. 154. Л. 1–2.

³³ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 140. Л. 172. В исследовании А.И. Рудиченко упоминается неатрибутированная медаль «За усердие» с клеймом «СА». Возможно, награждения именно такой медалью практиковались в Сибирской армии.

фельдтом проекта постановления Совета министров «О восстановлении деятельности Капитула российских орденов». Планировалось возобновить с некоторыми изменениями «Учреждение орденов» 1892 года. При этом во всех случаях, где ранее в его тексте имелись ссылки на высочайшую власть или особу императорского величества, предлагалось заменить таковые ссылками на власть и особу Верховного правителя. Предполагалось, что капитул как орган, заведующий всеми орденами и знаками отличия, будет входить в состав управления делами, а Канцлером российских орденов станет управляющий делами Верховного правителя и Совета министров.

Судя по сохранившимся документам, дважды, 10 и 12 июня, в юрисконсультской части планировалось заседание комиссии для рассмотрения данного вопроса. Конкретные выводы комиссии, если она собиралась, нам не известны³⁴. Но 1 июля главноуправляющий делами Верховного правителя и Совета министров выступил в совмине с представлением о восстановлении капитула российских орденов. После обсуждения данного вопроса было принято следующее постановление: «Признавая восстановление деятельности капитула российских орденов несвоевременным и в то же время находя принципиально желательным установление наград лицам, состоящим на государственной службе, представление снять с обсуждения и образовать при управлении делами Российского правительства междуведомственную комиссию для обсуждения вопроса о способах поощрения лиц, состоящих на государственной службе, в целях выработки системы мер, имеющих значение наград»³⁵.

Таким образом, Капитул российских орденов восстановлен не был. В условиях дефицита государственного бюджета, кадрового голода и всеми признаваемой «раздутости» центрального аппарата управления создание еще одной структуры с сомнительными функциями и 28 сотрудниками с совокупным годовым жалованием в 206,4 тыс. руб., являлось не только излишним, но и вредным. Тем более что массового пожалования орденов гражданским чиновникам не планировалось, а награждением военнослужащих уже ведало Военное министерство.

Во исполнение вышеупомянутого постановления Совета министров 9 июля 1919 г. состоялось заседание межведомственной комиссии по вопросу о мерах, имеющих значение наград для должностных

³⁴ ГА РФ. Ф. Р.-176. Оп. 6. Д. 45. Л. 1–5 (материалы предоставлены В.И. Шишкиным).

³⁵ ГА РФ. Ф. Р.-176. Оп. 5. Д. 91. Л. 208–209об., 212–215.

лиц. Председательствовал в комиссии товарищ главноуправляющего делами Верховного правителя и Совета министров И.В. Павлов. В ходе обмена мнениями был высказан ряд соображений, два из которых имели принципиальное значение для функционирования всей наградной системы. В частности, представитель Государственного контроля Медведев высказался против системы гражданских чинов, «так как они атрофируются классами должностей и являются только дополнением к метрическому свидетельству о возрасте». И.В. Павлов также предложил вопрос о чинах не обсуждать, а в системе наград сохранить только русские ордена, исключив из нее ордена польские (Белого орла и Св. Станислава) и голштинские (Св. Анны).

В итоге комиссия высказалась за следующие виды наград: 1) Ордена — Св. Владимира, Александра Невского и Андрея Первозванного, 2) медали, 3) подарки, 4) кафтаны и халаты, 5) единовременные денежные выдачи, 6) зачет частной службы в государственную, 7) предоставление прав государственной службы лицам, не пользующимся этими правами (по образованию, женщины), 8) несчитание судимости препятствием к наградам и некоторым служебным преимуществам и 9) сокращение срока службы на выслугу пенсии. Детальная разработка всех вопросов о наградах была возложена на специальную комиссию, которую предполагалось образовать из представителей Управления делами Российского правительства (начальник инспекторского отделения и юрисконсульт), Государственного контроля, министерства финансов, министерства юстиции, военного министерства и министерства внутренних дел³⁶.

Следует отметить, что реальная практика награждения орденами часто вступала в противоречие с утвержденными положениями. Сам Верховный правитель в нарушение Георгиевского статута без предварительного рассмотрения представлений в Георгиевских думах собственной властью осуществлял награждения орденами Св. Георгия и Георгиевским оружием. Командующий Сибирской армией генерал Гайда самочинно награждал офицеров орденами Св. Владимира IV ст. и Св. Анны II ст. Еще дальше пошел атаман Г.М. Семенов, который до конца мая 1919 г. не признавал власть Колчака, в том числе и в вопросах награждения орденами.

Провозгласив себя командующим Отдельной Восточно-Сибирской армией, Семенов присвоил себе право награждать не только подчинявшихся ему русских офицеров, но и иностранцев. Так, в конце

³⁶ ГА РФ. Ф. Р.-176. Оп. 6. Д. 44. Л. 1–2 (материалы предоставлены В.И. Шишкиным).

апреля 1919 г. за отличия в боях с большевиками командир второго батальона 25-го полка майор Фукусима был награжден орденом Св. Анны II ст. с мечами, этапный комендант третьего этапа штаба 1-й дивизии майор Ито — орденом Св. Станислава II ст., командир пятой роты 25-го полка капитан Х. Чиеси, старший врач второго батальона 25-го полка капитан М. Саданори, командир 8-й роты капитан К. Минеза и командир 6-й роты того же полка капитан О. Тейкити — орденами Св. Анны III ст. с мечами и бантом; адъютант 2-го батальона 25-го полка поручик О. Хидео, взводный командир 5-й роты того же полка поручик У. Цунетаро и врач 3-го этапного коменданта штаба 1-й дивизии подпоручик Тебико — орденами Св. Анны III ст. с мечами и бантом³⁷. В начале мая того же года приказом атамана Семенова «за особые отличия» были награждены орденами несколько иностранных генералов, в том числе японский генерал-майор Фунахаси — орденом Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом, японские генерал-майор Юхара и генерал-лейтенант Фудзий — орденом Св. Владимира III ст. с мечами, китайский генерал Чжан Куйву — орденом Св. Станислава II ст³⁸.

Г.М. Семенов награждал не только традиционными русскими орденами. Еще весной 1918 г. он учредил собственные знаки отличия, в том числе орден Св. Георгия, крест и медали «За храбрость». Крест изготавливался из белого металла и представлял из себя аналог Георгиевского креста, в центре которого находилось изображение Св. Георгия, поражающего копьём змея. На лицевой стороне креста, на верхней его стороне располагалось изображение солнца, на левой стороне — буква «О», на нижней — «М» и на правой — «О», что означает «Особый Маньчжурский отряд». Крест, размером 35 на 35 мм, носился на георгиевской ленте. Медаль аналогичного названия (аналог Георгиевской медали) имела следующий вид: в центре в двойном круге был изображен Георгий Победоносец, поражающий копьём змея. Над ним в разрыве двойного кольца располагалось изображение солнца; по краю медали — отделенная двойным ободком надпись «Особый Маньчжурский отряд»³⁹.

³⁷ Известия штаба Отдельной Восточно-Сибирской армии. 1919. 1 мая.

³⁸ Известия штаба Отдельной Восточно-Сибирской армии. 1919. 8 мая.

³⁹ См. подробнее: Кузнецов А., Чепурнов Н. Наградная медаль. Т. 2. М., 1995. С. 57–59; 224; Каревский А.А. Георгиевские награды Особого Маньчжурского отряда атамана Г.М. Семенова // Белая гвардия. № 8: Казачество России в Белом движении. М.: Посев, 2005. С. 285–286.

* * *

Мысль о возможности не ограничиваться адаптированием к изменившимся условиям дореволюционной наградной системы, а учредить новые награды в той или иной степени призванные заменить или интегрироваться в прежнюю наградную систему обрела практическое оформление в начале 1919 г.

26 января 1919 г. помощник военного министра по организационно-инспекторской части генерал В.И. Марковский составил документ, который цитирующий его А.И. Рудиченко именует «докладом»⁴⁰. Вначале В.И. Марковский дает свою оценку ситуации, сложившейся с наградами: «Ныне бывшей царской власти уже не существует и едва ли удобно награждение существовавшими орденами за борьбу идейную, за борьбу спасения и возрождения России». Отметим, что данная квалификация зеркально противоположна другой оценке, широко обсуждающейся в современной научной и историко-публицистической литературе. Так, И.В. Можейко писал, что причиной учреждения новых наград выступали «сомнения по поводу того, насколько этично награждать царскими орденами, и в первую очередь орденом св. Георгия, участников гражданской войны»⁴¹. В.И. Марковский, также отделяя гражданскую войну от предшествовавшего периода, ставил ее не ниже, а выше в моральном отношении. «За эту идейную борьбу было бы целесообразнее, — пишет далее он, — установить особый орден, наименовав его „Орденом Спасения России“. Такой орден, находясь на груди борца за спасение Родины, отличал бы его от общей массы и указывал бы на его заслуги перед Россией. Пожалование же существовавших орденов никому и ничего не говорило бы, т[ак] к[ак] никто не знал бы, за что таковой пожалован».

⁴⁰ Цитата из текста данного документа приводится А.И. Рудиченко по копии из архива В.А. Дурова, к сожалению, не указан ни архивный источник, ни кто являлся адресатом данного текста. См.: Награды и знаки белого движения / Автор-сост. А.И. Рудиченко. М., 2008. С. 119.

⁴¹ *Можейко И.* Поручик Голицын, надеть ордена! (кому и за что давали награды в белой армии) // *Родина*. 1996. № 10. С. 63–67; см. также: *Езев А.Б.* К вопросу о «допустимости», «легитимности» и «правомочности»... (Из истории георгиевских наград на Востоке России в 1918–1919 гг.) // *Военная быль*. М., 1993. № 4. С. 9–15. Типичное высказывание в публицистике: «Дело в том, что вожди белого движения не награждали своих воинов императорскими орденами, считая, что не может быть награжден солдат или офицер царскими наградами, так как та война была гражданской и братоубийственной» (*Киселев М.* Ордена империи от «Марии Первой» [Интервью] // *Спецназ России*. 2003. № 9. С. 10).

Инициатива нашла поддержку у вышестоящего руководства. Уже 7 февраля 1919 г. в заседании Совета министров Российского правительства непосредственный начальник В.И. Марковского военный министр генерал Н.А. Степанов внес на рассмотрение вопрос об утверждении условий конкурса на составление проектов двух государственных наград: «ордена возрождения России» и «ордена в память освобождения Сибири», а также государственного герба. За прошедшие двадцать дней идея, изложенная генералом Марковским, претерпела примечательные изменения. Во-первых, инициатива была оформлена как общественная: конкурс объявлялся от имени Общества художников и любителей изящных искусств Степного края, хотя финансирование конкурса полностью проводилось за счет государственных средств. Во-вторых, предполагаемый орден изменил название: вместо драматически напряженного и религиозно окрашенного термина «спасение» был использован термин «возрождение», более светский и спокойный. Наконец, в-третьих, возникла идея учреждения сразу двух орденов — наряду с общим, универсально-российским орденом, вновь возникла идея создания специального ордена для сибиряков.

Инициатива военных в учреждении новых наград косвенно подтверждается тем, что правила конкурса были опубликованы лишь центральной военной газетой «Русская армия», издаваемый же управлением делами Совета министров и Верховного правителя «Правительственный вестник» ничего не написал по этому поводу.

Кто был автором текста «Условий конкурса», опубликованных 21 февраля 1919 г.⁴² определить затруднительно. Ответственным за проведение конкурса в публикации был назван товарищ председателя Общества Б.В. Трувеллер, кроме него жюри должно было включать двенадцать членов — восемь от обществ художников (шесть представителей омского, по одному — иркутского и томского), двух представителей Военного министерства, одного — Морского, а также профессора истории искусств Омского политехнического института. Прием

⁴² Русская армия (Омск). 1919. 21 февраля. № 35; документ публиковался без ссылки на источник текста: Материал к истории наград периода гражданской войны и белого движения 1918–1922 гг. / Сост. Д.И. Петерс. Philadelphia, 1996. С. 14–16; а также: Орден «Освобождения Сибири» // Колчакия: Сайт, посвященный вопросам символики антибольшевистских государственных образований и военных формирований на востоке России периода гражданской войны 1918–1922 годов / Науч. ред. А. Каревский. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kolchakiya.ru/faleristika/liberation_siberia.htm; Награды и знаки... С. 120, 126–127.

работ на конкурс планировалось завершить 1 апреля 1919 г.

Впрочем, после истечение этого срока, 2 апреля 1919 г. «Сибирская речь» опубликовала сообщение о продлении конкурса до 15 числа того же месяца. 10 апреля сообщение об этом же было опубликовано «Правительственным вестником», 11 апреля — «Сибирской армией»⁴³. В этих публикациях был уже приведен персональный состав комиссии: председатель Общества художников Б.В. Трувеллер, писатель по вопросам искусства А.И. Венедиктов, директор Казанской художественной школы П.П. Веньков, архитектор-художник М.С. Григорьев, профессор Б.П. Денике, художник Б.А. Дормидонтов, представитель Морского министерства лейтенант Д.Л. Захарченко, художник Ю.К. Кургуков, представитель Военного министерства капитан В.В. Селенинов, представитель Управления делами В.С. Сердобинский⁴⁴.

Как видно, состав комиссии оказался меньше первоначально планировавшегося на три человека, Военное министерство делегировало всего одного представителя вместо двух, зато в состав комиссии вошел представитель Управления делами. Тексты «Условий корпуса» для двух орденов полезно рассмотреть параллельно (см. таблицу).

Таблица

Условия конкурса орденов Возрождения России
и Освобождения Сибири

Орден «Возрождения России»	Орден «Освобождения Сибири»
«Орден „Возрождения России“ должен воплощать идею Возрождающейся России из смуты гражданской войны.	«Орден „Освобождения Сибири“ предназначается для награждения за военные и гражданские заслуги участников борьбы за освобождение Сибири.
Символом возрождения могут быть мотивы, заимствованные из русских национальных сокровищ древней орнаментальной мистики	Идея ордена должна воплощать в себе природные силы Сибири с орнаментацией, изображающей растительные и животные формы

⁴³ В Обществе художников // Правительственный вестник. 1919. 10 апреля. № 112; Конкурс // Русская армия. 1919. 11 апреля. № 75.

⁴⁴ А.И. Рудиченко приводит этот список со ссылкой на публикацию «Сибирской речи» от 2 апреля 1919 г. и многочисленными ошибками. За исключением неправильно прочитанных фамилий одно разночтение имеет смысл — в качестве представителя Морского министерства указан Теренин (Речь идет о мичмане М.М. Теренине, начальнике отделения общих и учебных дел управления по делам личного состава флота Морского министерства).

и современных графически переданных аллегорий.	страны.
Орден предназначается за гражданские и военные заслуги и должен быть четырех степеней, причем, все степени ордена за военные заслуги, сохраняя общий характер своего содержания, отличаются от гражданского только украшением его военными эмблемами.	Орден предназначается за гражданские и военные заслуги, должен быть четырех степеней, причем все степени ордена за военные заслуги, сохраняя общий характер своего содержания отличаются от гражданского только украшением его военными эмблемами.
Орден первой степени носится на шее, состоит из самого ордена и цепи, звенья которой представляют эмблемы, соответствующие идее.	Орден «Освобождения Сибири» первой степени носится на широкой ленте через левое плечо состоящей из сочетания двух цветов — зеленого и белого; самый орден помещается на ленте с левой стороны груди и состоит из ордена на фоне звезды, сполохах северного сияния или другом орнаменте.
Орден второй степени носится на правой стороне груди, состоит из ордена на фоне звезды или иной орнаментальной формы.	Вторая степень носится в петлице с веером из ленты тех же цветов.
Орден третьей степени носится на левой стороне груди, может быть прикрепленным самостоятельно или висящим на орнаментальной подвеске.	Третья степень — носится на левой стороне, на ленте тех же цветов — бантом.
Орден четвертой степени должен отвечать заданиям ордена третьей степени сделанного из более дешевого материала на фоне розетки цветов национального флага (белый, синий, красный).	Четвертая степень должна отвечать заданиям ордена третьей степени, выполненного из более дешевого материала, на фоне розетки сибирских цветов (белого, зеленого).
Материалом для ордена служат металлы и их композиции, эмали, драгоценные камни.	Материалом для ордена служат металлы и их композиции, минералы разных пород и вообще естественные богатства Сибирского края.
Проекты должны быть исполнены в красках, в натуральную величину. На ордене могут быть допущены краткие девизы и даты».	Проекты должны быть исполнены в натуральную величину. На ордене могут быть допущены краткие девизы и даты».

Сравнивая данные тексты, можно отметить, что различия в оформлении первых степеней — цепь у ордена возрождения России

(подобно высшему дореволюционному ордену Андрея Первозванного) и лента у ордена освобождения Сибири, звезда у второй степени российского и у первой степени сибирского ордена задавали соответствующую иерархию планируемых наград. При этом, орден Освобождения Сибири «прописан» несколько конкретнее: упомянуты «сплохо северного сияния», «растительные и животные формы», «естественные богатства Сибирского края».

Возможно, что условия формулировались под уже подготовленные проекты будущих наград. Об этом говорит опубликованный в прессе текст описания орденов, отложившегося в бумагах Тюменского отдела ГПУ⁴⁵. Судя по названию одного из документов, «Объяснение к ордену „Освобождение Сибири“», приведенном процитировавшим его А.А. Петрушиным, исходный текст скорее всего представлял собой сопроводительную записку к поданному на конкурс проекту орденов.

Об ордене возрождения России говорилось: «Общая форма самого ордена — равноконечный крест как бы с набитыми наконечниками древнерусской формы <...> помещена в центре ордена в лавровом венке — аллегорическом изображении гнезда — фигура птицы феникс, как символ возрождения <...> Основываясь на сведениях профессора Н.В. Покровского («Очерки памятников христианского искусства и иконографии») и Брокгауза и Ефрона, феникс похож на орла и представлен расправляющим крылья <...> На орденах, на верхнем конце, поставлена дата — год их основания. Не исключается возможность поставить число и месяц. На правом и левом концах начертан девиз: „В единении — возрождение“. Далее А.А. Петрушин пишет: «Знаки разных степеней отличались размерами и материалами изготовления. Предусматривалось эмалевое производство с покрытием финифтью и украшением из самоцветных камней, мелкого жемчуга и малахита».

Описание проекта ордена освобождения Сибири таково: «Общая форма ордена „Освобождение Сибири“ — сильно стилизованная снежинка... Во всех степенях сохранен один и тот же рисунок. Для отличия же одной степени от другой концам орденов дана соответствующая окраска. Так орден 1-й степени имеет концы красного цвета, 2-й — синего, 3-й — зеленого, 4-й — белого. Зная, например, что орден 2-й

⁴⁵ Эти тексты были приведены в чекистской ориентировке 1920-х гг. в качестве информации для проведения обысков, ошибочно рассматриваясь как описание реально существовавших наград. К сожалению, текст данного документа никогда не был опубликован полностью и в соответствии с научными принципами. См.: *Петрушин А.А. Загадочный премьер: штрихи к портрету // Тюменские известия. 1992. 7 ноября. № 261/262.*

степени имеет синюю окраску, можно уже на известном расстоянии определить, к какой степени относится этот орден.

В центре ордена помещен сибирский герб с присоединенным к нему наверху гербом России, как указание на то, что Сибирь принадлежит России. Для выражения природных богатств Сибири между концами ордена изображены: вверху — кедровые шишки — указание на обилие в Сибири леса; несколько ниже помещены два горноста, указывающие на то, что Сибирь богата зверем, и совсем внизу даны головы мамонтов, ибо только в Сибири встречаются останки этих допотопных животных, и только в Сибири из бивней мамонтов изготавливаются художественные изделия. Ордена изображены с мечами, т[о] е[сть] военные. Убрав мечи, можно получить ордена гражданские».

Приведенные описания довольно точно соответствуют «техническому заданию» объявленного конкурса. Действительно — птица феникс, лавровый венок, крест с наконечниками «древнерусской формы» вполне подходят под параметры «русских национальных сокровищ древней орнаментальной мистики и современных графически переданных аллегорий», а кедровые шишки, горноста и головы мамонтов явно соответствуют требованию изобразить «растительные и животные формы страны». Нельзя не отметить несколько аляповатую перегруженность обоих проектов. Впрочем, всего на конкурс поступило «около ста проектов», и даже если большинство из них являлись проектами государственного герба, то все равно членам жюри пришлось иметь дело с десятками оформленных предложений.

Параллельно с конкурсом шла разработка правового оформления будущих орденов. Известны тексты проектов статуты обоих орденов⁴⁶. Проект статута ордена возрождения России на основании собственного содержания может быть датирован диапазоном дат между 2 и 14 апреля 1919 г. Проект, вероятно, происходил из военной среды: хотя в «Условиях конкурса» говорится о том, что орден предназначается для награждения в первую за гражданские, и лишь во вторую — за военные заслуги, в тексте проекта акцент очевидным образом перенесен на вознаграждение подвигов «на поле брани с врагами воссоздания единой России».

Документ более чем пространен — он включает в себя 46 статей.

⁴⁶ См.: Награды и знаки... С. 120–124. Публикатор этого текста А.И. Рудиченко воспроизвел его по копии из личного архива коллекционера С. Сороки, текст копии не содержит информации об источнике текста, дате составления и составителях документа.

Структурно документ разделен на семь тематических частей — «Общие положения», «О том, какие воинские подвиги на поле брани награждаются орденом „Возрождения России“», «Порядок награждения орденом возрождения России за подвиги на поле брани», «О том, какие заслуги военных и гражданских лиц награждаются орденом „Возрождения России“», «Порядок награждения», «Обязанности и преимущества, связанные с орденом „Возрождения России“» и «Орденская Дума».

Необходимость учреждения нового ордена статья первая проекта аргументировала так: «В страдные дни грозной для судеб Родины разрухи, в память самоотверженных подвигов и трудов ее истинных сынов, во имя возрождения великой, свободной и славной своими заслугами перед культурой человечества России, учреждается орден „Возрождения России“».

Проект предусматривал, что орден может быть пожалован «всем гражданам государства и подданным иностранных государств», причем особо оговаривалось, что иностранцы, получившие орден, «в списки его не включаются». Таким образом, хотя права на получение ордена сформулированы как бессловные («всем гражданам»), проект статута рассматривает кавалеров учреждаемого ордена как членов особого сословия — именно поэтому в его списки не включаются иностранцы. Вообще проект проникнут идеей построения ордена как особой корпорации: подробно прописано функционирование системы орденских дум, процедура орденского суда, праздников, бюджета, благотворительности и т.д.

Проект отражал политические реалии момента: он не только упоминал «врагов воссоздания единой России», с которыми сражаются на поле брани (то есть большевиков), но и специально указывал, что «лица, запятнавшие себя причастностью к разрушительной деятельности против государства, ни в коем случае не могут быть награждены орденом» (речь явно шла о социалистах-революционерах и иных представителях левых антибольшевистских сил).

По отношению к старым наградам статут содержал положение о том, что орден жалуются «за подвиги на поле брани применительно к соответствующим статьям Георгиевского статута» (речь шла о статьях 5–15-й Георгиевского статута от 10 августа 1913 г.). Относительно же IV степени ордена, указывалось, что ей могут быть награждены и солдаты, получившие до этого за свои воинские подвиги все четыре степени георгиевского креста. Это значило, что предполагаемый к учреждению орден должен был не только заменить орден святого Георгия для награждения в ходе гражданской войны, но также, воз-

можно, встать выше прежде врученных георгиевских наград (по крайней мере — по отношению к георгиевским крестам).

Значительно лаконичнее был проект статута ордена освобождения Сибири⁴⁷: от состоял из преамбулы и 14 статей. Так же как и первый проект данный документ содержал упоминание о подведении итогов конкурса 15 апреля 1919 г., как с одной стороны уже назначенном, а с другой — еще не состоявшемся.

Преамбула начиналась с развернутой историко-публицистической зарисовки: «В то время, когда Государство Российское, опозоренное и униженное Брест-Литовским договором задыхалось под гнетом врагов и предателей Отечества — большевиков, когда вокруг лилась кровь верных сынов Родины и казалось, что нет выхода, нет просвета, все погребло, где-то далеко, далеко в Сибири, начала зарождаться заря, дававшая надежду, что за этой зарей наступит ясный день возрождения измученной, истерзанной и погибающей Родины. Надежда не обманула. Заря разрасталась, крепла и наконец, взошло солнце. В 1918 году Сибирь свергла угнетателей-большевиков, и, освободив от них свою территорию, отправила своих верных сынов, свою доблестную молодую армию на освобождение сердца России — Москвы». Необходимость учреждения ордена обосновывалась следующим образом: «Дабы запечатлеть на вечные времена эти великие заслуги Сибири, в лице ее доблестных сынов, в деле возрождения Родины».

Кавалерами нового ордена могли стать как «граждане Сибири, так и прочие граждане Государства Российского и подданные иностранных государств, оказавших несомненные заслуги по освобождению Сибири от большевиков, как на поле брани, так и в гражданском и общественном строительстве».

Статут не содержал упоминаний о кавалерских думах, орденском празднике и других элементах корпоративной организации, в целом выглядел значительно демократичнее проекта «российского» ордена. Диссонанс вносила лишь последняя, 14-я статья статута: «Права ношения ордена передаются в роде прямым потомкам кавалера по мужской линии». Данный принцип, свойственный прежде всего феодально-династическим орденам, был ранее не известен отечественной наградной системе, и носил явственно сословный характер.

15 апреля 1919 г. комиссия Б.В. Трувеллера подвела итоги конкурса. Достаточно неожиданным результатом ее работы было то, что ни один из представленных проектов ордена «Возрождения России»

⁴⁷ Статут ордена «освобождения Сибири» // ГА РФ. Ф. Р.-176. Оп. 6. Д. 47. Л. 1.

не был одобрен. Автор текста сообщения о конкурсе при этом не раскрыл причин такого решения, но отметил, что «как выясняется, в данном случае имели место те соображения, которыми руководствовались и жюри конкурса российского гимна»⁴⁸. Действительно, параллельно с данным конкурсом, проходил объявленный от имени Омского отделения Российского музыкального общества конкурс на музыку и текст нового государственного гимна. Конкурсная комиссия, рассмотрев 280 представленных проектов, не остановилась ни на одном. 3 апреля 1919 г. данные результаты конкурса были рассмотрены и приняты к сведению Советом министров⁴⁹. 10 апреля «Сибирской речи» была опубликована статья члена конкурсной комиссии, официального журналиста С.А. Ауслендера с подробной мотивировкой решения жюри⁵⁰.

Во-первых, говорилось об опасности в спешке надеть высокий статусом произведение, «не воплощающее полностью тот ликующий подъем, ту торжественную величавость, которые должны соответствовать величайшим героическим событиям наших дней». Во-вторых, подавляющее большинство представленных текстов отражали текущий момент борьбы, представляя собой «походные, боевые марши», а не «нечто постоянное, не связанное с текущими событиями, вечное, подлинное лицо великой России». В-третьих, говорилось о недостаточном художественном уровне музыки, указывалось, что «сейчас по эту сторону России пожалуй слишком мало для этого музыкальных сил». Характерно, что первые два тезиса в некотором смысле противоречат друг другу.

Какое из данных соображений могут быть отнесены и к планировавшемуся к учреждению ордену? Из текста «Условий конкурса» следовала актуальность награды (речь шла о «возрождении России из смуты гражданской войны»), сама инициатива генерала Марковского была основана на низкой оценке наград, «не связанных с текущими событиями». Остается только недостаточность художественного уровня предложенных наград.

Впрочем, если учесть неоднородность военно-политической элиты востока России, некоторые напряжения между стоявшими у истоков антибольшевистской борьбы «сибиряками» и «волжанами» и те-

⁴⁸ Результаты конкурса государств[енного] герба и орденов // Сибирская речь. 1919. 25 апреля. № 86.

⁴⁹ Журнал № 72 заседания Совета министров Российского правительства // ГА РФ. Ф. Р.-176. Оп.5. Д. 245. Л. 57–59.

⁵⁰ Ауслендер С. Неудавшийся конкурс // Сибирская речь. 1919. 10 апреля. № 77.

ми, кто присоединился к движению на последующих этапах.

17 апреля 1919 г. результаты конкурса были рассмотрены Советом министров. По итогам Совмин принял следующее постановление:

- «1) Учредить орден „Освобождения Сибири“.
- 2) Одобрить проект ордена „Освобождения Сибири“ по рисунку художника Ильина, премированный особым жюри [премией] 2-й степени, предоставив этому жюри установить детали и окончательную компоновку ордена.
- 3) Поручить военному министру сделать заказ необходимого количества экземпляров ордена „Освобождения Сибири“, предоставив ему войти в Совет министров с представлением об отпуске требующихся на оплату заказа средств.
- 4) Признать необходимым учреждение четырех степеней ордена „Освобождения Сибири“, установив для первых трех степеней ограничение числа кавалеров ордена и оставив без ограничения число кавалеров ордена четвертой степени.
- 5) Распространить награждение орденом „Освобождения Сибири“ как на гражданских, так и на военных чинов.
- 6) Установить особый порядок награждения орденом „Освобождения Сибири“ первых трех степеней, в силу которого представления на имя верховной власти о награждении орденом предварительно рассматриваются особо учреждаемым для этой цели органом.
- 7) Признать необходимым установление срока, в течение которого может быть произведено награждение орденом „Освобождения Сибири“.
- 8) Признать, что орден „Освобождения Сибири“ по старшинству следует непосредственно за предполагаемым к учреждению орденом „Возрождения России“, поручив установить старшинство с другими имеющимися орденами особой комиссии при военном министерстве.
- 9) Признать, что право ношения ордена „Освобождения Сибири“ передается старшему в роде из прямых потомков кавалера по мужской линии.

10) Отложить постатейное обсуждение проекта статута ордена „Освобождения Сибири“ впредь до изготовления орденских знаков»⁵¹.

В данном постановлении важно отметить, что Совет министров не отказался на тот момент от идеи учреждения «российского» ордена, а вопрос о вписывании наградных новаций в прежнюю орденскую систему воспринимался как сложный и нуждающийся в дополнитель-

⁵¹ Журнал № 82 заседания Совета министров Российского правительства // ГА РФ. Ф. Р.-176. Оп. 5. Д. 92. Л. 296–297.

ном рассмотрении.

Данное постановление запустило процесс изготовления пробных экземпляров нового ордена. Руководство процессом было возложено на победителя конкурса художника Г.А. Ильина, который 4 мая 1919 г. был командирован в Екатеринбург⁵². Вскоре заказ по изготовлению пробных образцов ордена был реализован в мастерских Художественно-промышленной школы г. Екатеринбурга под руководством ее директора В.М. Анастасиева.

Есть три свидетельства о внимании в этот период к процессу выработки новой награды Верховного правителя адмирала А.В. Колчака. По словам председателя Совета министров П.В. Вологодского, рисунки, по которым изготавливались пробные экземпляры, были утверждены Верховным правителем, согласно сопроводительному письму военного министра генерала Н.А. Степанова, Г.А. Ильин был командирован в Екатеринбург «по приказанию Верховного Правителя»⁵³, и, наконец, согласно отношению управляющего военным министерством генерала А.П. Будберга средства на изготовление данных экземпляров были выделены из экстраординарных сумм Военного министерства «по повелению Верховного правителя»⁵⁴.

6 июня 1919 г. вопрос наконец был вынесен на рассмотрение Совета министров. Председатель Совета Министров П.В. Вологодский назвал вопрос об окончательном утверждении формы новых орденов «имеющим характер спешности», и проаргументировал: «желательно, чтобы эти ордена были проведены поскорее, так как надо адресовать их представителям наших союзников». Это, — внешнеполитическое, — назначение ордена впервые было озвучено как приоритетное. Помощник управляющего делами Т.В. Бутов так сформулировал предложение: «Здесь есть изменения, могут быть сделаны необходимые улучшения, может быть Комиссией, но все-таки желательно, чтобы в целом это было утверждено, с теми изменениями, которые Комиссия найдет возможным сделать. Утверждены были рисунки, но [изготовленные] образцы не соответствуют несколько [утвержденным проектам]. Поэтому, если будет утверждена эта идея, тогда можно будет провести, причем и улучшения можно сделать»⁵⁵.

⁵² ГА РФ. Ф. Р.-176. Оп. 2. Д. 112. Л. 19.

⁵³ Военный министр начальнику гарнизона г. Екатеринбурга от 4 мая 1919 г. // ГА РФ. Ф. Р.-176. Оп. 2. Д. 112. Л. 20.

⁵⁴ Управляющий Военным министерством управляющему делами Верховного правителя и Совета министров от 14 июня 1919 г. // ГА РФ. Ф. Р.-176. Оп. 2. Д. 112. Л. 7.

⁵⁵ Из стенографического отчета заседания совета министров от 6 июня 1919 г.

Постановление было принято в следующей формулировке: «Ввиду некоторого несоответствия формы изготовленных экземпляров ордена „Освобождение Сибири“ мнению и предположениям членов Совета министров образовать комиссию из представителей от министерств военного и иностранных дел и управления делами Верховного правителя и Совета министров, которой поручить установить окончательную форму ордена „Освобождение Сибири“»⁵⁶. Характерно, что, согласно стенограмме, П.В. Вологодский ошибся и в ходе обсуждения, назвав орден Освобождения Сибири орденом Возрождения России. Это последнее известное нам упоминание о проекте «русского» ордена.

11 июня 1919 г. Г.А. Ильин снова был командирован в Екатеринбург «для руководства по изготовлению ордена „Освобождения Сибири“ по его проекту».

К этому времени первоначальный проект статута подвергся доработке⁵⁷. В новом проекте статута отсутствовала публицистическая преамбула, была изменена на более логичную последовательность статей. В новой версии проекта не нашли отражения два уже утвержденных Советом министров важных положения: создание орденской думы для предварительного рассмотрения награжденных тремя старшими степенями и установление ограничивающего срока будущих награждений, то есть, по сути, временного характера нового ордена (соответственно пункты 6 и 7 постановления Совета министров от 17 апреля 1919 г.). Максимальное число кавалеров I степени ордена было увеличено с 25 до 30. Кроме того, в тексте появилось упоминание о таком государственном учреждении как Капитул орденов, не существовавшем на тот момент на востоке России.

11 июня 1919 г. Юрисконсультская часть Управления делами Совета министров представила заключение по тексту статута. Критику юриста вызвала ст. 14 (также уже утвержденная правительством) о праве «старшего в роде из прямых потомков кавалера по мужской линии» носить орден, как «предоставляющее потомкам незаслуженное ими право предка». В качестве альтернативы было предложено изложить данную статью в следующей редакции: «Всем кавалерам ордена,

// Материал к истории наград периода гражданской войны и белого движения 1918-1922 гг. / Сост. Д.И. Петерс. Philadelphia, 1996. С.16-17. Составитель не приводит ссылки на документ и архивное дело, по которой осуществлена публикация.

⁵⁶ Журнал № 108 заседания Совета министров Российского правительства // ГА РФ. Ф. Р.-176. Оп.5. Д. 91. Л. 126.

⁵⁷ ГА РФ. Ф. Р.-176. Оп.6. Д. 47. Л. 7-8.

получившим таковой за боевые заслуги, принадлежит право обучения детей в правительственных учебных заведениях за казенный счет»⁵⁸. Впрочем, эта попытка противопоставить сословно-феодалным ценностям ценности просвещения не нашла поддержки законодателя.

13 июня 1919 г. Совет министров принял решение учредить орден освобождения Сибири и утвердить представленный статут ордена и описание его степеней⁵⁹. Однако, спустя пять дней, 17 июня, Совет министров вновь возвращается к уже утвержденному тексту статута, чтобы внести в него несколько изменений. Во-первых, была снята статья, предполагавшая постепенность награждения орденом начиная с IV степени. Это позволяло награждать сразу высшими степенями ордена, минуя низшие. Во-вторых, были детализированы правила ношения ордена потомками кавалера, чтобы возникала визуальная разница с ношением ордена непосредственно кавалерами⁶⁰.

В воскресном номере газеты «Правительственный вестник» от 29 июня 1919 г. было опубликовано утвержденное Верховным правителем постановление Совета министров Российского правительства от 17 июня 1919 г. за № 394 об учреждении ордена «Освобождения Сибири» и утверждении его статута. Текст постановления гласил: «С мая месяца 1918 года Сибирь трудами и кровью доблестных сынов своих ведет неутомимую и напряженную борьбу за освобождение родины от предателей-большевиков. Дабы запечатлеть на вечные времена великий подвиг, выпавший на долю Сибири: 1. Учредить особый орден „Освобождения Сибири“. 2. Утвердить представленный статут сего ордена и описание его степеней <...>».

Согласно статуту, орден являлся наградой почетной, жалуемой как сибирякам, так и прочим гражданам Государства Российского, и подданным иностранных государств, проявившим несомненные заслуги по освобождению Сибири от большевиков, как на поле брани, так и в государственном и общественном строительстве. Орден имел четыре степени, причем число награждений I степенью ограничивалось 30 чел., II степенью — 100 чел., III степенью — 300 чел. Награждения IV степенью ордена не ограничивалось. Примечательно, что право ношения ордена передавалось старшему в роду из прямых потомков кавалера по мужской линии. По наружному виду орден представлял из себя: I степени — большой золотой крест, в который с ли-

⁵⁸ ГА РФ. Ф. 176. Оп. 2. Д. 112. Л. 10.

⁵⁹ Журнал № 111 заседания Совета министров Российского правительства от 13 июня 1919 г. // ГА РФ. Ф. Р.-176. Оп. 5. Д. 91. Л. 146.

⁶⁰ Журнал № 113 заседания Совета министров Российского правительства от 17 июня 1919 г. // ГА РФ. Ф. Р.-176. Оп. 5. Д. 91. Л. 158–168.

цевой стороны вделан малахитовый крест меньшего размера таким образом, что по краям последнего видна золотая оправа. Толщина малахитового креста — с постепенным уменьшением к его концам. Ширина обоих крестов — с постепенным сужением к концам. В середине лицевой стороны малахитового креста размещена золотая накладная дата «1918». Крест должен был носиться через правое плечо на бело-зеленой ленте шириной $2\frac{1}{4}$ вершка со звездой на левой стороне груди. Звезда — восьмиугольная, кованная серебряная, позолоченная; средние вертикальные и горизонтальные лучи длиннее прочих. Каждый из вертикальных и горизонтальных лучей звезды блестящий и украшен пятью хризолитами. Прочие лучи — матовые. В середине звезды плоское поле, в котором расположен малахитовый в золотой оправе крест, достоящий до краев поля. В середине креста золотая накладная дата «1918». Крест ордена II степени аналогичный, но меньшего размера, носился на шее, на ленте шириной $1\frac{1}{4}$ вершка. Крест ордена III степени меньшей величины носился в петлице на ленте шириной в $\frac{3}{4}$ вершка. Крест ордена IV степени — оксидированный такой же величины, как и III степени, но покрытый с лицевой стороны зеленой эмалью. Носился в петлице на ленте шириной в полвершка. К знакам ордена, в случае пожалования за военные подвиги, присоединялись мечи в виде двух накрест лежащих казачьих шашек старого образца. На звезде — мечи серебряные⁶¹.

Перипетии изготовления ордена неоднократно описывались в литературе⁶². Несмотря на выделение средств и материалов, включая драгоценные металлы, на доставку из Японии заказанных бело-зеленых лент, орден не был изготовлен ни до эвакуации Художественно-промышленной школы из Екатеринбурга в сентябре 1919 г., ни после возобновления ее работ в Чите.

19 октября 1919 г. дежурный генерал Штаба главнокомандующего армиями Восточного фронта генерал П.Ф. Рябиков обратился к главноуправляющему делами Верховного правителя и Совета министров Г.Г. Тельбергу. Он сообщил, что в Штаб главнокомандующего поступают запросы о порядке представления к награждению орденом «Освобождения Сибири» и просил сообщить, будут ли изданы более подробные правила, регламентирующие порядок представление и награждение данным орденом⁶³. 27 октября 1919 г. товарищ главно-

⁶¹ Правительственный вестник (Омск). 1919. 29 июня.

⁶² *Можейко И.* Поручик Голицын, надеть ордена! (кому и за что давали награды в белой армии) // *Родина*. 1996. № 10. С. 63–67; *Награды и знаки...* С. 132–137; *Орден «Освобождения Сибири»* // *Колчакия...*

⁶³ ГА РФ. Ф. Р.-176. Оп.2. Д. 112. Л. 34.

управляющего делами сообщил, что «орден „Освобождения Сибири“ до настоящего времени еще не изготовлен», а запрашиваемые подробные правила, «пока, вследствие условий переживаемого времени» не разработаны⁶⁴. Можно с уверенностью сказать, что ни одного награждения новым орденом так и не состоялось.

Последнее важное событие в рамках рассматриваемой нами темы произошло уже после фактического разгрома белогвардейских вооруженных сил Сибири, когда малочисленные остатки Российской армии Колчака вышли в Забайкалье. «В воздаяние исключительных опасностей и трудов, понесенных войсками Восточного фронта в беспримерном походе с берегов Иртыша за Байкал», приказом войскам фронта № 9 от 11 февраля 1920 г., генерал С.Н. Войцеховским учредил знак отличия военного ордена «За Великий Сибирский поход», представлявший из себя серебряный оксидированный терновый веночек, пронзенный золотым мечом. I степенью знака награждались все участники похода, находившиеся в строю и оперативных штабах, II степенью — все остальные (в том числе и женщины). Знак I степени должен был носиться на георгиевской, II степени — на владимирской лентах (без бантов)⁶⁵.

По своему статусу знак отличия «За Великий Сибирский поход» являлся своего рода аналогом «Знака отличия 1-го Кубанского (Ледяного) похода», учрежденного в августе 1918 г. приказом главнокомандующего Вооружёнными силами Юга России генералом А.И. Деникиным. Право на награждение и тем, и другим знаком имели все непосредственные участники походов, как военнослужащие, так и гражданские лица. Оба эти знака со временем превратились своего рода в символы Белого движения в России. Если 1-й Кубанский поход символизировал начало активной и непримиримой борьбы с большевизмом в общероссийском масштабе, то Сибирский поход — ее завершение.

* * *

Таким образом, практика награждений в период деятельности Временного Сибирского, Временного Всероссийского и Российского правительств носила противоречивый и разнонаправленный характер. Попытки адаптировать традиционную русскую наградную систему к радикально изменившимся обстоятельствам приводили к девальвации этих наград в глазах общества и армии. В данных обстоятельствах возникла тенденция к учреждению новых, оригинальных

⁶⁴ ГА РФ. Ф. Р.-176. Оп.2. Д. 112. Л. 35.

⁶⁵ РГВА. Ф. 39483. Оп. 1. Д. 21. Л. 1, 3.

знаков отличия. История учреждения новых орденов на востоке России в 1919 г. и ее неудачи как в капле воды отразила и идейную неоднородность антибольшевистского движения, и борьбу элитных группировок, и низкую эффективность колчаковского государственного аппарата. Несмотря на существенное внимание, уделявшееся лидерами антибольшевистского движения вопросам наград, целостная и эффективная наградная система на востоке России в период гражданской войны так и не сложилась.

Литература

- Временное Сибирское правительство. 26 мая — 3 ноября 1918 г. Сб. документов и материалов. / Сост. и науч. редактор В.И. Шишкин. Новосибирск, 2008. С. 117-118.
- Всеволодов И.В. Беседы о фалеристике. Из истории наградных систем. М., 1990. С. 259.
- Доценко В.Д. Каталог орденов и знаков отличия белого движения и русской военной эмиграции. СПб.: Петрополис, 1992.
- Езев А. К вопросу о «допустимости», «легитимности» и «правомочности»... (Из истории Георгиевских наград на Востоке России в 1918-1919 гг.) // Военная быль. № 4(133). 1993.
- Каревский А.А. Георгиевские награды Особого Маньчжурского отряда атамана Г.М. Семенова // Белая гвардия. № 8: Казачество России в Белом движении. М.: Посев, 2005.
- Киселев М. Орден империи от «Марии Первой» [Интервью] // Спецназ России. 2003. № 9.
- Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры российской революции 1917 года. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Лики России, 2012.
- Крицкий Н., Буяков А. Некоторые особенности награждения Георгиевскими наградами в белом движении на Дальнем Востоке России (1918-1922 гг.) // Нумизматика і Фалеристика. 2002. № 4(24).
- Кузнецов А.А., Чепурнов Н.И. Наградная медаль. М., 1995. Т. 2. 1917-1988. С. 53-54.
- Кузнецов А.А. О Белой армии и ее наградах. М., 1991.
- Кузнецов Н.А. Последние Георгиевские кавалеры Российского флота // Доброволец. 2003. № 2.
- Можейко И. Поручик Голицын, надеть ордена! (кому и за что давали награды в белой армии) // Родина. 1996. № 10.
- Награды и знаки белого движения / Автор-сост. А.И. Рудиченко. М., 2008.
- Орден «Освобождения Сибири» // Колчакия: Сайт, посвященный вопросам символики антибольшевистских государственных образований и военных формирований на востоке России периода гражданской войны 1918-1922 годов / Науч. ред. А. Каревский. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kolchakiya.ru/faleristika/liberation_siberia.htm
- Ориан Э. Русские награды от чехословацкого генерала // Русская традиция:

- Общественная организация. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruslo.cz/articles/914/>
- Пашков П.В.* Ордена и знаки отличия гражданской войны 1917-1922 годов. Париж, 1961.
- Петерс Д.И.* Дополнительные материалы к истории наград периода Гражданской войны и Белого движения 1918–1922 гг. Филадельфия, 1997.
- Петерс Д.И.* Материал к истории наград периода Гражданской войны и Белого движения 1918-1922. Филадельфия, 1996.
- Петров А.А.* Знак Отличия Военного Ордена «За Великий Сибирский поход» как Георгиевская награда // Рейтар. № 35 (2/2007). М., 2007.
- Петрушин А.А.* Загадочный премьер: штрихи к портрету // Тюменские известия. 1992. 7 ноября. № 261/262.
- Плотников И.Ф.* Александр Васильевич Колчак. Жизнь и деятельность. Ростов н/Д: Феникс, 1998.
- Пыхалов И.В.* Георгиевские кресты для «белых орлов» // Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana). 2009. № 4.
- Рудиченко А.И.* Награды и знаки белых армий и правительств 1917- 1922 гг. Учредительные документы, изготовление, практика награждения, типы и разновидности. М., 2008.
- Рудиченко А.И.* Награды императорской России в период Гражданской войны: законодательство, практика награждения, типы и разновидности. М., 2007.
- Савин А.И., Деннингхаус В.* «Смотришь, и Мане и Тане какой-то «Знак Почета» попадает...» Брежневская «индустрия» награждений и советское общество // Российская история. 2014, № 2.
- Симонов Д.Г.* Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010.
- Шевелев Д.Н.* Георгиевские награды в Русской армии адмирала Колчака // История белой Сибири: Тезисы 4-й научн. конф. 6-7 февраля 2001 г. Кемерово, 2001.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГАКК — Государственный архив Красноярского края
- ГАКО — Государственный архив Кемеровской области
- ГАНО — Государственный архив Новосибирской области
- ГАТО — Государственный архив Томской области
- ГИАОО — Государственный исторический архив Омской области
- ГПУ — Государственное политическое управление
- ГЭС — Государственное экономическое совещание
- КОБ — комитет общественной безопасности
- МКУ АГМ — Муниципальное казенное учреждение г. Минусинска «Архив города Минусинска»
- МНБ — Московский народный банк
- РГВА — Российский государственный военный архив
- РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
- ЦИК — Центральный исполнительный комитет
- ЧГЭС — Чрезвычайное государственное экономическое совещание

ОБ АВТОРАХ

Дементьев Александр Петрович, аспирант, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, email: dementjev.ap@yandex.ru

Дробченко Владимир Александрович, д-р ист. наук, профессор филиала Кемеровского государственного университета в г. Анжеро-Судженске, Кемеровская область, email: vadrobchenko@yandex.ru

Журавлев Вадим Викторович, канд. ист. наук, н.с. Института истории, доцент кафедры отечественной истории Гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета, email: vvzh@mail.ru

Захарова Ксения Леонидовна, аспирант, Институт истории СО РАН, г. Новосибирск, email: minienrique@gmail.com

Кожевин Владимир Леонидович, канд. ист. наук, доцент Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, email: kozhevin@rambler.ru

Коновалова Ольга Викторовна, д-р ист. наук, Сибирский юридический институт ФСКН России, email: olgav--k@yandex.ru

Пивоваров Никита Юрьевич, канд. ист. наук, ведущий специалист Российского государственного архива новейшей истории, email: pivovarov.hist@gmail.com

Рынков Вадим Маркович, канд. ист. наук, с.н.с. Института истории СО РАН, доцент кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета, email: vadvsvet@list.ru

Симонов Дмитрий Геннадьевич, канд. ист. наук, с.н.с. Института истории СО РАН, доцент кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета, email: simonov_dg@mail.ru

SUMMARY

Transformation of Russian Political System During the Revolution and the Civil War: Siberian Specificity. Collection of scientific articles / Science Editor V.I. Shishkin. Novosibirsk: Parallel, 2014. 221 p.

Articles of the collection are focused on elimination of the existing historiography gaps and on analysis of changes which had been taking place in the Siberian segment of the Russian political system during the Revolution and the Civil War. The articles describe the public security committees, the people's assemblies of the Tomsk Province, the West Siberian joint committee of revolutionary democracy, the territorial public authorities of the Yenisei Province, the meetings of uezd superintendents, the State Economic Meeting, and the award system of anti-Bolshevik regimes in Eastern Russia.

Key words: Revolution of 1917, Civil War, counter-revolution, the political system, Russia, Siberia

Zakharova, K.L. Committees of public safety in Siberia (spring — summer, 1917).

The purpose of this article is complex studying of the problems connected with history of formation and functioning of committees of public safety (CPS) in Siberia. This question hasn't found due interpretation in scientific literature though research of this problem is an important component in formation of complete understanding of a phenomenon of the February Revolution of 1917. The author of this article studied a formation procedure of CPS, their membership, structure, areas and results of activities, and also committees relations with other elements of political system. The following conclusions were made: committees of public safety, being a realization of idea of various strata of society participation in governance, executed a role of local extraordinary authorities that was shown by the scale and nature of activities of CPS. However refusal of Provisional Government to include CPS in system of public administration, dynamics of relations with the center which passed from cooperation to competition, and also some other factors didn't allow committees to realize fully the potential in strengthening of political unity in the region.

Key words: the February Revolution of 1917, Siberia, political system, extraordinary authorities.

Drobchenko, V.A. The National Assembly of the Tomsk province in 1917: the experience of the reform of power at the regional level.

The article presents a description of the authorities in one of the largest Russian regions — Tomsk province in 1917, the reasons for conducting the country's first administrative reforms at the regional level, based on democratic elections and the implementation of the principle of separation of powers, aimed at forming fun-

damentals of the legal state and civil society, the mechanism of the reform implementation in practice — replacement of temporary committees of the national Assembly and their Executive committees, described the structure of the authorities from the provincial to rural levels, defined their composition, functions, main activities, as well as the reasons and the process of their elimination, concluded that in conditions of increasing social conflict authorities managed to avoid in the province of bloody clashes between opposing forces.

Key words: Power, society, revolution, local government reform, elections, the national assembly, the executive committees.

Kozhevnikov, V.L. The West-Siberian United Committee of Revolutionary Democracy's arise and activities in the context of the dual power problem.

This article covers the events connected with the arise and activities of the West-Siberian United Committee of Revolutionary Democracy. At the end of August until the beginning of November of 1917, this social organization played prominent role in the in political life of the important Siberian administrative center Omsk. Some episodes in the activities of the Committee testify to contradictory political course of its governing body and at present, the real character of this organization remains unclear. The author tries to solve the problem and reveals the reasons of this contradictoriness using the dual power conception. This conception is rather debatable in contemporary historiography. However, to the author's opinion it seems to be very useful in finding out the West-Siberian United Committee of Revolutionary Democracy's political nature.

Keywords: Western Siberia, committee, dual power, Soviets, Provisional Government, revolution, historiography, concept.

Dementiev, A.P., Kononova, O.V. Zemstvo System in sociopolitical life of Yeniseisk Governorate in 1917 — 1918.

The article is devoted to the analysis of establishment and function of zemstvo authorities in Yeniseisk governorate in 1917 — 1918, their role in sociopolitical life of the region. The results of zemstvo elections, political parties influence, public and sovereign power attitudes are presented in the paper.

Key words: Yeniseisk governorate, zemstvo authorities, 1917 Russian Revolution, the Soviets, Social revolutionaries, Bolsheviks, the peasantry.

Pivovarov, N.U. Government and Siberian cooperation (May — November 1918)

The article describes the key problem of the relationship of state power and the Siberian cooperation after the anti-Bolshevik coup in Russia's East with the end of May 1918 to the coup in November 1918 in Omsk. Despite the relatively short historical time cuts it has become extremely important in the history of the Siberian cooperation. This article is based on a cooperative periodicals (magazines and newspapers), as well as on published documents of public authorities period of «democratic counter-revolution.» Available materials allowed to come to the following conclusions. Economic apparatus Siberian cooperation, in particular its senior

officials, played a crucial role in the period of preparation for the anti-Bolshevik coup and in the counter-revolutionary government. However co-operation in contrast to private capital, could not be a single unifying force not only for producers and consumers, but also in the eyes of the authorities. Traditionally before the First World War, the disunity of the Siberian species cooperation, its division into dairy, and consumer credit, has not been overcome. As a result, at the time of the transformation of the political system, co-operation has not been able to take a monopoly position in the market, and there was only one component of the anti-Bolshevik policy.

Keywords: siberian cooperation, Civil War, «democratic counter-revolution,» counter-revolutionary governments, the food question, the monopoly legislation, the Union of Siberian butter-making artels, Sinkredsoyuz, Zakupsbyt, Vsekosovet.

Zhuravlev, V.V. Meetings of the Uezd Superintendents in Eastern Russia in October 1918–March 1919

This article is devoted to the history of meetings of the uezd administrators of the territory under control of the Provisional Siberian Government and later of the Russian Government of Admiral A.V. Kolchak. The article deals with the agenda of these meetings in terms of the Anti-Bolshevik movement public authority system operation in Eastern Russia in October 1918–March 1919. The study concludes that the attempt to decentralize law making activities and to improve the quality of legislative acts taken by the government through local administration turned out to be unsuccessful. Discussion of political situation in the Russian East and of the urgent and possible political measures even at the closed administrative meetings reflected the miserable and critical situation in the rear of White armies. The government did not take advantage of recommendations and materials provided “from below” to improve its legislative practice or its political steps.

Keywords: Civil War, counter-revolutionary governments, Provisional Siberian Government, Russian Government, Kolchak's dictatorship, local government, state apparatus

Rynkov, V.M. For the sake of dictatorship: education, reforming and work of representative-consultative body in the East of Russia (November 1918 — December 1919).

The article reveals history of Emergency State Economic Board' formation and work, thoroughly analyzes the reforms aimed at expansion of authorities to law-consultative and legislative in the long view, at creation of wider representation, and at the same time at improvement of legislative procedures' quality. The author showed the political rivalry for the influence over within the Board and the Board's influence over domestic situation, noted the results of the Board's work in the different phases of its existence. The direction of authorities' development and the Board's functions corresponded to expectations of establishment, but contradicted the logic of Civil war events and nature of Kolchak's regime as a military dictatorship.

Key words: Civil War, Asian Russia, Kolchak's dictatorship, political reforms, parliamentary system, opposition, lawmaking process.

Zhuravlev, V.V., Simonov D.G. About the Award System of Anti-Bolshevik regimes in Eastern Russia (Mid 1918–Early 1920)

The article deals with the award system of anti-Bolshevik regimes in Eastern Russia with regard to activities of the Provisional Siberian, Provisional All-Russian and Russian Governments. The study concludes that the award practices were of a contradictory nature. The attempts to adapt the conventional Russian award system to the dramatically changed conditions led to devaluation of these awards in the eye of public and army. Under these circumstances, the tendency to establish new, unique badges of merit has occurred. The history of establishing new orders reflected the ideological and political discontinuity of Anti-Bolshevik movement and the low efficiency of state machine activities. Despite the great attention paid by the leaders of Anti-Bolshevik movement to the issue of awards, the integral and effective award system has never been established in Eastern Russia during the Civil War.

Keywords: Civil War, award system, insignia, army

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К.Л. Захарова.</i> Комитеты общественной безопасности в Сибири (весна — лето 1917 г.).....	3
<i>В.А. Дробченко.</i> Народные собрания Томской губернии 1917 года: опыт реформы власти на региональном уровне.....	29
<i>В.Л. Кожевин.</i> Создание и деятельность Западно-Сибирского объединенного комитета революционной демократии (конец августа — начало ноября 1917 г.)	67
<i>А.П. Дементьев, О.В. Коновалова.</i> Органы земского самоуправления в общественно-политической жизни Енисейской губернии в 1917 — 1918 гг.	86
<i>Н.Ю. Пивоваров.</i> Государственная власть и сибирская кооперация (май — ноябрь 1918 г.).....	106
<i>В.В. Журавлев.</i> Совещания управляющих уездами на востоке России в октябре 1918 — марте 1919 г.	139
<i>В.М. Рынков.</i> Во имя спасения диктатуры: образование, реформирование и деятельность представительного-совещательного органа на востоке России (ноябрь 1918 — декабрь 1919 г.)	157
<i>В.В. Журавлев, Д.Г. Симонов.</i> О наградной системе антибольшевистских режимов востока России (середина 1918 — начало 1920 г.)	178
Список сокращений	214
Об авторах	214
Summary	216

Научное издание

**Трансформация российской политической системы
в период революции и гражданской войны:
сибирская специфика**

Сборник научных статей

Компьютерная верстка:

В.В. Журавлев

Подписано в печать: 16.11.2014.

Формат: 60x84¹/₁₆.

Гарнитура: Cambria.

Уч.-изд. л. 12,7. Усл. печ. л. 13,8.

Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Параллель»,
630090, г. Новосибирск, ул. Институтская, 4/1,
тел. (383) 330-26-98